

Ни один макрорегион мира не столкнулся с такими масштабными и стремительными преобразованиями конфессионального пространства, как Африка в XX – начале XXI веков. Высокий демографический и экономический потенциал континента способствует усилению конкуренции между мировыми религиями за последователей, что достаточно часто приводит к конфликтам, несущим угрозу не только региональной, но и глобальной безопасности. Тем не менее в отечественной литературе наблюдается явный дефицит работ, посвященных данной теме, поэтому данная монография в определенной степени носит пионерный характер.

Цель исследования состоит в установлении трендов трансформации конфессионального пространства Африки с начала XX века, которая достигается за счет анализа обширного статистического и историко-географического материала. В работе уточняется понятие «трансформация» применительно к категории конфессиональное геопространство и предлагается методика изучения данного процесса. На примере крупнейших религий Африки – христианства, ислама, этнических религий – установлены механизмы и направления трансформации их геопространств на уровне стран Африки и штатов Нигерии. Подробно рассматривается процесс развертывания миссионерской сети христианства в Северо-Западной Африке. Анализируется влияние трансформации конфессионального пространства стран континента и их регионов на возникновение конфликтов.

Книга адресована, прежде всего, специалистам в области конфессиональной и общественной географии, религиоведения, африканистики; преподавателям, научным сотрудникам, учащимся вузов, а также всем, кто интересуется Африкой.

Захаров И.А.

Кандидат географических наук, научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук и Лаборатории географии мирового развития Института географии Российской академии наук

Научные интересы:
география религий, социально-экономическое развитие стран Африки, демография, геоконфликтология.

Автор и соавтор более 30 научных работ.

ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА АФРИКИ

Захаров И.А.

ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИЙ

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА АФРИКИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

И.А. Захаров

ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИЙ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА АФРИКИ

Москва
ИАФР РАН
2020

УДК: [911.3:2-67](6)

ББК: 86.2(6)

3 38

Научное издание
Утверждено к печати Ученым советом Института Африки РАН

Ответственный редактор:
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор **Л.Л. Фитуни**

Рецензенты:
Доктор исторических наук, заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН **И.В. Следзевский**
Доктор географических наук, заведующий Отделом социально-экономической географии Института географии РАН **В.Н. Стрелецкий**

Захаров, Иван Андреевич
3 38 География религий: трансформация конфессионального пространства Африки: монография / И.А. Захаров; предисловие члена-корреспондента РАН Л.Л. Фитуни – М.: Институт Африки РАН, 2020. – 148 с.

ISBN 978-5-94193-087-6

Книга посвящена выявлению и анализу трансформации конфессионального пространства Африки с начала XX века. В работе уточняется понятие «трансформация» применительно к категории конфессиональное геопространство и предлагается методика изучения данного процесса. На примере крупнейших религий макрорегиона – христианства, ислама, этнических религий – установлены механизмы и направления трансформации их геопространства на уровне стран Африки, а также на уровне административно-территориальных единиц Нигерии. Подробно рассматривается процесс разветвления миссионерской сети христианства в Северо-Западной Африке, факторы и условия, определяющие динамику и территориальные особенности этого процесса. Анализируется влияние трансформации конфессионального пространства стран континента и их регионов на возникновение внутригосударственных и межстрановых конфликтов на религиозной почве в этой части мира. Уникальность работы, состоит еще и в том, что она стала первым в России крупным специальным монографическим исследованием комплексно анализирующим названные процессы на фактическом материале 21 века.

Книга адресована, прежде всего, специалистам в области общественной географии, религиоведения и африканистики; преподавателям, научным сотрудникам, учащимся вузов, а также всем, кто интересуется Африкой. Материалы монографии могут быть использованы в учебных курсах «География религий», «География населения с основами демографии», «Геоконфликтология».

УДК: [911.3:2-67](6)

ББК: 86.2(6)

ISBN 978-5-94193-087-6

© И.А. Захаров, 2020 (автор)

© Л.Л.Фитуни, 2020 (предисловие ответственного редактора)

INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Ivan A. Zakharov

GEOGRAPHY OF RELIGIONS:
TRANSFORMATION OF THE AFRICAN
RELIGIOUS LANDSCAPE

Moscow
2020

Academic Editor:
Professor **Leonid L. Fituni**, DSc (Econ.)
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Reviewers:
I.V. Sledzevskiy, Doctor of History, Head of the Center for Civilizational and Regional Studies,
Institute for African Studies, RAS
V.N. Streletsky, Doctor of Geography, Head of the Department of Social and Economic Geogra-
phy, Institute of Geography, RAS

Zakharov, Ivan A.

Geography of Religions: Transformation of the African Religious Landscape: Mono-
graph / I.A. Zakharov. Foreword – prof. L. Fituni – Moscow: Inst. for African Studies,
RAS, 2020. – 148.

ISBN 978-5-94193-087-6

No other world region has faced such large-scale and rapid transformation of its religious landscape as Africa in the 20th century. Against a backdrop of the continent's growing demographic and economic potential, the significance of these changes increases even more. In addition, Africa attracts attention with conflicts that quite often have religious background and potentially threaten regional and global security. However, there is an obvious lack of research devoted to the religious landscape of Africa. This monograph meets this demand to a certain extent. It aims to establish trends in the transformation of the religious landscape of Africa since the beginning of the 20th century, which is achieved through in-depth analysis of statistical, historical and geographical material. The paper clarifies the concept of «transformation» as applied to religious landscape and suggests a methodological approach for studying this process. Using the example of the largest religions of the region (Christianity, Islam, ethnic religions), mechanisms and directions of their spatial transformation are described at the level of African countries and administrative-territorial units of Nigeria. This research conducts a detailed examination of the process of the Christianity missionary network development in North-West Africa, the factors and conditions that determine the dynamics and territorial features of this process. The impact of African religious landscape transformation on the proliferation of conflicts within Africa is analyzed.

ISBN 978-5-94193-087-6

© I.A. Zakharov, 2020 (author)
© L.L.Fituni, 2020 (Editor's foreword)

Оглавление

Предисловие	7
Введение	12
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты изучения конфессионального геопространства	15
1.1. История развития географии религий как научной субдисциплины	15
1.2. Структура конфессионального пространства Африки	24
1.3. Стадии развития геопространств религий в рамках модели религиозной конкуренции	28
Глава 2. Динамика конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI вв.	37
2.1. Динамика компонентной структуры конфессионального пространства Африки	37
2.2. Роль сети миссионерских станций в формировании геопространства христианства	48
2.3. Динамика территориальной структуры конфессионального пространства Африки на разных компонентных уровнях	60
Глава 3. Механизмы и последствия трансформации конфессионального пространства Африки	72
3.1. Смена типов конфессиональной структуры населения стран Африки как результат трансформации их конфессионального пространства	72
3.2. Влияние трансформации конфессионального пространства Африки на возникновение религиозных конфликтов	83
3.3. Специфика межобщинных взаимоотношений в условиях трансформации конфессионального пространства: пример Нигерии	96
Заключение	107
Список литературы	113
Приложения	126
Иллюстрации	131

Contents

Foreword	7
Introduction	12
Chapter 1. Theoretical and methodological approaches to religious landscape	15
1.1. Evolution of geography of religions	15
1.2. Structure of the African religious landscape	24
1.3. Religious competition model: stages of religion's geospaces development	28
Chapter 2. Dynamics of the African religious landscape in XX – the beginning of the XXI centuries	37
2.1. Dynamics of the African religious landscape component structure	37
2.2. The role of missionary station network in the formation of geospace of christianity	48
2.3. Dynamics of the African religious landscape territorial structure on different spatial levels	60
Chapter 3. Mechanisms and consequences of transformation in the African religious landscape	72
3.1. Change of religious structure types as a result of the African religious landscape transformation	72
3.2. Impact of the African religious landscape transformation on emergence of religious conflicts	83
3.3. Specifics of inter-religious relationships in the context of religious landscape transformation: the example of Nigeria	96
Conclusion	107
References	113
Appendixes	126
Figures	131

Предисловие ответственного редактора

В отличие от многих других социальных направлений географии – политической, культурной или исторической – исследовательские границы которых весьма размыты и условны, а сам предмет изучения допускает множественные и порой очень далеко отстоящие друг от друга дефиниции, география религий отличается фундаментальной конкретностью предмета познания. Самое общее определение трактует ее как дисциплину, изучающую пространственные аспекты распределения (статика) и распространения (динамика) верований и конфессий. Можно без преувеличения сказать, что она является одной из старейших областей землеописательного познания мира, доступной в своей конкретности пониманию людей, пребывающих на самых ранних ступенях развития общества. Ее истоки уходят во времена начала осознания человеком дифференцирующих характеристик своей коллективной идентичности, поначалу выражавшейся в самых примитивных формах: «в долине живут люди, верящие в тех же богов, что и мы, а там за горами – молятся совсем другим».

В этом смысле география религий задолго до появления вышеупомянутых родственных направлений выполняла и ряд будущих функций географии политической, и формировала ключевые черты культурной географии отдельных ареалов обитания человека. На определенных этапах развития человечества география религий становилась важным инструментом расширения знаний об окружающем мире, поиска и обнаружения новых, ранее неведомых земель и путей к ним. Однако сама она как наука тоже формировалась, претерпевая длительную эволюцию, усложняясь содержательно и совершенствуя собственные инструменты получения знания. При этом предметной первоосновой содержательного развития географии религий как научного направления оставались постоянные изменения конфессиональных пространств, часть из которых на протяжении истории оказалась исследована сверхтщательно, часть – весьма основательно, а часть – явно недостаточно.

Африка до недавнего времени относилась к числу тех регионов, комплексное и широкомасштабное изучение трансформаций конфессиональных пространств которых, пребывало на периферии внимания отечественной науки. Работы отдельных первопроходцев географии религий Африки – Г.А Шпажникова, С.А. Горохова, Р.В. Дмитриева – либо отдалены во времени, либо посвящены определенному четко очерченному отдельному сегменту исследования, например, географии межконфессиональных конфликтов, или же, наоборот, рассматривают происходящие на континенте процессы с высоты мегатрендов планетарного масштаба –

глобальной трансформации межконфессиональных пространств. Другими словами, исследовательская ниша на мезоуровне – на уровне комплексной углубленной научной разработки проблематики в масштабах всего континента оставалась до появления исследования И.А. Захарова свободной.

Между тем потребность в глубоких научных разработках такого рода год от года усиливалась – не только в силу общих потребностей фундаментальной науки в целом, но и в прикладном плане: из-за неуклонно возрастающего роли стран и народов Африканского континента в формировании нового мироустройства и меняющегося глобального баланса сил. Ведь, как показывает жизнь, религиозная составляющая – мощнейший фактор, влияющий и на первое, и на второе.

В XXI веке роль Африки как геостратегически важного региона, привлекающего внимание всех значимых мировых центров силы, поступательно нарастает. По прогнозам ООН, уже к середине нынешнего столетия каждый четвертый землянин будет жить в Тропической Африке. К 2050 г. двое из пяти новорожденных на нашей планете будут африканцами. И это при том что вопрос религии остается для африканцев, вне зависимости от конкретной исповедуемой конфессии, в числе главных устойчивых мировоззренческих ценностей. Более медленная эволюция последних при опережающих по сравнению со всеми остальными континентами темпах роста численности жителей Африки означает, что в среднесрочной перспективе религиозная идентичность может стать важным компонентом мировосприятия для устойчиво растущей части земного населения. Это в свою очередь диктует необходимость углубленного исследования связанных с религией процессов и трансформаций конфессиональных пространств на континенте, которым в перспективе суждено все более влиять и на общий баланс сил в формирующемся мироустройстве.

Еще в начале нынешнего века ведущие мировые державы и центры экономической силы пришли к осознанию высокой значимости ресурсного, человеческого и нарастающего экономического потенциала Африки в формирующейся новой модели глобального развития: эволюции миропорядка от монополярной модели начала века в сторону других возможных конфигураций – биполярности или полицентричности. Следствием этого понимания стало усиление идеологической, экономической и военно-политической экспансии в этот активно трансформирующийся и обладающий огромным потенциалом регион всех без исключения государств, претендующих на роль весомого игрока на мировой арене или значимой силы в будущей мировой экономике. Пандемия коронавируса и завязанный на нее глобальный экономический кризис внесли новые черты в глобальные и региональные стратегии мировых держав, хотя и не поменяли их сути.

Если формулировать коротко, то Африка стала ареной обостренного соперничества ведущих мировых держав в силу трех базовых групп факторов: из-за

своей ресурсной уникальности (включая не только природные, но и человеческие ресурсы); из-за своей новой геостратегической значимости (она одновременно – природный «барьер/мост» между Евро-Атлантической и Индо-Тихоокеанской зонами стратегических интересов для США и южный портал входа в Европу в рамках проекта «Один пояс – один путь» для Китая) и из-за возрастающего глобального политического веса (голоса 55 стран континента – важный фактор, формирующий интернациональную поддержку на дипломатической арене и глобальное общественное мнение). Кроме того, как для Китая, так и для США «африканское подбрюшье» – мощнейший инструмент влияния на Европу, для которой особые отношения с Африкой – один из последних аргументов в пользу тающего «глобального влияния» Старого Света, а парадигмы экономических отношений с бывшими колониями – все еще немаловажный источник благосостояния его среднего класса. Мы видим, что все вышеперечисленные детерминанты в фундаментальном плане в той или иной мере, восходят к возросшей географической значимости континента.

Появление книги И.А. Захарова таким образом, отвечает велениям времени и в значительной степени восполняет отмеченные нами выше исследовательские лакуны. Она открывает перед читателем широкую картину меняющегося конфессионального ландшафта Африки. При этом автору удается соблюсти удачный баланс не только между теоретическим и эмпирическим аспектами исследования вопроса, но и между академической точностью и доступностью изложения материала.

Комплексное рассмотрение вопросов изменений в пространственном распределении и распространении основных религий и верований на континенте подчинено строгой логике подачи материала. Автор начинает труд с презентации теоретико-методологических основ и инструментария своего исследования. В дальнейшем он выявляет характер изменений в конфессиональной структуре населения Африки за последнее столетие, давая читателю развернутое представление о динамике конфессионального пространства Африки на уровнях его компонентной и территориальной структур и с учетом роли сетевых форм религиозной активности.

Следующий уровень авторского познания объекта исследования – дифференциация и категоризация механизмов и последствий этой масштабной пространственной трансформации. Автор погружает читателя в углубленный анализ конкурентного развития геополей, фиксирует расширение или имплозию пространств отдельных религий и такие важнейшие последствия этих изменений, как возникновение религиозных конфликтов разных пространственных уровней и разной степени интенсивности, подъем религиозно-политических движений, в том числе экстремистской, террористической направленности, со-

ответствие возникающих религиозных конфликтов и их остроты вектору расширения конфессиональных геопространств.

Помимо важной характеристики работы, каковой является ее комплексность и фундаментальность, хотелось бы отметить ее значимость, с точки зрения органичной адаптации к африканскому контексту категориального аппарата и более общих методик политической и социо-экономической географии и географии религий. Это очень важный момент, поскольку нередко попытки механического распространения неадекватной терминологии и шаблонных суждений на географические ареалы, обладающие, подобно Африке, ярко выраженными специфическим цивилизационными и культурно-историческими особенностями, приводит к ошибочным теоретическим выводам и практическим рекомендациям, которые в дальнейшем подталкивают политиков к принятию неверных решений в реальной жизни. Это, в свою очередь, приводит к тяжелым последствиям в виде кровавых столкновений на религиозной почве, этноконфессиональным конфликтам, в том числе вооруженным, к сепаратизму, разгулу терроризма и экстремизма. В губительности подобной некомпетентности и веры в универсальную применимость чуждых подходов, к сожалению, в сравнительно недавнем прошлом нам пришлось убедиться на опыте нашей собственной страны.

Мой опыт и научная интуиция африканиста с почти что полувековым стажем подсказывают, что вопросы религии и шире духовно-мистического осмысления многих явлений будут оставаться весьма существенными в конструкции африканской идентичности еще длительное время. Традиционное многовековое мистическое наследие народов Африки сохраняется в качестве неотъемлемого элемента действительности и бытия не только у современных африканцев, но и у лиц давно оторвавшихся от африканской социокультурной почвы (афро-американцев, латиноамериканцев африканского происхождения), получивших высшее образование и академические степени, занимающих влиятельные позиции в элитах заморских стран. Едва ли не у всех из них, включая атеистов и агностиков, по свидетельству современных психологов и социальных антропологов, на уровне бессознательного присутствует неискоренимая часть зависимости от мистического опыта и мировосприятия многих поколений их африканских предков еще с доколониальных времен, которая в конечном итоге и позволяет сохранять в виде своеобразного наименьшего общего кратного самость афро-идентичности, соединяя невидимыми нитями ткань общности с чернокожими собратьями в других странах и на других континентах.

Конечно, века колониальной зависимости и просто социо-культурного взаимодействия с европейцами и арабскими завоевателями, насаждавшими военными и мирными путями свои религии, а позже и пришедший в Африку

атеизм, не могли не трансформировать духовное видение и интерпретацию личностью окружающего мира, а вместе с этим и существующие контуры, и особенности религиозных воззрений местных жителей. Политические катаклизмы и метаморфозы XX века сильно повлияли на изменение конфессионального ландшафта Африки.

После принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 г. «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» и последовавшей за этим ускоренной деколонизацией континента в молодых независимых странах резко усилилась прозелитическая активность новых церквей и миссионеров конфессий, отличных от государственных или доминирующих религий бывших метрополий.

Подобная миссионерская деятельность велась и раньше. Однако колониальные власти даже тех государств, в конституциях которых религия отделена от государства, например Франции, в целом пытались минимизировать влияние «чуждых» конфессий, справедливо рассматривая их как канал трансляции иностранного влияния. Как показывает в своей монографии И.А. Захаров, хотя по большей мере рост численности приверженцев христианства и ислама в Африке происходил и по сей день происходит в основном за счет последователей автохтонных африканских религий и верований, имеет место немало случаев перехода из одного направления христианства (как правило, доминирующего в метрополии) в другие, или из христианства в ислам (менее в обратном направлении).

В книге на обширном фактическом материале показано, что данные процессы усилились в условиях воздействия на страны и народы Африки хода глобализации, повышения прозрачности межгосударственных границ, развития и доступности средств коммуникации и информации, упрощения контактов и взаимного познания между социумами и отдельными личностями. Подобно остальным жителям планеты африканцы оказались вовлечены в процесс приобщения к новым или по-иному интерпретируемым старым духовным и общественным ценностям. Более того, многие африканцы оказываются вовлечены в конструирование нового духовного мировоззрения, основывающегося на их личном или коллективном духовно-религиозном опыте. Этот аспект, к сожалению, затрагивающийся в монографии в меньшей степени, по-видимому, станет предметом дальнейшей научной разработки И.А. Захаровым тематики трансформации конфессионального пространства континента, лидером исследований которой его заслуженно сделала предлагаемая вниманию читателя книга.

Л.Л. Фитуни
член-корреспондент Российской академии наук

Введение

В конце XIX века страны Африки столкнулись с серьезным системным кризисом, продолжающимся до настоящего времени и вызванным «колониальной интеграцией» макрорегиона в глобальное экономическое, политическое и культурное пространство. С получением независимости перед молодыми африканскими государствами встала проблема поиска новой цивилизационной идентичности, которая бы обеспечила их культурную, экономическую и политическую самостоятельность. Ее основой стали различные религиозные институты, которые традиционно играли важную роль в жизни африканцев. Усилившаяся конкуренция между религиями и их направлениями в некоторых случаях приводила в Африке к активному противостоянию между религиозными общинами. В последнее время в макрорегионе происходит активизация террористических группировок, использующих в качестве идеологического базиса религиозный радикализм, – их деятельность несет угрозу региональной и глобальной безопасности. Актуализация роли религии в политической жизни стран Африки обусловлена также установлением и укреплением связей между религиозными общинами макрорегионов мира. Данное взаимодействие отражается в изменениях не только религиозной, но и социально-экономической и политической сфер жизни африканцев. Достаточно часто религия используется странами Глобального Севера, а также мусульманскими странами в качестве инструмента проведения политики «мягкой силы» в развивающихся странах Африки.

Выбор территориального полигона исследования обусловлен тем, что интенсивность преобразований религиозной сферы Африки не имела аналогов в современной истории. Конфессиональное пространство ни одного макрорегиона мира не столкнулось с такими масштабными и стремительными преобразованиями, как конфессиональное пространство Африки в XX веке. В этой связи особый интерес представляет проблема формирования геопространств религий и их взаимодействия. Тем не менее в отечественной географии религий наблюдается явный дефицит работ, посвященных изучению Африки. До последнего момента масштабных географических исследований конфессионального пространства этого макрорегиона не проводилось.

Научная новизна монографии заключается в следующем:

1. Предложена схема трансформации конфессионального пространства¹ Африки как совокупности изменений структуры составляющих его геопространств религий, выражающихся в сжатии, стабилизации и расширении последних; определены соответствующие тренды, а также факторы и условия изменения их территориальной структуры;
2. На основе массива исторических материалов изучена и закартирована динамика сети христианских миссий в Северо-Западной Африке; выделены прибрежный, речной, внутриконтинентальный, караванный и сахельский типы ее развертывания;
3. Предложен принцип выделения типов конфессиональной структуры населения на основе динамики доли замещаемой религии в модели конкурентного развития конфессионального геопространства;
4. Эмпирически подтверждено, что возникновение большей части религиозных конфликтов в Африке приурочено к основной зоне трансформации геопространств религий, которая в настоящее время расположена в Судано-Сахельском коридоре.

Информационная база исследования представлена материалами официальных государственных источников (переписи населения стран Африки); статистическими изданиями религиозных организаций о численности адептов, статусе территорий и т.д. (например, ежегодник Римско-Католической церкви (далее РКЦ) «*Annuario Pontificio*»); результатами социологических опросов (проведенных центрами «*Afrobarometer*», «*Gallup*», «*Pew Forum*» и др.); картографическими материалами (исторические атласы, в т.ч. миссионерские атласы РКЦ и протестантских обществ; современные карты религий и населения Африки и отдельных стран); сборниками и базами данных (авторские монографические исследования, содержащие обобщенные сведения из некоторых упомянутых выше источников («*The Armed Conflict Location and Event Data Project*»; «*The Association of Religion Data Archives*», «*World Christian Database*», «*Atlas of Global Christianity*», «*World Christian Encyclopedia*», «*The Future of Muslim Population*» и др.).

Данная работа носит в определенной степени пионерный характер и может стать основой для дальнейших исследований конфессионального пространства

¹ В работе используются термины «конфессиональное геопространство» и «конфессиональное пространство». Отличие последнего заключается в том, что он имеет территориальную привязку и обозначает совокупность пространственных отношений религий и их направлений в пределах определенного территориального полигона, например, отдельного макрорегиона, страны, АТЕ и т. п.

Африки. Из них наиболее перспективными направлениями в рамках географии, на наш взгляд, может стать изучение динамики сети культовых и внекультовых сооружений разных религий, их направлений, течений и деноминаций. Отдельного внимания заслуживает проблема развертывания миссионерских сетей ислама и других религий. В связи с тем, что исследование в большей степени опирается на количественные методы исследования, которые имеют ряд ограничений, представляется важным апробировать полученные результаты с помощью качественных методов на более низких территориальных уровнях. В частности, требуется дальнейшее изучение факторов и условий распространения религий, особенностей пространственных отношений религий в рамках модели религиозной конкуренции.

Эта книга представляет итог моего диссертационного исследования, завершение которого было бы невозможно без поддержки и помощи моих коллег и друзей: Ирины Олеговны Абрамовой, Татьяны Львовны Бородиной, Татьяны Ильиничны Герасименко, Александра Николаевича Григорьева, Руслана Васильевича Дмитриева, Натальи Александровны Жерлицыной, Дмитрия Викторовича Житина, Элеоноры Сергеевны Львовой, Ксении Владимировны Мироненко, Федора Олеговича Орлова, Сергея Геннадьевича Сафронова, Леонида Михайловича Синцерова, Игоря Васильевича Следзевского, Владимира Николаевича Стрелецкого, Александра Андреевича Ткаченко, Андрея Ильича Трейвиша, Леонида Леонидовича Фитуни, Екатерины Сергеевны Элбакян. Особую благодарность хочу выразить моему научному руководителю Станиславу Анатольевичу Горохову, который внес неоценимый вклад в мое становление и развитие как ученого. Спасибо моим родителям Андрею Кирилловичу и Марине Викторовне Захаровым, сестрам Анастасии, Варваре и Дарье. Также я благодарю Алину Евгеньевну Гуськову за ее заботу и терпение.

ГЛАВА 1.

Теоретико-методологические аспекты изучения конфессионального геопространства

1.1. История развития географии религий как научной субдисциплины

Географию религий можно назвать одним из старейших направлений в общественной географии, тем не менее эта наука никогда не представляла собой «монолитного образования: изменялся не только ее предмет, но и угол зрения, под которым он рассматривался как собственно географами, так и представителями других дисциплин, занимающихся изучением религий» [Горохов, 2017b, с. 13–14].

География религий зародилась еще в XVI веке в эпоху Реформации и, также как и другие науки того времени, отказалась от идей античной философии в пользу теологии. В то время географией религий занимались исключительно теологи и клерикалы (как и многими другими науками). Данная субдисциплина не имела собственной методологии, а цели, задачи подчинялись, прежде всего, интересам РКЦ. География религий XVI–XVII вв. существовала для поиска «следов божественного присутствия в мире людей и природы» (*Providentia specialis*). Для исследователей того времени само собой разумеющимся было то, что эти «следы» оставил Бог (в христианском понимании), остальные религии при этом не изучались [Neander], поэтому данную эпоху географии религий было бы справедливее назвать географией христианской культуры.

Импульсом развития географии религий в данный период стало снижение влияния РКЦ. В связи с этим возникла необходимость, во-первых, ограничить конверсию из католицизма, во-вторых, подготовить миссионеров к работе на новых территориях, чтобы компенсировать сокращение численности адептов за счет других регионов мира. Роль географии при этом заключалась в исследовании этнографических и культурных особенностей населения, проживающего на территориях, которые еще не были затронуты христианизацией, с целью оценить перспективы распространения этой религии. Кроме

этого, важными направлениями исследования географии того времени стала сакральная география, изучающая «священные места», «запретные места», «сакральные границы» и т. д., а также библейская география, изучающая и картографирующая места, упомянутые в Библии. По мнению представителей этого направления географии религий, религиозный опыт, не имеющий физического воплощения, оставляет следы в материальном мире и оказывает на него определенное воздействие [Kong, 1990]. По нашему мнению, библейская и сакральная география как бы легитимировали распространение христианства на территории, где были найдены «следы присутствия». Значительная их часть была расположена в Северной Африке и именно здесь расположены древнейшие территориальные единицы РКЦ на континенте. Таким образом, в течение этого этапа данная субдисциплина скорее относилась к религиозной географии и служила нуждам христианских церквей, прежде всего РКЦ.

После выхода работы Б. Кекермана в первой половине XVII в. география религий получает некоторую автономию от теологии и церкви – с этого времени возникает собственно география религий. Она начинает обращать свое внимание и на другие религии, а не только христианство, причем среди исследователей распространяется «нейтральная позиция» по отношению к ним [Keskermann]. Начинают появляться первые работы, посвященные культуре неевропейских государств – например, работа Б. Варениуса «Правдивое описание Японии» (один из наиболее ярких примеров географических трудов того времени) [Varenius]. В этой книге описывается размещения этносов, религиозных групп и т.д. Тем не менее задачи географии религий не изменились – труд Варениуса имел скорее прикладную, нежели фундаментальную направленность. Как и большинство других географических работ того времени, настоящая задача исследования Варениуса заключалась в разработке рекомендаций для христианских миссионеров для работы в Японии, а также налаживания торговли с этим государством. Таким образом, несмотря на рационализацию географии религий, эта наука сохраняет тесные связи с церковью, теологией и государством [Park, 1994].

Серьезное влияние на географию религий оказала эпоха Просвещения – в XVIII в. христианство подверглось критике за «торможение» развития европейской цивилизации. География религий подверглась влиянию просветителей (особенно Монтескье, Вольтера, Дидро). Эти философы были сторонником натуралистического подхода в изучении общества и отрицали «*Providentia specialis*». Натуралистический подход в изучении общества в целом и религии в частности сводится к идее природного детерминизма. Задача географии религий того времени заключалась в исследовании влияния окружающей среды

на религии и социально-экономического поведения их адептов [Büttner, 1980]. Особенно географов интересовало влияние природных условий на возникновение, догматические особенности религии и поведение их адептов. В частности, в то время было сделано открытие, что «все мировые религии зародились между 10 и 30 градусами северной широты» [Friedrich], было выдвинуто предположение о влиянии климата на такой религиозный обычай как «закон о еде» (кашрут, халяль и т. п.) [Gebel]. На данный этап пришелся упадок церковной географии, а география окончательно отделилась от теологии. Ее место заняли новые направления, например, экология религий и экологическая география религий, рассматривающие влияние окружающей среды на религию [Crowley].

Новый виток развития географии религий пришелся на период активной колонизации. Уже в XIX в. появилось осознание того, что вместе с религией в другие регионы необходимо привносить и другие элементы европейской культуры – образование, коммерцию, здравоохранение, политическую культуру и т. д. Христианские миссионеры, а вместе с ними и церковная география достаточно быстро приспособилась к требованиям времени и изменившимся условиям работы. Особенно чутко отреагировали миссионеры, работающие на «фронтах» христианского мира, которые активнее других реализовывали цивилизаторскую миссию и способствовали вовлечению новых территорий в мировое хозяйство. В этом отношении отдельного внимания заслуживает французский кардинал Шарль Лавижери – очень популярная и влиятельная фигура среди христианских миссионеров своего времени. Он является основателем миссионерского общества «Белые отцы», а также одним из основоположников концепции «Three C's» (Christianity, Commerce, civilization – христианство, коммерция, цивилизация), положенной в основу цивилизаторской миссии. Большое внимание начало уделяться антропологической и этнокультурной исследовательской работе, а также разработке стратегий развития церквей, которые обсуждались на конференциях (например, Всемирная конференция миссионеров). Результатом этого этапа стало расширение поля деятельности христианских миссионеров и появление миссий фактически во всех частях мира [Hastings; Carney].

Если до XX в. география религий решала преимущественно прикладные задачи, то теперь данная наука начинает все активнее изучать влияние религии на социально-экономическое развитие. Одним из пионеров этого подход, был выдающийся социолог Макс Вебер. Вместе с выходом его книги «Протестантская этика и дух капитализма» в 20-е гг. прошлого века, география религий, по нашему мнению, становится полноправной составляющей со-

циально-экономической географии. Сразу после публикации гипотеза Вебера подверглась резкой критике со стороны научного сообщества [Weber], хотя некоторые из критиков пришли к схожим идеям. Так, Генрик Гроссман, который с опорой на работы К. Маркса и статистические данные смог доказать, что роль собственно религии в экономическом развитии не так велика, в то же время не отрицал, что религия косвенно влияет на социально-экономическое поведение людей [Grossman; Маркс].

Работа Вебера легла в основу развития зарубежной географии религий XX в. и сохраняет свою актуальность до сих пор. Шире всего она находит свое отражение в работах, посвященных развитию экономики в мусульманском мире [Koehler; Kuran]. Кроме того, концепция Вебера нашла продолжение в политической географии. Вероятно, первым исследователем, который рассмотрел влияние религии на политику, был немецко-американский философ Э. Фегелин, которого интересовал феномен «политической преступности» в XX в., а также социализм. Результаты его работы в 30-е гг. впоследствии были собраны в монографию «Религия политики» [Voegelin].

В отечественной науке, исследования такого рода начали проводиться только в постсоветский период. Заслуживают внимания работы, посвященные исламу, в которых подробно рассматриваются закономерности развития экономической, политической, банковской системы, а также события, охватившие арабский мир в 10-е годы нашего века [Коротаев, Зинькина]. Таким образом, в XX в. внимание исследователей религии привлекают не только механизмы их распространения, но и влияния религиозной идентичности на общество.

В середине XX в. Д. Софер в книге «География религий» [Sopher] констатирует, что «однонаправленное» изучение религии уже не способствует развитию этого направления географии, а методология географии религий, с одной стороны, устаревает, а с другой, попадает в зависимость от других наук. Он, а затем М. Бюттнер и другие исследователи обосновывают выделение нового направления – «синтетической географии религий», которая объединяет в себе детерминистский и физикотеологический подходы. По Бюттнеру, синтетический подход в географии религий представляет собой «диалектическое развитие религии и окружающей среды, которая включает в себя не только физико-географические параметры, но и носителей религиозного опыта» [Büttner, 1974].

Представляется, что развитие географии религий в течение всего времени ее существования в самом общем виде определялось, с одной стороны, потребностью церквей укрепить и расширить свое влияние на новые терри-

тории, с другой стороны, необходимостью государства и общества оценить степень влияния той или иной религии на население в социально-экономическом и политическом измерении. Вместе с изменением положения церкви и ее влияния на общество происходила постепенная «деклиерализация» географии религий. Благодаря этому данная научная субдисциплина начала обрастать новыми задачами и целями, менять подходы к изучению религии и ее восприятию как объекта исследования. Таким образом, география религий проделала длительный путь развития от церковной географии до синтетической географии религий. Однако это не означает, что более старые подходы к изучению религии полностью исчезли; по мере возникновения новых трендов в религиозной сфере и обществе появляются новые направления этой науки, а старые претерпевают изменения.

В соответствии с этими изменениями С.А. Горохов выделил четыре этапа развития географии религий – досекулярный, квазисекулярный, секулярный и постсекулярный. Выделенные им этапы характеризуются достаточно устойчивым сочетанием следующих параметров: «1) количество анализируемых уровней («идеологический», «социальный», «окружающей среды») в рамках расширенной бохумской модели¹, а также «баланс» в их изучении и оценка взаимного влияния («независимые» и «зависимые» уровни); 2) количество и направленность изучаемых связей между уровнями («бессвязность» – связи между уровнями априорно констатировались, но не изучались; изучались одно- или разнонаправленные связи); 3) преобладающая в среде исследователей точка зрения на роль религии в жизни общества (досекулярный, квазисекулярный, секулярный, постсекулярный этапы развития географии религии)» (см. подробнее: [Горохов, 2017b]).

Однако, на данный момент география религий занимает довольно скромное положение в исследовании религии. Это объясняется тем, что эта субдисциплина как полноценная наука сформировалась лишь в секулярный этап ее развития – в середине XX века. Именно в это время появилось большое количество работ, посвященных методологии изучения религии в пространственном измерении. Среди них особое место занимают труды, в которых обосновывается синтетический подход: упомянутая выше работа Д. Софера «География религий» [Sopher], статья П. Фикелера «Основные вопросы географии религий» [Fickeler]. В этих работах впервые отмечалась важность исследования разнонаправленных связей, при этом приоритет отдавался изучению взаимовлиянию общества и религии, а не природы. К основоположникам

¹ Отображает синтетический подход к изучению религии; названа по поселению Бохум (см. подробнее: [Büttner, 1974, p. 169]).

этого подхода также относят Э. Исаака, который предлагал «четко разграничить религиозное и социальное, экономическое, политическое» [Isaac, p. 12]. Эти взгляды разделяют и другие зарубежные исследователи И-Фу Туан, Л. Конг, К. Парк и др. [Kong, 2010; Park 2004; Stump; Tuan, 1968].

Отечественная география религий развивалась несколько иначе, а ее историю можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Эти этапы отличались не столько собственно подходами к изучению религиозной сферы, сколько уровнем влияния государства на развитие географии религий.

Дореволюционный период соответствует квазисекулярному этапу развития географии религий и характеризуется доминированием детерминистского подхода с элементами физикотеологического. Исследование религий в Российской империи проводилось в страноведческой традиции и было тесно связано с этнографией, а также с физической географией. Данные исследования отличались комплексностью, носили описательный характер и, как правило, охватывали большую по площади территорию. Эти черты были обусловлены необходимостью получения знаний о Российской Империи, ее природных ресурсах и населении в условиях острого дефицита научных кадров. Например, П.П. Семенов, исследуя растительный покров Сибири (в старом значении, т. е. вся территория Империи за Уралом), также изучал народы и их культуру, которые впоследствии были описаны в книге «Живописная Россия» [Живописная...].

Встречаются и специальные труды о населении, к наиболее выдающимся из них можно отнести трактат М.В. Ломоносова 1761 г. «О сохранении и размножении российского народа». В этой работе автор подчеркивает важность религиозной сферы (православия) в становлении и развитии Российской империи. Здесь предпринимается одна из первых попыток описания религиозности российского народа, описывается зависимость различий и специфики религиозных традиций и практик от климата и социально-экономических факторов [Ломоносов, с. 23-27].

В духе европейских исследований того времени российские ученые уделяли большое внимание особенностям населения колонизируемых территорий, например, мусульманской культуры Восточной и Средней Азии (С.М. Дудин, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, В.В. Бартольд, Н.И. Веселовский, Ф.А. Фиельструп и др.) [Прищепова]; религиозных практик и культуры народов Сибири (К.К. Нейман, Д. Банзаров, Г. Галбоев, Н.М. Ядринцев, Д.А. Клеменц, Н.М. Мартянов и др.) [Боякова; История Сибири...]. Кроме этого, изучались география православия и церковной инфраструктуры [Покровский].

Существовали отдельные работы, посвященные в том числе религиям и населению Африки, выпущенные по результатам экспедиций известных путешественников, географов и этнографов. Наиболее существенный вклад в изучение населения этого континента внесли географы и путешественники Е.П. Ковалевский, Л.С. Ценковский, А.К. Булатович и, особенно, В.В. Юнкер [Горнунг, Олейников], а также этнографы М.К. Коковцев, Н.П. Бровцын, Л.О. Перфильев [Куббель]. Таким образом, культура и религия представляли научный интерес для дореволюционных географов, путешественников, которые внесли существенный вклад в становление географии религий в нашей стране.

В советский период развитие географии религий было во многом ограничено секулярной политикой государства, что отразилось в практически полном отсутствии публикаций, посвященных этой теме вплоть до «возрождения» этой научной субдисциплины в 50–60-х годах прошлого века. Поводом для «возрождения» стало постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Рассматривая эффективность научно-атеистической пропаганды, в документе обращается внимание на запущенное состояние «этой важнейшей идеологической работы» и на то обстоятельство, что «церковь и различные религиозные секты значительно оживили свою деятельность, укрепили свои кадры и, гибко приспосабливаясь к современным условиям, усиленно распространяют религиозную идеологию среди отсталых слоев населения». Для повышения эффективности этой деятельности предлагался ряд мер, главной из которых стало создание Института научного атеизма при Академии общественных наук ЦК КПСС, на который возлагались «руководство и координация всей научной работой в области атеизма...»; «подготовка кадров высшей квалификации»; «организация комплексной разработки актуальных проблем научного атеизма» и т. д. [О религии...]. Таким образом, в целях усиления процессов секуляризации в СССР был создан возможно крупнейший в мире научный центр по изучению религии.

Следствием атеистической политики в СССР становится возникновение марксистско-ленинского подхода к изучению религии, который в период своего расцвета оказывал существенное влияние на развитие географии религии и других наук. По выражению С.А. Горохова, этот подход можно считать «... своего рода антагонистом подходов досекулярного этапа развития географии религий...» [Горохов 2017b, с. 25]. Несмотря на большое количество исследований, проведенных в 1964–1991 гг., большая их часть публиковалась под грифом «секретно» или «для служебного пользования» [там же, с. 27].

В отличие от дореволюционного периода, в советское время в географии религий начинаются активный сбор и привлечение статистических матери-

алов, используются аналитические подходы к изучению религиозной сферы – происходит постепенный отход от описательной страноведческой традиции. В советский период появляются первые работы, главной темой которых является география религий, а не этнография. Именно с этого времени можно говорить о возникновении географии религий в России как самостоятельной субдисциплины, хоть эти исследования по-прежнему проводились преимущественно этнографами и историками. Однако количество печатных работ, посвященных географии религий и религиозной сфере, было крайне небольшим.

В этот период географией религий занимается (по крайней мере публично) небольшой круг ученых, наиболее известными из которых были П.И. Пучков, Г.А. Шпажников, С.И. Брук. Их исследования легли в основу классических работ, посвященных в том числе этноконфессиональному разнообразию СССР и других регионов мира. Работы Г.А. Шпажникова выгодно отличаются от предшественников, так как в них рассматривается историко-географический аспект развития религий в регионах мира. В частности, рассматривая Африку, он предложил периодизацию историко-географического развития христианства на континенте [Шпажников].

Заслуга П.И. Пучкова состоит в довольно емком, но в то же время кратком описании доктринальных особенностей религий, популяризации географии религий, составлении большого количества конфессиональных карт, которые использовались не только в СССР, но и за рубежом. Им была предпринята первая в отечественной географии попытка районирования мира по конфессиональному признаку [Пучков]. Заметный вклад в развитие географии религий внес один из основоположников отечественной этнодемографии и этнической картографии С.И. Брук [Атлас ...; Брук]. Значимое место в развитии географии религий занимают этнологи: Д.А. Ольдерогге, И.И. Потехин, О.Е. Казьмина, В.А. Тишков и др.

Отдельно стоит отметить советских географов-африканистов (или, по выражению Ю.Д. Дмитриевского, «африкановедов»), которые в своих исследованиях так или иначе затрагивали и религиозную сферу. Особого внимания заслуживают первый заведующий «африканской группой» в Институте географии АН СССР М.Б. Горнунг, его ученики Ю.Г. Липец, И.Н. Олейников, занимавшиеся исторической, физической, социально-экономической географией Африки [Горнунг, Липец, Олейников]; Ю.Д. Дмитриевский, Ю.Н. Гладкий, изучавшие хозяйство Африки, а также ее население и природные условия [Дмитриевский, 1975; Гладкий]; Б.В. Андрианов, А.С. Донде, Е. Дудченко, исследовавшие население континента [Дмитриевский, 2003].

После распада СССР (а де-факто уже в 1980-е годы) марксистско-ленинский подход потерял свою актуальность. В связи с возвращением религии в публичную сферу постсоветский период географии религий характеризуется некоторым «оживлением». Появляются работы, выполненные в Москве на базе Института географии РАН [Криндач] и Института природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачева [Vedenin, Sidorova; Веденин] (см. подробнее [Алексеев, 2016]). Многие исследователи продолжили заниматься разработкой проблем географии религий, а также этнической и культурной географией [Герасименко].

В 1998 г. впервые в истории отечественной географической науки защищается кандидатская диссертация по географии религий на российском материале [Сафронов, 1998], а спустя год – на зарубежном [Горохов, 1999а]. В 2018 г. защищается первая докторская диссертация по географии религий [Горохов, 2017b]. За постсоветский период в нашей стране (по состоянию на 1.09.2020) в общей сложности было защищено 14 диссертаций по специальности 25.00.24, посвященных географии религий – 13 кандидатских и 1 докторская.

Развитие географии религий в современной России во многом происходит в русле секулярного синтетического подхода². Необходимо заметить, что в географии религий, даже в рамках отдельных подходов, общепринятой методологии изучения религий не существует. По меткому выражению И-Фу Туана современное состояние географии религий можно охарактеризовать как «беспорядочное из-за отсутствия согласованного определения того феномена, который она стремится понять» [Tuán, 1976, p. 271-272].

Тем не менее в современной отечественной географии религий выделяется несколько направлений исследований: 1) теоретические аспекты географии религий (разработка объекта и предмета исследования, изучение влияния религиозной сферы на территориальную организацию общества, проблема конфессионального районирования); 2) конфессиональное картографирование (систематизация данных о религиозных организациях и общинах, картографирование религиозной сферы) [Каргина]; 3) региональные проблемы религиозной сферы [Алексеев, 2016; Балабейкина, 2020]. В последнее время большую актуальность приобретают вопросы конкурентного развития конфессионального геопространства и эффектов религиозной конкуренции.

² Не является исключением и настоящая работа.

1.2. Структура конфессионального пространства Африки

Настоящее исследование охватывает Африку, ее страны и отдельные части и рассматривает носителей религии как «социальные общности», поэтому в основу работы положен синтетический подход. В соответствии с избранным нами подходом объектом исследования географии религий является конфессиональное геопространство, которое понимается как «система развивающихся во времени и «опосредованных территорией» разнонаправленных отношений, во-первых, между социальными общностями, образованными совокупностями религиозно идентифицирующих себя (на институциональном уровне и уровне массового сознания) индивидуумов, и, во-вторых, между этими же общностями и создаваемыми в результате их деятельности культовыми и внекультовыми объектами» Конфессиональное геопространство включает в себя социальный, деятельностный, материальный и сущностный элементы.

Базисом религии является вероучение (сущностный элемент), которое во многом определяет мировоззрение, менталитет и сознание его адептов (социальный элемент), а также мотивирует их деятельность (деятельностный элемент), в ходе которой могут создаваться те или иные материальные объекты (материальный элемент) [Горохов, 2012а]. Таким образом, особенности вероучения во многом регламентируют деятельность и поведение своих носителей, тем самым определяя особенности социально-экономического развития территории, которая составляет геопространство соответствующей религии [Яблоков, с. 299-305]. В качестве примера можно привести один из принципов протестантизма «Sola Scriptura», согласно которому адепты его направлений обязаны уметь читать Библию. В материальном измерении этот принцип способствовал распространению письменности, возникновению типографий, школ и т. д. Это имело долгосрочное влияние как на распространение протестантизма, так и на человеческий капитал адептов этой религии [Cage, Rueda]. Тезис о влиянии религии на деятельность своих носителей также находит ряд подтверждений у Вебера, Курана, Софера и др. (см. выше).

Конфессиональное геопространство имеет свою компонентную и территориальную структуру (Таблица 1). Элементы первой представлены религиями, направлениями и течениями, деноминациями и общинами. Элементы второй – территориальными единицами разного масштаба, в основе выделения которых лежит территориально-административный принцип.

**Таблица 1 –
Структура конфессионального геопространства**

<i>Структурные уровни конфессионального геопространства</i>	<i>Компонентная структура</i>	<i>Территориальная структура</i>
Мегауровень	Глобальное конфессиональное пространство	
Макроуровень	Геопространство религий	Конфессиональное пространство (макро)регионов
Мезоуровень	Геопространство религиозных направлений и течений	Конфессиональное пространство субрегионов и стран
Микроуровень	Геопространство религиозных деноминаций и общин	Конфессиональное пространство территориальных единиц стран

Источник: [Горохов, 2017b, с. 47].

Компонентная структура конфессионального пространства Африки в настоящей работе рассматривается на макро- (*8 религий* – христианство, этнорелигии³, ислам, иудаизм, индуизм, буддизм, бахаизм, новые религии – религии нью-эйдж, а также *нерелигиозное население*); и мезоуровне (*13 направлений христианства* – католицизм, восточное христианство, лютеранство, анабаптизм, баптизм, адвентизм, методизм, мультиденациональные протестанты, пятидесятничество, реформатство, маргинальный протестантизм, англиканство, а также протестантизм в целом; *4 направления ислама* – суннизм, шиизм, ахмадие, ибадизм). Особое внимание уделялось крупнейшим религиям континента – христианству, исламу и этническим религиям. Анализ территориальной структуры проводился для Африки в целом (макроуровень), ее субрегионов и стран в границах по состоянию на 2015 г. (мезоуровень), а также территориальных единиц Нигерии (микроуровень).

Сложность компонентой структуры конфессионального пространства Африки определяет проблему репрезентативной оценки численности адептов той

³ Иногда обозначаются как «традиционные африканские религии», однако термин «этнорелигии» нам кажется корректнее, т.к. мировые религии тоже можно назвать традиционными для некоторых стран континента, например, восточное христианство в Эфиопии, Эритрее и Египте, католицизм в Экваториальной Гвинее или ислам в странах Северной Африки.

или иной религии и их направлений. Принадлежность человека к религиозной общине рассматривается нами с точки зрения его религиозного самоопределения и с точки зрения его причастности к конкретной религиозной группе. Сам термин «религиозность» обычно трактуется как «категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности к идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [Религиоведение, с. 457].

Если в мире в целом распространена «вера без принадлежности» и «принадлежность без веры», то для Африки это не характерно⁴. На фоне высокой религиозности населения, принадлежность к той или иной религиозной группе определяет место человека в обществе. Достаточно часто потеря религиозной идентичности у африканцев ведет к исключению человека из традиционной общественной системы и его «маргинализации» или даже «демонизация» [Idowu].

Имеющаяся статистическая база, а также данные социологических исследований свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения африканских стран идентифицирует себя с крупнейшими религиями макрорегиона – христианством или исламом. Однако, как и в других случаях культурной диффузии, изначальная идея претерпевает изменения в ходе ее адаптации к местным традициям. Так, став христианином или мусульманином, африканец необязательно отказывается от верований, которые он исповедовал до этого. Африканист Я. Олюпона пишет: «... в отличие от мировых религий ... это устная “живая” традиция, которая “модернизируется” под воздействием быстро меняющегося мира, продвигает свои идеи через обряды, традиции и т. д...» [Olupona, p. 89–90].

⁴ Согласно результатам исследования Gallup International/WIN [Win-Gallup ...], в Африке живут самые религиозные люди на планете. Большая часть опрошенных африканцев считает религию очень важной составляющей своей жизни. В первую десятку стран мира с наиболее религиозным населением (более 75%) вошли Гана, Нигерия, Кения, Камерун и Южный Судан. Подавляющее большинство верующих посещает культовое учреждение хотя бы один раз в неделю. Например, более 80% населения регулярно учувствуют в богослужениях в таких странах как Нигерия, Мозамбик, Замбия, Джибути, Уганда, Гана, Кения, Эфиопия, Танзания. При этом религиозность в Африке не имеет абстрактно-духовной мотивации, как в современной Европе. Среди населения региона популярны теократические идеалы и принципы организации общества, распространены эсхатологические ожидания: более 60% христиан Африки южнее Сахары верят в то, что Второе Пришествие Христа произойдет еще при их жизни, а более половины мусульман – в воссоздание на глазах их поколения Всемирного Халифата.

В связи с этим выделяются три формы религиозного сознания: «искорененное» – полный отказ населения от этнорелигий; «переходные» – исповедует и этнорелигии, и, например, христианство; «синтетические» – создание нового религиозного учения, сочетающего элементы этнических и мировых религий (например, аладура, афрохристианство, афроислам, кристлам и т.п.) [Nxumalo]. По нашему мнению, эти три группы религиозного сознания носят эволюционный характер: со временем группа с «искорененным» этнорелигиозным сознанием увеличивает свою долю в населении.

Однако, как было указано выше, в настоящей работе принадлежность населения Африки к той или иной религии опирается в первую очередь на его самоидентификацию. В связи с этим автор отдельно не рассматривает такое сложное и противоречивое явление как «синкретизм». Наш отказ от последнего обусловлен еще и тем, что, во-первых, вопрос о существовании «эталонного», или «чистого» христианства, ислама и других религий остается открытым; во-вторых, все религии в той или иной степени вбирают в себя элементы других в ходе их исторического развития; в-третьих, достоверная статистика о численности адептов синкретических верований отсутствует. По тем же причинам в монографии отдельно не рассматриваются афрохристианство, афроислам и другие синкретические религии.

Главным источником настоящего исследования является база данных, составленная Американской ассоциацией религиозных баз данных (American Association of Religious Data Archives (ARDA)) в 2017 г. [Brown, James]. В ее основе лежат более 47 статистических источников, которые в содержательном отношении были приведены к единому виду с помощью методов систематизации и верификации статистических данных. Эта база отражает численность адептов всех рассматриваемых элементов компонентной структуры конфессионального пространства стран Африки за период 1910-2017 гг. в границах на 2015 г. (для ряда стран статистика дается за более длительный период). Вместе с этим, привлекались и другие статистические источники: например, для анализа конфессионального пространства Африки на макро- и мезоуровне – Atlas of Global Christianity, World Christian Encyclopedia; миссионерские атласы и отчеты, результаты социологических опросов Pew Research Centre и Afrobarometer, переписи населения и др.

Собранная конфессиональная статистика, в силу длительности изучаемого периода и специфики сбора данных в макрорегионе, имеет определенные недостатки. Однако, благодаря усилиям миссионеров и важности конфессиональной статистики для религиозных организаций, ее данные зачастую оказываются более достоверными по сравнению, например, с экономической

статистикой. Основные недостатки используемой статистической базы (как и любой другой базы данных) связаны с различиями условий сбора данных в течение продолжительного периода, поэтому относиться к ним следует с определенной осторожностью. Тем не менее исходная статистическая база содержит в себе данные только об абсолютной численности адептов той или иной религиозной общины, и принципиальных различий в их сборе, скорее всего, не было.

Для подтверждения достоверности имеющихся данных производилось их сопоставление с другими авторитетными источниками: монографией Хуссейна Кеттани [Kettani] о численности мусульман в регионах мира, проектами Operation World [Operation...], Joshua Project [Joshua...] и др. Таким образом, анализ религиозной статистики, проведенный в данной работе, несмотря на имеющиеся недостатки, позволил с высокой степенью достоверности отразить развитие структуры конфессионального пространства Африки за период с 1910 по 2010 гг.

1.3. Стадии развития геопространств религий в рамках модели религиозной конкуренции⁵

Динамика конфессионального геопространства на различных территориальных уровнях взаимосвязана с религиозной конкуренцией. Последняя, как было показано С.А. Гороховым [Горохов, 2017а; 2020], определяет смену эволюционных форм организации конфессионального геопространства – от реципрокности (религиозный обмен), к редистрибуции (перераспределение) и «рынку». Они отличаются как по количеству конкурирующих религий («производителей»), так и по степени дифференциации «религиозного продукта». Под последним понимаются услуги, которые предлагает религия своим адептам – начиная от «сверхъестественных» компенсаторов, дающих верующим экзистенциальную безопасность, заканчивая социально-экономическими – в виде гуманитарной, финансовой, психологической и другой помощи. При этом религиозный «продукт» и сама религия меняются вместе с потребностями населения (см. подробнее: [там же, с. 90-102]).

Реципрокность считается наиболее ранней формой организации конфессионального геопространства, доминировавшей на начальных этапах развития общественных институтов. Для нее характерен обмен ритуалами и мифами,

⁵ Методика, используемая в данном параграфе, в значительной степени опирается на работу автора, опубликованную в журнале «География и природные ресурсы [Горохов, Дмитриев, Захаров, 2018].

основная задача которых сводится к объяснению окружающей действительности [Белла]. При этом религиозные «продукты» были взаимозаменяемы, т. к. объясняли одни и те же явления, а для конфессионального геопространства была характерна свободная конкуренция. По мере усложнения религиозного опыта возникла необходимость создания жреческого сословия, отвечающего за толкование явлений окружающей действительности, проведение ритуалов и т. д. [Токарев]. В связи с тем, что теперь конкуренция ведется между слоями жреческого сословия, формой религиозной конкуренции становится олигополия [Горохов, 2017b, с. 90-91].

В следующей форме организации конфессионального геопространства – редистрибуции – количество «производителей» и тип религиозного «продукта» регламентируется государственной властью. Возникают первые религиозные монополии, а вероисповедание являлось показателем принадлежности человека к тому или иному государству. Политическая власть была заинтересована в участии религии в формировании государственной идеологии и ее легитимации. В значительной степени эффективность решения этих задач определяла будущее как самой религии, так и государства. Тем не менее в истории есть примеры и конфликтов между церквями и политическими институтами [там же, с. 92].

Становление экономического рынка, распространение «свободы совести» сопровождалось переходом конфессионального геопространства к новой форме организации – «рынку религий». В основе его функционирования лежит взаимодействия спроса и предложения, что проявилось в росте количества религий и их направлений, а также диверсификация религиозного «продукта». В таких условиях религия становится личным выбором человека, а не только показателем принадлежности к какому-либо обществу [там же, с. 92-94]. С этого времени деятельность многих религий стала направлена не только на удовлетворение духовных потребностей своих адептов, но и на повышение качества их жизни. Доминирующей формой конкурентных отношений становится религиозная монополистическая конкуренция – «форма отношений, характеризующихся включением в процесс конкуренции не только религий и их направлений, но и их течений». При этом каждая религия имеет свободный доступ на религиозный «рынок», но из-за высокой конкуренции доминирование одной конфессии на нем фактически невозможно [Горохов, 2017b, с. 14].

По мере эволюции форм организации конфессионального геопространства в религиозную конкуренцию вовлекаются все новые уровни его компонентной структуры – религиозные направления и течения, деноминации и общины – и территориальной структуры – макрорегионы мира, субрегионы, страны и

их части. В ходе религиозной конкуренции на уровне стран и их субрегионов некогда доминирующая религия замещается другой религией (или секулярной идеологией). Этот процесс носит циклический характер – циклы религиозной конкуренции представляют собой «повторяющиеся через некоторые не всегда одинаковые промежутки времени состояния конфессионального геопространства, характеризуемые равными или близкими в количественном отношении значениями интегрального (-ых) показателя (-ей) его компонентной структуры» [Горохов, 2017b, с. 175].

В качестве интегрального показателя автором этой модели предлагается использовать модифицированный индекс мозаичности (МИМ), а также долю адептов замещаемой религии в населении определенной территории. В соответствии со значением этих показателей в цикле религиозной конкуренции выделяется четыре фазы: 1) фаза начального религиозного замещения (P_{3_0}); 2) фаза устойчивого религиозного замещения (P_{3_1}); 3) фаза религиозного паритета (P_{3_2}); 4) фаза окончательного религиозного замещения (P_{3_3}) (Таблица 2). Состояние конфессионального геопространства до начала и после завершения всех названных фаз, при котором МИМ приобретает минимальные значения, а доминирующая религия составляет абсолютное большинство – обычно более 90–95% называется религиозным насыщением.

Таблица 2 – Ключевые индикаторы смены фаз религиозной конкуренции

<i>Название фазы</i>	<i>Обозначение фазы</i>	<i>Пороговые значения МИМ, долей единицы</i>	<i>Доля замещаемой религии, %</i>
<i>Фаза начального религиозного замещения</i>	<i>P_{30}</i>	<i>$<0,281$</i>	<i>> 87</i>
<i>Фаза устойчивого религиозного замещения</i>	<i>P_{31}</i>	<i>$0,281-0,556$</i>	<i>$87-70$</i>
<i>Фаза религиозного паритета</i>	<i>P_{32}</i>	<i>$0,557-1,0000; 1,000-0,557$</i>	<i>$70-30$</i>
<i>Фаза окончательного религиозного замещения</i>	<i>P_{33}</i>	<i>$<0,556$</i>	<i>< 30</i>

Составлено по: [там же, с. 225].

В соответствии с долей замещаемой религии в рамках модели религиозной конкуренции мы выделяем 16 типов конфессиональной структуры населения, которые целесообразно разделить на четыре группы: 1) доминирование од-

ной религии (доля замещаемой религии превышает 87%); 2) доминирование одной религии (87–70%) со значительной долей другой (13–30%); 3) доминирование одной религии (87–70%) со значительной долей двух религий (суммарно 13–30%); 4) паритет двух и более религий (ни одна из религий не составляет большинства; обычно по 70–30%)

Уровень религиозной конкуренции в пределах стран мира и их регионов определяется конкурентными преимуществами религий. Под последними понимается востребованность предоставляемого ими религиозного «продукта», что оценивается, исходя из динамики конфессиональной структуры населения страны и их регионов. Чем лучше этот «продукт» отвечает потребностям населения, тем быстрее происходит увеличение доли адептов религии, представляющей его. Вместе с этим особенности религиозной конкуренции в пределах той или иной территориальной ячейки определяют форму организации ее конфессионального пространства.

В силу того, что «продукты» различных религий и «стратегии» их продвижения схожи во всех составляющих ее геопространство территориальных ячейках (странах или их АТЕ), геопространство религии целесообразно рассматривать как совокупность стран и их регионов, образующих единую систему внутренних (между ее адептами) и внешних отношений (с адептами других религий и направлений), которая характеризуется общностью динамики. В то же время форма организации конфессионального геопространства определяет особенности религиозной конкуренции между религиями в пределах отдельных стран. Другими словами, адаптация религий к различным формам религиозной конкуренции и другим условиям отличается от страны к стране в зависимости от формы организации их конфессионального пространства. Это порождает одно из фундаментальных свойств конфессионального геопространства – дискретность, которое далее рассматривается нами на уровне геопространств отдельных религий. Дискретность конфессионального геопространства проявляется в одновременном существовании территорий, в пределах которых происходит увеличение, сокращение доли адептов той или иной религии, что проявляется в динамике территориальной структуры ее геопространства. Совокупность этих изменений сопровождается трансформацией конфессионального пространства определенной территории, которая носит стадийный характер.

Конфессиональное пространство той или иной территории как совокупность образующих его и взаимодействующих между собой геопространств отдельных религий может претерпевать трансформацию в рамках двух разнонаправленных процессов. Они проявляются в расширении и сжатии гео-

пространства, в общем случае разделенных во времени состоянием покоя – стадией территориальной стабилизации (Рисунок 1). Наиболее важной в географическом отношении является стадия расширения конфессионального геопространства: основываясь на модели его конкурентного развития, стадию сжатия геопространства одной религии можно считать стадией расширения другой; на стадии стабилизации каких-либо значимых в территориальном отношении изменений конфессионального геопространства не происходит.

Ключевым индикатором, анализ тенденций изменения которого позволяет ответить на вопрос о том, происходили ли за рассматриваемый период какие-то изменения в территориальной структуре конфессионального геопространства, выступает уровень инерционности последней. Его оценка проводилась по индексу структурных различий Рябцева, который производился по формуле:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (k_{t_2} - k_{t_1})^2}{\sum_{i=1}^n (k_{t_2} + k_{t_1})^2}}$$

где k – доля каждой из n территориальных единиц одного ранга v , например, христианском населении образуемой ими территориальной единицы более высокого ранга в смежные моменты времени t_2 и t_1 .

Достоинством индекса Рябцева в сравнении с другими показателями абсолютных или относительных структурных сдвигов состоит помимо прочего в наличии шкалы значений, заключенных в интервале $[0; 1]$, позволяющей качественно интерпретировать полученные результаты (Приложение А). Чем выше его значение, тем ниже уровень инерционности территориальной структуры, т.е. тем более масштабными были ее изменения (Приложение Б).

Характер трансформации конфессионального геопространства обусловлен интенсивностью процессов территориальной концентрации-деконцентрации адептов образующих его религий. Она оценивается нами на основе расчета индекса Херфиндаля-Хиршмана:

$$HHI = \sum_{i=1}^N s_i^2$$

где s_i – доля страны в общей численности религиозной группы,

N – количество стран, где доля данной религиозной группы больше 0.

Данный индекс обычно используется для оценки степени монополизированности экономического рынка и принимает значение от 0 до 10000: чем ближе полученное значение к верхней границе, тем выше степень монополизированности рынка [Борисов; Hirschman]. В нашем случае рост значения данного индекса за определенный период указывает на усиление территориальной концентрации и соответственно сжатие геопространства религии, и наоборот (Приложение В).

Территориальную приуроченность происходящих в структуре конфессионального геопространства изменений позволяет оценить анализ значений доли адептов той или иной религии в общей численности населения ячеек разного уровня. Однако увеличение этого показателя может обеспечиваться за счет как роста числителя (увеличение численности адептов данной религии), так и уменьшения знаменателя (снижение численности адептов конкурирующих религий). В связи с этим возникает вопрос об интенсивности и направленности изменений в структуре конфессионального геопространства. Для их выявления предлагается использовать центрографический метод, с помощью которого были рассчитаны не только пройденное расстояние и траектория движения демографических центров религий, представленных в той или иной территориальной ячейке, но и скорость их перемещения (Приложение Г; Д; Е). В настоящем исследовании нас будет интересовать динамика движения демографических центров конфессиональных групп, а не конкретное расположение каждого из них в отдельности. Ведь, как справедливо подчеркивается в [Полян, с. 186], «... изолированный центр лаконичен и малоинформативен, а динамический центроряд, указуя “направление многих сил”, высокоинформативен и почти столь же лаконичен».

В качестве репрезентативных пунктов низшего уровня нами были выбраны крупнейшие по людности населенные пункты административно-территориальных единиц (АТЕ) первого порядка всех стран Африки по состоянию на 2015 г. Выбранные опорные точки первого порядка были приняты за постоянные с 1910 по 2010 г. Их координаты, «взвешенные» по численности адептов соответствующей религии в данной АТЕ в 2010 г., дают соответствующие географические (гравитационные) центры стран – постоянные за тот же период опорные точки второго порядка. Координаты последних, взвешенные по численности религий и их направлений в данной стране по состоянию на каждую из 8 дат (1910, 1930, 1950, 1970, 1990, 2010), дают соответствующие географические центры третьего порядка в масштабах всей Африки [Горохов, Дмитриев, Захаров]. Расчет положения центров производился с помощью специализированного онлайн-сервиса Geographic Midpoint Calculator [Geographic ...],

скорость движения демографических центров – с помощью сервиса Latitude / Longitude Distance Calculator [Latitude...].

Таким образом, избранные нами индикаторы позволяют дать комплексную и всестороннюю оценку динамики геопространств религий, составляющих конфессиональное пространство Африки. Индекс Рябцева дает возможность оценить интенсивность этого процесса, исходя из уровня инерционности территориальной структуры геопространства этой религии. Динамика значений индекса ННН указывает на процессы сжатия или расширения геопространства той или иной религии. Изменения доли адептов той или иной религии в пределах стран, составляющих ее геопространство, позволяет установить территориальную приуроченность изменений его структуры. Скорость демографического центра религии и траектория его движения дает представление об интенсивности и направленности этого процесса. Потенциально число параметров – степеней свободы конфессионального геопространства, равное четырем – может быть уменьшено, но только лишь если его сжатие носит «сплошной» характер. В том случае, если последнее приводит к фрагментации, значение выделенных индикаторов (Таблица 3) может существенно возрастать.

**Таблица 3 – Динамика ключевых индикаторов
в зависимости от стадии развития геопространства религии**

Стадия развития	Инерционность территориальной структуры	Территориальная концентрация	Доля в населении	Скорость движения демографического центра
<i>Расширение</i>	Сравнительно низкая	Быстро снижается	Растет	Сравнительно высокая
<i>Стабилизация</i>	Растет	Сохраняется	Сохраняется	Низкая
<i>Сжатие</i>	Низкая*	Быстро увеличивается	Сокращается	Очень низкая*

* – указанные значения характерны для геопространств религий, претерпевающих сжатие; в случае его фрагментации значения этих показателей могут значительно возрастать.

Составлено автором.

Динамика территориальной структуры геопространств религий различается в зависимости от стадии развития. На стадии расширения геопространство религий включает в себя новые территориальные ячейки и увеличивает долю

последователей в них. Геопространство таких религий претерпевает территориальную деконцентрацию, а их территориальная структура отличается низким уровнем инерционности. Вместе с этим происходит ускорение движения демографического центра, которое значительно выше по сравнению с другими сопоставимыми по численности религиями.

Процесс расширения геопространства религий на стадии стабилизации замедляется или останавливается – оно в общем виде сохраняет свою конфигурацию в течение длительного времени. Соответственно уровень инерционности возрастает, процесс территориальной деконцентрации существенно замедляется или вовсе останавливается, уступая место обратному процессу, что сопровождается замедлением скорости демографического центра религии.

При переходе геопространства религии в стадию сжатия доля ее адептов в населении составляющих его территориальных ячейках снижается. Этот процесс сопровождается территориальной концентрацией, т.е. количество территориальных ячеек, в которых размещены адепты таких религий, уменьшается. Динамика территориальной структуры геопространства в стадии сжатия зависит от его изначальной конфигурации, интенсивности и направления воздействия других религий. При сжатии геопространства замещаемой религии, когда «давление» замещающей религии носит сплошной характер, уровень инерционности его территориальной структуры нарастает, а демографический центр замедляется. В иных случаях «давление» замещающей религии носит однонаправленный характер и приводит к фрагментации геопространства замещаемой религии, т.е. оно перестает образовывать единое целое – тогда скорость демографического центра может существенно возрасти.

Как представляется, геопространства каждой отдельной религии проходит все описанные выше стадии развития. На первой стадии геопространство религии претерпевает стремительное расширение, что сопровождается усложнением его территориальной структуры и вовлечением в него новых территориальных ячеек. Затем, после достижения лимитов своего роста, расширение геопространства религии замедляется или прекращается, а его территориальная структура стабилизируется. На завершающей стадии территориальная структура геопространства религии претерпевает «деградацию» из-за перехода ее адептов в другие более конкурентоспособные религии.

В основу настоящей работы положен преобладающий в современной географии религий синтетический подход, в рамках которого мы в качестве объекта исследования рассматриваем конфессиональное пространство Африки. В част-

ности, нас интересует тренды и закономерности развития его компонентной и территориальной структуры на макро-, мезо- и микроуровне, которые анализируются на основе обширного статистического материала, подвергнутого критической оценке.

В компонентной структуре конфессионального пространства макрорегиона нами рассматривается 26 элементов: 8 религий и нерелигиозное население (макроуровень), 13 направлений христианства и 4 ислама (мезоуровень); в территориальной – Африка (макроуровень), составляющие ее страны (мезоуровень) и АТЕ Нигерии (микроуровень).

Нами предложен принцип выделения типов конфессиональной структуры населения, который основывается на изменении доли замещаемой религии в модели религиозной конкуренции. Применительно к странам Африки выделено 16 типов конфессиональной структуры населения, которые целесообразно разделить на четыре группы: 1) доминирование одной религии; 2) доминирование одной религии со значительной долей другой; 3) доминирование одной религии со значительной долей двух религий; 4) паритет двух и более религий.

Предложена модель трансформации конфессионального пространства, описывающая совокупность изменений структуры составляющих его геопространств религий. Одним из фундаментальных свойств геопространства является его дискретность, которая в случае конфессионального пространства Африки проявляется в одновременном существовании территорий, в пределах которых происходит его расширение, стабилизация или сжатие. Выделенные стадии отличаются: а) уровнем инерционности территориальной структуры, б) процессами территориальной концентрации-деконцентрации, в) динамикой доли адептов религий в населении стран, составляющих геопространство той или иной религии, г) скоростью движения демографического центра соответствующей религии.

Глава 2. Динамика конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI вв.

2.1. Динамика компонентной структуры конфессионального пространства Африки¹

Изменения глобального конфессионального геопространства в течение XX – начале XXI вв. были связаны с перераспределением адептов крупнейших религий мира – христианства и ислама. Особую роль в этом процессе играла Африка, чей вклад в глобальную христианскую и мусульманскую общину с 1910 по 2010 г. существенно вырос – с 1,9 до 21,6 и с 18,0 до 27,0% соответственно (Таблица 4) [Горохов, 2012b; Atlas ..., 2009].

**Таблица 4 – Распределение адептов крупнейших религий
по макрорегионам мира в 1910–2010 гг., %**

Религия	Африка		Азия		Европа		Латинская Америка		Северная Америка		Австралия и Океания	
	1910	2010	1910	2010	1910	2010	1910	2010	1910	2010	1910	2010
Христианство	1,9	21,6	4,1	15,4	66,0	25,6	12,2	23,9	14,9	12,3	0,9	1,2
Ислам	18,0	27,0	77,5	69,9	4,5	2,7	0,03	0,12	0,0	0,03	0,0	0,0
Этнорелигии	53,3	40,9	43,0	56,5	0,5	0,4	2,0	1,4	0,1	0,6	1,0	0,1
Индуизм	0,1	0,3	99,8	99,3	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,2	0,0	0,1
Буддизм	0,0	0,1	99,6	98,4	0,3	0,4	0,0	0,2	0,0	0,8	0,0	0,1
Иудаизм	3,4	0,9	3,6	40,8	79,3	12,6	0,2	6,4	13,3	38,6	3,6	0,8
Атеисты	0,5	0,4	3,1	84,8	89,9	10,9	5,1	2,1	1,0	1,4	0,4	0,3

Составлено автором по: [Atlas ..., 2009]

¹ Материалы, использованные в данном параграфе, опираются на работу автора: [Горохов, Захаров, 2016].

В начале XXI в. крупнейшими религиями Африки были христианство (540 млн адептов), ислам (420) и этнорелигии (81). Согласно прогнозам, тенденция к увеличению «веса» континента в глобальной мусульманской и особенно христианской общины сохранится. Ожидается, что к 2020 г. он займет первое место по численности христианского населения и сохранит второе место по численности мусульман после Азии. Вместе с этим вклад Африки в общую численность адептов этнорелигий продолжит сокращаться [Global ..., 2011]. При этом в начале XX в. ни одно африканское государство не входило в число десяти стран, лидирующих по численности христианского населения. Уже спустя век ситуация коренным образом изменилась, и к числу крупнейших христианских стран мира присоединились Нигерия и ДР Конго, а к 2050 г. к ним, по прогнозам, добавится Эфиопия [The Global ...; The Future ..., 2015]. В 1910 г. среди десяти стран, имеющих крупнейшее мусульманское население, были только две африканские – Египет и Марокко, а в 2010 г. к ним присоединились Нигерия и Алжир [The Future ..., 2011].

В соответствии с особенностями развития конфессионального пространства Африки, а также интенсивностью его изменений, рассматриваемый в работе период мы разделяем на два этапа: колониальный и постколониальный [Горохов, Захаров]. Колониальный этап продлился с 1910 по 1970 г., то есть охватывает период истории Африки, характеризующийся сочетанием политического господства европейских держав с активной миссионерской деятельностью западных христианских церквей (протестантских и католической). Начало широкой экспансии западного христианства положила Всемирная миссионерская конференция, которая состоялась в Эдинбурге в 1910 г. По результатам этой конференции было опубликовано девять исследовательских работ, легших в основу стратегии глобальной евангелизации², которая впоследствии приобрела популярность как среди протестантских, так и католических миссионерских обществ [Stanley].

В то же время ислам вследствие своего неравноправного положения в большинстве африканских колоний не мог на равных конкурировать с христианством [Ходжсон]. Тем не менее рост мусульманского населения в макрорегионе обеспечивался не только естественным приростом, но и ограниченной по масштабам конверсией на территории, оставшейся под фактическим контролем традиционных мусульманских государственных образований [Roberts, p. 208-223].

С 1970 г. начинается постколониальный этап развития конфессионального пространства Африки. Его отличительная черта – снижение контроля над ре-

² Глобальная евангелизация – активная миссионерская деятельность во всех регионах мира христианских, прежде всего протестантских церквей [Горохов, Захаров, 2017].

лигиозной сферой: после крушения колониальной системы миссионерская деятельность практически не лимитировалась. На это указывает активизация миссионерской деятельности целого ряда религиозных направлений [Christianity ..., 2013], причем не только христианских харизматических направлений таких как пятидесятничество, но и исламских – особенно шиизма и ахмадие, а также новых для Африки религий – бахаизма, религии нью-эйдж и др. Кроме этого с 1970-х годов в Африке началось распространение секулярных процессов, особенно в зоне влияния СССР.

В этот этап деятельность христианских, в первую очередь протестантских миссионеров определялась гуманитарной миссией, направленной в большей степени на повышение качества жизни населения, чем собственно на распространение религии. Наибольшую популярность эта стратегия имела среди пятидесятников и ряда других харизматических направлений протестантизма. Руководствуясь принципом «нет границ, есть только люди», они стали вести миссионерскую деятельность на территориях, к которым христианские миссионерские общества имел весьма ограниченный доступ. В первую очередь речь идет о территориях доминирования ислама, а также некоторых других направлений христианства. В результате протестантизм стал главным проводником идей культурной и экономической глобализации в странах Африки, а характерная для него экстатичная форма богослужения как нельзя лучше вписывалась в африканские традиции религиозных мистерий [Anderson; Захаров, 2019б].

Главным актором трансформации конфессионального пространства Африки в течение изучаемого периода было западное христианство, особенно его протестантские направления. Это подтверждается динамикой конфессиональной структуры населения Африки, которая фактически «перевернулась». В 1910 г. 58,0% населения этого региона придерживалось этнорелигий, 32,0 – ислама, только 9,4 – христианства. Спустя столетие христианство стало крупнейшей религией Африки (47,9%), опередив ислам (40,5) и этнорелигии (10,4) (Рисунок 2).

Если не брать в расчет малочисленные религии, то в течение рассматриваемого периода христианство было самой быстрорастущей религией в Африке – среднегодовые темпы прироста численности его адептов составили 3,67%, ислама – 2,39, этнорелигий – 0,15. Тем не менее показатели среднегодовых темпов прироста крупнейших религий сильно варьируются по регионам Африки. Так, в Северной Африке христианство ожидаемо росло более медленными темпами, чем в среднем по Африке, но все же опережало ислам – 2,02 против 1,95%. В АЮС показатели среднегодовых темпов прироста у адептов

христианства и ислама оказались значительно выше – 3,83 и 2,87%. Христианское население росло быстрее мусульманского во всех регионах АЮС за исключением Южной Африки (2,64 и 3,04 %), а в Западной и Центральной Африке этот показатель достиг рекордных значений – 4,74 и 4,52%. Самой медленнорастущей конфессией во всех регионах Африки были этнорелигии. В Северной Африке среднегодовые темпы прироста их адептов составили 0,64, в АЮС – 0,13%, а в Центральной Африке они приняли отрицательные значения (–0,55%) – численность приверженцев этнорелигий сократилась с 16,0 до 9,2 млн (Таблица 5).

Таблица 5 – Динамика численности адептов крупнейших религий по регионам Африки, 1910–2010 гг. (%)

Регион	Христианство, млн			Т _{ср.} *, 1910–2010	Ислам, млн			Т _{ср.} , 1910–2010	Этнорелигии, млн			Т _{ср.} , 1910–2010
	1910	1970	2010		1910	1970	2010		1910	1970	2010	
<i>Северная Африка</i>	2,2	4,8	16,2	2,02	25,9	76,7	178,7	1,95	1,9	2,4	3,6	0,64
<i>АЮС</i>	11,0	122,0	470,7	3,83	15,4	81,5	260,9	2,87	70,3	79,4	80,1	0,13
Восточная Африка	6,0	52,7	221,4	3,67	4,5	22,8	74,1	2,84	23,9	32,1	32,4	0,31
Центральная Африка	1,2	28,3	99,4	4,52	1,6	9,7	35,6	3,15	16,0	11,9	9,2	-0,55
Южная Африка	2,7	17,9	36,7	2,64	0,04	0,3	0,8	3,04	3,6	4,9	4,6	0,25
Западная Африка	1,1	23,1	113,1	4,74	9,4	48,7	150,4	2,81	26,8	30,5	33,9	0,24
<i>Африка</i>	13,2	126,8	486,9	3,67	41,3	158,2	439,7	2,39	72,2	81,9	83,7	0,15

* Т_{ср.} – среднегодовые темпы прироста

Рассчитано и составлено автором по: [Atlas ..., 2009; Brown, James].

Изменение численности адептов религий определяется тремя компонентами: естественным приростом (убылью); миграционным приростом (убылью); конверсионным приростом (убылью), обеспечиваемый миссионерством. Наиболее важным компонентом, обеспечивающим рекордные темпы прироста населения стран Африки, является высокий естественный прирост [Горохов, Дмитриев].

Благодаря высокой рождаемости Африка постоянно наращивать свой «вес» в глобальном конфессиональном геопространстве мира. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) за период 2010-2015 гг. для Африки в целом составил 4,7 ребенка, что является абсолютным рекордом в мире. В Северной Африке этот показатель составил 3,3, а в АЮС оказался значительно выше – 5,1. При этом в Центральной и Западной Африке СКР превысил значение среднемирового в 2,5 раза, и только в Южной Африке он принял среднемировое значение (2,5) [Westoff, Bietsch; World Fertility].

Анализ достаточно скромной демографической статистики по конфессиональным группам макрорегиона позволил установить, что СКР у мусульманского населения практически во всех странах Африки существенно выше христианского и составляет 6,1. Среди христиан самый высокий уровень рождаемости характерен для протестантов (4,8), у католиков он чуть ниже (4,2), самый низкий – у адептов восточного христианства (3,9). В целом уровень рождаемости у немусульманского населения составляет лишь 70% от соответствующего показателя у мусульман (Таблица 6). В XXI в. рождаемость обеспечивает 96% прироста мусульманского населения континента и около 85% христианского [Atlas ..., 2009].

Различия значений СКР среди религиозных общин в макрорегионе объясняются не только влиянием социально-экономических факторов, но и особенностями их репродуктивного поведения. Для мусульманского населения в целом характерна политика пронатализма, которая поощряет высокую рождаемости в обществе. В отличие от христианства, для ислама традиционны полигамия, всеобщий брак, отсутствие монашества, предпочтение рождения сыновей, медленная эмансипация женщин и т. д. Благодаря этому уровень брачности у мусульманок Африки выше, чем у немусульманок – 69 против 59%, при этом 16% мусульманок Африки состоят в полигинических браках (7% у немусульманок) [Westoff, Bietsch]. Высокий естественный прирост мусульманского населения также объясняется социально-экономическими факторами – уровнем образования, урбанизации и благосостояния.

Таблица 6 – Суммарный коэффициент рождаемости по конфессиональным группам населения некоторых стран Африки, 2006–2014 гг.

Страна	Католики	Другие христиане	Немусульмане*	Мусульмане	Разница между мусульманами и немусульманами
Бенин	4,4	5,1	4,8	5,1	0,3
Буркина-Фасо	5,4	5,5	5,7	6,1	0,4
Бурунди	6,2	6,6	6,2	6,2	0,0
Камерун	4,8	4,6	4,8	6,0	1,2
Чад	6,8	7,0	6,9	6,1	0,8
Конго	4,4	5,3	5,0	7,1	2,1
ДР Конго	6,1	6,7	6,5	7,2	0,7
Кот-д'Ивуар	4,1	4,6	4,8	5,0	0,2
Эфиопия	4,2	4,8 (3,9*)	4,3	6,1	1,8
Габон	3,9	4,0	3,9	5,0	1,1
Гана	3,9	4,0	3,9	5,4	1,6
Гвинея	–	4,4	4,4	5,2	0,4
Лесото	3,3	3,3	–	–	–
Либерия	4,6	5,1	4,7	5,1	0,4
Мадагаскар	4,7	4,5	–	–	–
Малави	5,3	5,6	5,6	7,0	1,4
Мали	–	7,1	6,9	5,9	-1,0
Мозамбик	5,9	5,8	5,9	6,0	0,1
Намибия	3,7	3,5	–	–	–
Нигер	–	–	–	7,6	–
Нигерия	4,6	4,4	4,5	6,5	2,0
Руанда	4,3	4,7	–	–	–
Сенегал	–	3,8	4,2	5,0	0,8
Сьерра-Леоне	–	4,1	4,1	5,1	1,0
Свазиленд	2,8	4,1	–	–	–
Уганда	6,3	6,1	6,2	5,9	-0,3
Замбия	5,9	6,2	–	–	–
Зимбабве	3,3	3,5	–	–	–
Кения	–	–	4,5	5,1	0,6
Алжир***	–	–	–	2,8	–
Египет	–	–	–	3,2	–
Ливия	–	–	–	2,4	–
Марокко	–	–	–	2,6	–
Судан	–	–	–	4,8	–

* – католики, другие христиане, адепты традиционных верований и нерелигиозные;
 ** – значение СКР у адептов Эфиопской Православной Церкви; *** Для стран Северной Африки данные даны для населения в целом.

Составлено автором по: [Westoff, Bietsch; World Fertility]

Мусульманки в Африке имеют более низкий уровень образования по сравнению с немусульманками, более половины из них никогда не посещали школу. Средняя продолжительность обучения у немусульманок составляет 3,2 года, в то время как у мусульманок – 2,0 года. Значительно реже мусульманки, чем немусульманки, прибегают к использованию контрацептивов, они также менее склонны к планированию семьи [Ibid.].

Таким образом, более высокий естественный прирост мусульманского населения Африки можно объяснить пронаталистскими особенностями ислама и влиянием социально-экономических факторов. Лишь адепты этнорелигий, проживающие преимущественно в сельской местности, имеют уровень рождаемости не ниже чем у приверженцев ислама, что обуславливает высокие темпы их прироста в африканских странах. Однако нехватка статистических данных по этой конфессиональной группе не позволяет подтвердить данный тезис.

Как видно из Таблицы 6, в странах Африки значение СКР христиан и мусульман остается в среднем в 2-3 раза выше уровня, необходимого для обеспечения простого воспроизводства населения (2,1). При этом для большинства стран региона характерны более высокие показатели СКР у адептов ислама; исключения составляют лишь Мали, Чад и Уганда, где численность немусульман растет более высокими темпами³, а также Бурунди, где уровень рождаемости у мусульман и немусульман в рассматриваемый период не отличался (Рисунок 3). Среди христиан самые высокие показатели СКР характерны для протестантов, у католиков он в большинстве стран региона немного ниже, самый низкий – у адептов восточного христианства. Таким образом, христиане практически во всех странах Африки уступают приверженцам ислама и этнорелигий по уровню рождаемости.

Миграционное движение в целом не оказывает существенного влияния на соотношение религиозных общин Африки на макроуровне – оно носит в основном внутриконтинентальный характер, а объемы мигрантов в другие макрорегионы мира сравнительно невелики. Общее число африканских мигрантов в 2013 г. оценивалось в 34 млн человек (3,0% населения Африки), причем только небольшая часть из них проживает за пределами африканского континента [Абрамова, с. 230; Агафшин; Синцеров; World Population]. В целом, межконтинентальные миграции способствуют незначительной убыли как христианского, так и мусульманского населения, которая, по оценоч-

³ Это может быть связано с недавней конверсией христиан из этнорелигий: новообращенные христиане в этих странах сохраняют традиционное демографическое поведение.

ным данным, составляет около 300 тыс. христиан и 150 тыс. мусульман [Абрамова, с. 230].

Внутриконтинентальные миграции способствуют перераспределению адептов мировых религий между странами макрорегиона в пользу, как правило, сравнительно развитых или более стабильных. Так, миграционное движение обеспечивает около 20% прироста христианского населения в ЮАР. В большинстве стран Африки, миграции способствуют сокращению христианского населения: например, в Сан-Томе и Принсипи вклад миграций в общую убыль адептов христианства составил 58,0% [Atlas ..., 2009]. В то же время вынужденные миграции могут приводить к резкому изменению конфессиональной структуры населения стран и отдельных регионов, а также к изменению их культурного ландшафта [Калуцков]. В качестве примера можно привести разделение Судана в 2011 г., которое привело к массовому исходу мусульман из Южного Судана преимущественно в Судан и христиан в обратном направлении, а также в другие страны мира (в основном в Уганду и Кению) [Tull]. Еще одним ярким примером служит Нигерия, где в результате активизации запрещенной в РФ «Боко Харам» мусульмане начали покидать северо-восток страны [Boko Haram ...].

Распространенной причиной миграций в Африке является изменение природных условий [Flashback ...] – например, засухи и наводнения 2012 г. в Восточной и Южной Африке, вызванные нарушением циркуляции атмосферы под влиянием Эль-Ниньо, или засухи в Западной Африке, вызвавшие миграции мусульман фульбе на юг [El Niño]. Кроме этого, христианское население стремится покинуть страны, где оно подвергается дискриминации – как это происходит, например, в Сомали, Джибути, Мавритании, Марокко, Алжире, Египте, Ливии, Судане и др.

Таким образом, высокие среднегодовые темпы прироста христианского населения объясняются конверсией, которая в настоящее время обеспечивает 15,5% его ежегодного [Atlas..., 2009]. Об эффективности деятельности христианских миссионеров говорит и то, что только в 2010 г. в Африке в христианство перешло более 3,3 млн человек. К числу стран континента, лидирующих по объемам конверсии, относятся Нигерия, ДР Конго, Эфиопия, Танзания и Кения – в каждом из этих государств в 2010 г. в христианство перешло от 200 до 500 тыс. человек [Ibid]. Тем не менее масштабы миссионерской деятельности сильно отличались по направлениям христианства – об этом можно судить, исходя из динамики структуры христианского населения. Так, доля адептов восточного христианства, которое до последнего времени практически не вело миссионерской деятельности, за сто лет значительно снизилась.

В то же время доля адептов католицизма и протестантизма за тот же период возросла, что стало возможным благодаря работе многочисленных миссионерских обществ [World Christian ...]. Интересно, что направления протестантизма существенно отличались по масштабам конверсии. Наиболее активные в этом отношении существенно увеличили свой «вес» в геопространстве христианства, тогда как вклад менее активных направлений в общую численность христиан Африки практически не менялся или сокращался. К наиболее ярким «представителям» первой группы относятся, прежде всего, пятидесятничество, а также англиканство и баптизм, последней – реформатство и методизм (Таблица 7).

Таблица 7 – Динамика компонентной структуры геопространства христианства в Африке, 1910–2010 гг.

Направления христианства	Численность, млн человек			Доля в христианском населении Африки, %*		
	1910	1970	2010	1910	1970	2010
Католицизм	3,2	46,1	170,6	24,3	36,3	35,0
Восточное христианство	4,4	18,4	47,6	33,4	14,5	9,8
Протестантизм	5,6	62,4	268,8	42,3	49,2	55,2
- <i>реформатство</i>	2,0	9,4	19,9	15,7	7,4	4,1
- <i>англиканство</i>	0,8	8,5	49,5	6,1	6,7	10,2
- <i>пятидесятничество</i>	0,0	10,0	72,9	0,07	7,9	15,0
- <i>методизм</i>	0,7	5,3	11,3	5,5	4,2	2,3
- <i>лютеранство</i>	0,2	2,8	13,2	1,8	2,2	2,7
- <i>баптизм</i>	0,06	2,8	17,4	0,5	2,2	3,6
- <i>маргинальный пр.</i>	0,0	4,8	11,9	0,04	3,7	2,4
- <i>адвентисты</i>	0,02	1,1	7,5	0,1	0,9	1,5
- <i>мультиденоминационные пр.</i>	0,0	5,3	11,3	0,08	3,4	2,3
- <i>анабаптизм</i>	0,03	0,5	1,8	0,3	0,4	0,4
- <i>другие направления</i>	1,79	15,8	52,1	13,6	12,5	19,4
Всего	13,2	126,9	487,0	100	100	100

Составлено автором по: [Barrett, Kurian, Johnson; Brown, James].

Конверсионный прирост мусульманского населения Африки не превышает 4%, более того, ислам теряет своих последователей из-за их конверсии в христианство. По словам известного мусульманского богослова Ахмада Аль Катани из Ливии: «христианским миссионерам в Африке удастся обращать в свою веру около 6 млн мусульман ежегодно» [Al-Jazeera ...]. Тем не менее статистические данные по объему конверсии мусульман в христианство не подтверждают его оценку. По состоянию на 2015 г. накопленная численность обращенных в христианство мусульман в Африке составила около 2,2 млн – почти половина из них (0,9 млн) проживает в странах Западной Африки, около 0,7 млн – в Восточной и 0,4 – в Северной. При этом наибольший удельный вес обращенных мусульман характерен для Судано-Сахельского коридора⁴ (Таблица 8).

Таблица 8 – Объемы конверсии мусульманского населения в христианство в некоторых странах Африки, 2015 г.

Страна	Численность мусульманского населения, тыс. чел.	Накопленная численность обращенных мусульман, тыс. чел.	Доля обращенных мусульман в общей численности адептов ислама, %
Алжир	39832,7	380,0	0,95
Бенин	3208,2	40,0	1,25
Буркина-Фасо	10752,6	200,0	1,86
Бурунди	266,8	2,2	0,82
Камерун	3467,2	90,0	2,60
ЦАР	903,9	1,5	0,17
Египет	74923,1	14,0	0,02
Эритрея	3569,2	2,0	0,06
Эфиопия	34262,2	400,0	1,17
Гамбия	1749,3	2,5	0,14
Гана	5314,8	50,0	0,94
Гвинея	9411,4	3,0	0,03
Гвинея-Бисау	806,6	1,5	0,19

⁴ В ССК полностью или частично входят Либерия, Гвинея, Кот-д’Ивуар, Гана, Буркина-Фасо, Того, Бенин, Нигерия, Камерун, Чад, ЦАР, Судан, Южный Судан, Эфиопия [Климанова, 2015].

Страна	Численность мусульманского населения, тыс. чел.	Накопленная численность обращенных мусульман, тыс. чел.	Доля обращенных мусульман в общей численности адептов ислама, %
Кот-д'Ивуар	8952,2	5,5	0,06
Кения	6901,2	70,0	1,01
Ливия	5904,4	1,5	0,03
Малави	2238,1	5,0	0,22
Мали	14021,1	8,0	0,06
Марокко	34971,3	3,0	0,01
Мозамбик	4918,9	4,0	0,08
Нигер	18440,4	4,5	0,02
Нигерия	79737,2	600,0	0,75
Руанда	559,8	2,0	0,36
Сенегал	13556,4	1,8	0,01
Сьерра-Леоне	4757,9	2,0	0,04
ЮАР	871,9	6,5	0,74
Судан	24330,4	30,0	0,12
Танзания	15499,8	180,0	1,16
Того	1328,4	2,5	0,19
Тунис	11143,1	2,5	0,02
Уганда	4787,3	35,0	0,73
Всего	441387,6	2150,5	0,49

Рассчитано и составлено автором по: [Miller, Johnstone].

Таким образом, изменение соотношения численности адептов крупнейших религий Африки в течение изучаемого периода определялось естественным приростом и конверсией. Рост численности адептов ислама и этнорелигий происходил почти только за счет естественного прироста (95%). Для христианства его значение было существенно ниже (85%), а решающим фактором, позволившим ему стать крупнейшей религией в Африке, был высокий конверсионный прирост, обеспеченный миссионерской деятельностью пятидесятников, англикан, бапти-

стов, католиков и др. Таким образом, трансформация компонентной структуры конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI вв. была обусловлена прежде всего распространением христианства и в меньшей степени ислама.

2.2. Роль сети миссионерских станций в формировании геопространства христианства⁵

Трансформация компонентной структуры конфессионального пространства Африки в XX в. была обусловлена в первую очередь активизацией христианских миссионеров, в основу деятельности которых легла стратегия глобальной евангелизации [Cabrita; Hastings; Горохов, 2016]. Не претендуя на полноту описания данной стратегии, укажем лишь основные ее принципы, обеспечившие высокую эффективность деятельности христианских миссионеров: 1) подавляющее число миссионеров рекрутировалось из коренного населения стран Африки. Благодаря этому христианство не только избавлялось от образа «колониальной религии», но и смогло адаптироваться к локальным культурам [Roland; Rawlikova-Vilhanova]; 2) привлечение современных информационных технологий. Большое внимание уделялось созданию и развитию христианских СМИ⁶, в первую очередь периодических печатных изданий, которые для многих африканцев стали главным или единственным источником информации о «внешнем» мире [Johnson, Crossing; Johnson, Zurlo, Hickman]; 3) гуманитарная направленность миссионерской деятельности христианских церквей. Христианские, прежде всего протестантские миссионеры диверсифицируют религиозный «продукт», предлагая своим адептам

⁵ Содержание данного параграфа в значительной мере опирается на статью автора [Захаров, 2018].

⁶ В современных мусульманских странах конверсия в христианство часто происходит без непосредственного контакта с миссионерами, например, через радио или интернет. Это связано с высокими рисками для безопасности миссионеров и новообращенных христиан – они часто подвергаются гонениям из-за их религиозных убеждений. Одним из многочисленных примеров этому может выступить история Либана Ибрагима Хассана (Liban Ibrahim Hasan) из Могадишо. В возрасте 13 лет он познакомился с трудами Зигмунда Фрейда, которые так потрясли его, что он начал страдать бессонницей. Традиционные средства лечения – общение с шейхом, чтение Корана и прочее – не дали никакого эффекта. Позже в его руки попал Новый Завет, а затем Библия, знакомство с которыми вызвало в сознании молодого человека размышление о религии и духовности. Христианское учение оказалось для него ближе, и Либан принял христианство. В конце 1980-х он начал делиться своими убеждениями с близкими, а в 1992 г. отправился с молодой женой в Эфиопию для прохождения обряда крещения. Его религиозные убеждения не могли остаться незамеченными – вскоре в его адрес поступили угрозы, а в марте 1994 г. его застрелили у больницы, в которой он работал [Liibaan ...].

не только собственно религию, в т. ч. сверхъестественные «компенсаторы», но и целый ряд услуг – образовательные, медицинские, финансовые и прочие услуги [Чернышева; Muraya; Good]. По мере накопления опыта христианими миссионерами возникали и другие более «узкие» концепции и методы. Из них целесообразно отметить концепцию «Three C's», которая подчеркивала особую роль христианства в экономическом развитии стран Африки и становление «цивилизованного общества». Под последним подразумевалось прежде всего отмена рабства, а также распространение западного образования [The Philosophy ...]. Важное значение в последнее время приобретает концепция «Окно 10/40» – наименее затронутая христианизацией территория, расположенная между 10 и 40 градусом северной широты в Африке и Азии [Bush, 2009; Allen], а также «Окно 4/14» – возрастная когорта от 4 до 14 лет, которая считается наиболее восприимчивой к евангелизации [Bush, 2013].

Реализация названных выше принципов привела к зарождению сетевой структуры христианских миссий в Африке, каждая из которых функционирует автономно и не нуждается в регулярном финансировании материнской церкви, выполняя, в определенном смысле, функцию фокуса для притяжения новых адептов. Помимо собственно распространения христианства, миссионерские станции оказывают долговременный эффект на социально-экономическое развитие близлежащих территорий, но их влияние различалось в зависимости от специфики работы каждой из них [Cage, Rueda]. Внимание современных исследователей направлено именно на этот аспект деятельности миссионерских станций, в то время как закономерности их пространственно-го развития как территориальной сети остается практически без внимания.

Наибольший интерес для настоящего исследования представляет начальный этап формирования сети миссий в период 1880–1950 гг. Именно в это время началось активное развитие сети христианских миссий в Африке, которая фактически представляет собой «опорный каркас» геопространства христианства в макрорегионе. Специфика ее развития в доколониальный и колониальный этап предопределила особенности дальнейшего распространения этой религии на континенте. Как отмечает В.Н. Стрелецкий, сложившиеся «конфигурации конфессиональных различий» отличают «инерционность, доминирование унаследованных пространственных структур» [Стрелецкий, с. 458]. На это также обращал внимание С.Г. Сафронов: «особенности расселенческих структур религиозных организаций тесно связаны с историей их деятельности ... и современной организационной структурой» [Сафронов, 2013].

Выбор Северо-Западной Африки в качестве полигона исследования определяется, во-первых, ранним проникновением христианских миссионеров;

во-вторых, тем, что ее конфессиональное пространство традиционно сочетает крупнейшие религии макрорегиона – христианство, ислам, этнорелигии; в-третьих, масштабами изменений социально-политической системы региона под влиянием христианизации.

Доступные данные о расположении крупнейших протестантских миссий⁷ и центров территориальных единиц РКЦ⁸, объединенных общим термином «миссионерские станции», в Северо-Западной Африке позволили закартировать их сеть за период с 1880 по 1950 г. Основными источниками для этой серии картосхем стали: а) атласы христианских миссий – Christian and Missionary Alliance (1879, 1924, 1936, 1950, 1964) [Princeton; Atlas..., 1924; Snead, 1936; Snead, 1950; King]; Atlas der Evangelischen Missions (1859) [Josenhans]; Stielers Hand-Atlas (1945) [Stieler, Haack]; Grande Atlante Geografico de Agostini (1952) [Grande ...]; World Missionary Atlas (1925) [Beach, Fahs, Bartholomew]; б) статистические сборники католической церкви – Annuario Pontificio [Annuario..., 1868; 1924; 1948]; в) веб-сайт РКЦ [Giga-Catholic ...]; г) исторические работы [Шпажников; Пучков; Roland; Roberts]. На картосхемах также отмечены крупнейшие традиционные африканские поселения, наиболее значимые мусульманские города, а также связывающие их караванные пути [Davidson; Michalopoulos, Naghavi, Prarolo].

Общий вид сети христианских миссий в Северо-Западной Африке свидетельствует об их тяготении к побережью, транспортным путям (рекам, железным и автомобильным дорогам), а также к крупным населенным пунктам. Повышенная концентрация христианских миссий также характерна для важней-

⁷ В реальности миссионерских станций было значительно больше: например, в одной только Гане в 1932 г. в общей сложности их насчитывалось 1775 [Selhausen]. Однако выбранный масштаб позволяет отобразить только наиболее значимые миссии.

⁸ Из всех христианских церквей наибольшее значение «территориального принципа» организации характерно для католицизма, где он официально закреплен в каноническом праве. Развитие каждой территориальной единицы происходит по схеме: миссия sui iuris – апостольская префектура – апостольский викариат – епархия. Данный процесс развития отражает интеграцию новой территории в глобальную РКЦ: миссия sui-iuris – первичная территориальная единица, появление которой предшествует активизации миссионерской деятельности; апостольская префектура – временная территориальная единица РКЦ, где пока что не может быть сформирована полноценная епархия, во главе которой стоит священник, руководящий сформированной католической общиной; апостольский викариат также представляет собой временную территориальную единицу РКЦ, приравненную к епархии, во главе которого стоит епископ (викарий), управляющий территорией от имени Папы Римского; при викариате создается пастырский совет, состоящий из трех и более священников-миссионеров. Епархия (диоцез) – завершающий этап развития территориальной единицы РКЦ [Кодекс ...; The Catholic ...].

ших районов добычи золота, производства пальмового и арахисового масла [Roland; Roberts]. Это свидетельствует о том, что к важным условиям размещения миссионерской станции относится климат, рельеф, плотность населения, а также природно-ресурсный потенциал территории (Рисунок 4).

На каргосхеме прослеживаются историко-географические регионы Магриб, Западный Судан, Верхняя и Нижняя Гвинея⁹, которые отличались по динамике сети миссий. Наибольшая скорость ее развертывания была характерна для Нижней Гвинеи, территория которой осваивалась европейцами наиболее интенсивно. Миссионерские станции сосредоточены здесь у крупнейших населенных пунктов, откуда христианство распространялось на прилегающую территорию. В этом отношении особое значение имели Лагос, Ибадан, Бенин, Онича, Порт-Харкорт, Даула, Яунде, Кейп-Кост, Кумаси, Тамале и др. К 1950 г. наиболее сложная морфология сети миссионерских станций была характерна для Ганы и Нигерии. В то же время формирование сети христианских миссий в Верхней Гвинее фактически ограничивалось прибрежной полосой от Кейп-Коста до Конакри, Дакар и Сен-Луи, а также железными дорогами вглубь континента, берущих начало из этих же городов. При этом внутренние лесные районы Верхней Гвинеи за редким исключением не были затронуты христианизацией.

Схожая простая линейная структура сети христианских миссий была характерна и для стран Магриба, где она протягивается вдоль побережья через города, связанные железными и автомобильными дорогами. К 1950 г. сеть христианских миссий приобрела более сложную конфигурацию, а миссионерские станции работали почти во всех крупных поселениях этого региона, в том числе удаленных от побережья. Однако, это не привело к быстрому распространению христианства, что объясняется двумя причинами: а) христианство долгое время ориентировалось не на местное, а на европейское население, сосредоточенное в крупных городах [Sabrita]; б) после Второй мировой войны среди мусульман стали популярны антиколониальные настроения, что привело к оттоку европейцев и миссионеров¹⁰ [Crowder].

Наименьшая концентрация христианских миссий характерна для исторической области Западного Судана – здесь миссионерская деятельность ограничивалась несколькими городами, расположенными на фронтире исламизации в долине рек Нигер, Сенегал, Гамбия и на севере Нигерии [Roberts; Roland].

⁹ К Гвинейскому региону относятся районы стран, выходящие к Гвинейскому заливу с гумидным и семигумидным климатом. Верхняя Гвинея протягивается к западу от р. Вольта до Сенегала, Нижняя – к востоку до залива Биафра [Пучков, Казьмина, 1998; 2010].

¹⁰ Этим объясняется увеличение доли адептов восточного христианства в некоторых из них (см. далее).

При этом на картохемах прослеживается барьерная роль реки Нигер – к северу от нее миссионерские станции даже если и возникали, то существовали очень непродолжительное время, а объемы конверсии здесь были крайне низки [Beach, Fahs, Bartholomew; Harrison; Snead, 1950].

Таким образом, в 1950 г. геопространство христианства ограничивалось контуром, в пределах которого функционировали христианские миссии в Западной Африке, расположенные вдоль побережья Гвинейского залива, рек Нигер, Бенуэ и железной дороги Конакри – Канкан. При этом наибольшая концентрация христианских миссий в пределах этого контура была характерна для наиболее освоенных территорий Ганы и Нигерии, а также Камеруна, Либерии (Рисунок 5). На остальных территориях деятельность миссионеров лимитировалась природными условиями, политикой колониальной власти и конкуренцией с исламом.

В зависимости от условий развития геопространства христианства изменялся и характер развития сети миссионерских станций. Имеющиеся данные позволили выделить пять типов ее развертывания: 1) прибрежный, 2) речной, 3) внутриконтинентальный, 4) караванный, 5) сахельский (Рисунок 5).

Прибрежный тип развертывания сети христианских миссий ограничивается прибрежной полосой и начинается с возникновения миссий в отдельных транспортных узлах (портах), которые впоследствии соединяются железной и/или автомобильной дорогой. Например, в Ливии христианизация долгое время была ограничена Триполи – здесь с 1643 г. утверждён центр апостольской префектуры РКЦ в Ливии, только к 1894 г. он изменил свой статус на викариат, в это же время в столице начали работать и протестантские миссионеры. К середине 20-х гг. XX в. РКЦ создает апостольскую префектуру в Бенгази, а к 1939 г. – центр апостольского викариата в Дерне [Giga-Catholic ...]. В течение 1925-1950 гг. протестантские миссионеры создают свои станции в прибрежной полосе между Дерной и Триполи, крупнейшие из которых – Мисурата, Элитен и Бенгази.

Одновременно с этим развивается и транспортная инфраструктура, обеспечивающая связность этих городов и проникновение христианства в населенные пункты между ними: автомобильная дорога от Дерна к Триполи, железная дорога от Триполи до Мисурата и от Дерна к Сирту. Схожим образом происходило развертывание сети христианских миссий в других прибрежных районах Северо-Западной Африки.

Речной тип развертывания сети христианских миссий закономерно носит линейный характер; оно может начинаться в разных частях реки. Наиболее ярким примером этого типа служит р. Нигер, являющаяся одной из крупней-

ших транспортных артерий Западной Африки до сегодняшнего дня. До середины XIX в. река Нигер активно использовалась мусульманскими купцами для торговли и распространения ислама на юг, что привело к возникновению крупных городов, население которых в большинстве своем исповедовало ислам: Бамако, Сегу, Мопти, Томбукту, Гао, Ансонго, Ниамей, Кано и др. Здесь появились первые мечети Западной Африки – Джингеребер, великая мечеть Дженне, Сиди Яхья, Шингетисская соборная мечеть, Агадес, великая мечеть Кано и другие [Aradeon]. Торговые отношения мусульманских купцов сложились, прежде всего, с африканскими королевствами, расположенными ближе к истоку и устью Нигера. Здесь же располагались древние африканские поселения, например, Сигири в Гвинее, Уагадугу в Буркина-Фасо и др., исламизация которых произошла только в XX в. [Harrison; Michalopoulos, Naghavi, Prarolo]. Тем не менее существенных изменений в конфигурации сети мусульманских поселений после середины XIX в., судя по историческим данным, не происходило. К сожалению, существует достаточно мало сведений о распространении ислама с привязкой к сети поселений этого региона за более раннее время.

К 1880 г. в долине реки Нигер уже функционировали протестантские миссии и центры территориальных единиц РКЦ, но формирование их сети носило разнонаправленный характер. Распространение католицизма началось из Бамако, где к 1868 г. установилась апостольская префектура и викариат в 1891 г., позже – в 1942 г. – по направлению течения р. Нигера установился центр апостольской префектуры в Мопти и Ниамее. С небольшим запозданием католицизм начал распространяться и в нижнем течении Нигера (первая апостольская префектура возникла в Онича в 1889 г.) [Giga-Catholic ...]. Однако в Нигерии большее значение для христианизации имели притоки р. Нигер – Бенуа, Огун, Кадуна и другие.

Протестантские миссионерские станции на р. Нигер начали возникать уже в XIX в., но их концентрация была намного выше в нижнем течении этой реки. Первая миссионерская станция в Сигири (недалеко от истока реки) возникла только в начале XX в., куда была проложена железная дорога из Конакри. Отсюда сеть протестантских миссий начала разветвляться вдоль течения р. Нигер – к 1950 г. практически во всех крупных поселениях, расположенных вдоль этой реки, работали протестантские миссионеры. Однако, как следует из дневников миссионеров, из-за ранней исламизации этой территории объемы конверсии здесь были незначительны: «после обращения племени в ислам, пытаться выиграть их для Христа подобно ударам молотка о гранит» [Snead, 1950, p. 21].

Отличительной чертой речного типа разветвления сети христианских миссий является сезонность – в сезон дождей многие внутренние районы ста-

новились недоступны, а миссионеры оставались изолированными на несколько месяцев. В связи с этим концентрация миссионерских станций выше там, где навигационный период продолжается круглый год, например, в долине одной из наиболее полноводных рек Африки – Бенуа.

Внутриконтинентальный тип характерен для развертывания сети христианских миссий вглубь континента. Как правило, этот процесс начинался из портов и шел вглубь континента к крупному поселению или месторождению, а затем сеть разветвлялась. Для христианизации внутренних районов Африки особое значение имел железнодорожный транспорт. При этом в некоторых случаях миссионеры предвзяли ее прокладывание – например, железная дорога Дакар–Бамако, но чаще всего они следовали уже за функционирующей инфраструктурой. Так, распространение христианства в Гане началось от Кейп-Коста к Кумаси вдоль возведенной в 1898 г. железной дороги, которая служила для доставки сельскохозяйственной продукции, полезных ископаемых и других ресурсов к порту [Ghana ...]. Затем миссионерские станции начали появляться в более удаленных районах – к западу от Кумаси в Суньяни и в Тамале к северу.

Сеть центров территориальных единиц РКЦ здесь развивалась схожим образом – уже к 1950 г. в Кейп-Косте был сформирован центр митрополии с епархиями в Кумаси, Кета, Тамале, Аккре [Giga-Catholic ...]. При этом ее развертывание происходило практически синхронно с сетью протестантских миссий. Данный тип был характерен для стран Нижней и Верхней Гвинеи, за исключением Гвинеи-Биссау, Гамбии и Либерии. В странах Магриба данный тип получил ограниченное распространение – в Марокко, Алжире и Тунисе – из-за фактического отсутствия контроля метрополий над внутренними территориями этих стран [Lexalgeria].

Караванный тип был характерен для развертывания сети христианских миссий вдоль караванных путей после упадка транссахарской торговли в конце XIX – начале XX вв. В это время в наименее удаленных от побережья мусульманских городах начали появляться христианские миссии, которые как бы «встраивались» в существующую сеть мусульманских поселений и вступали в конкуренцию с исламом.

Данный тип был характерен в первую очередь для севера Нигерии – городов Сокото, Кано, Зариа и др. Однако, после конфликта между христианскими миссионерами и администрацией в Северной Нигерии, Великобритания запрещает миссионерскую деятельность на территориях доминирования ислама. Во Французской Западной Африке колониальные власти также опирались на уже традиционную для региона мусульманскую культуру. Более того, фран-

цузы, а также британцы иногда оказывали поддержку исламу, например, субсидировали хадж местных элит в Мекку [Cambridge, 1905–1940, p. 207–215]. Практически полное отсутствие конкуренции со стороны христианства позволило исламу заместить этнорелигии в целом ряде стран Западной Африки в том числе и благодаря массовым трудовым миграциям. В связи с этим караванный тип не получил дальнейшего развития в колониальный этап, а мусульманское население французских и британских владений в Северо-Западной Африке сохранило традиционную организацию общества.

Сахельский тип характерен для территорий, расположенных в пределах одноименной природной зоны, где транспортная доступность не осложнена расчлененностью рельефа, тяжелыми климатическими условиями, а местные племена еще не были обращены в ислам. Распространение протестантизма и католицизма в таких районах происходило от крупных поселений и, несмотря на преобладающий южный вектор, все же носило разнонаправленный лучевой характер. Например, в Буркина-Фасо распространение католицизма шло от крупнейших поселений – Бобо-Диуласо и Уагадугу, где к 1950 г. образовались центры апостольских викариатов, к периферии – в Нуна, Уагуйя, в которых были созданы центры апостольских префектур [Giga-Catholic ...]. В отличие от католиков, протестанты не продвигались к северу страны, а предпочитали действовать недалеко от Бобо-Диуласо – в Банфара, Сагира, Ньянголоко; и от Уагадугу – в Кудугу, Пуитанга и других поселениях. Отсюда началась христианизация северных районов Ганы по линии Уагадугу – Болгатанга – Тамале и Кот-д’Ивуара по линии Бобо-Диуласо – Корого – Ямусукро.

Исходя из полученных данных, геопространство христианства в Северо-Западной Африке развивалось параллельно с хозяйственным освоением территории. В общем виде оно соответствует модели развития дорожной сети в развивающихся странах, предложенной Тааффе, Моррилом и Гулдом¹¹ [Taaffe, Morrill, Gould], или, например, стадиям развития транспортного освоения, предложенным С.А. Тарховым [Тархов]. В большинстве случаев сеть миссионерских станций развивалась вслед за уже функционирующей транспортной инфраструктурой, но существует немало исключений, когда христи-

¹¹ Данная модель обобщает закономерности развития внутренней транспортной сети в развивающихся странах на основе анализа динамики транспорта в Гане, Нигерии и др. в контексте их хозяйственного освоения метрополиями. Авторы выделяют четыре последовательных фазы развития, отражающих процесс усложнения линейно-узловых структур транспортной сети. В то же время модель стремится не столько «расчленить» этот процесс на отдельные фазы или этапы, сколько показать, что развитие транспортной сети происходит по той же логике, что и, например, диффузия нововведений (по Т. Хегерстранду).

анские миссионеры предвзяли прокладывание дорог и даже сами участвовали в их строительстве [Airey; Cobbinah, Korah]. Учитывая степень влияния миссионеров на колониальную политику, можно предположить, что развитие транспортной сети в Африке ориентировалось на потребности не только метрополий, но и миссионерских обществ. В любом случае принципы работы христианских миссий способствовали социально-экономическому развитию прилегающих к ним территорий, что закономерно приводило к формированию узловых элементов транспортной сети. Впоследствии это оказало существенное влияние на системы расселения и процессы урбанизации в Африке [Cobbinah, Korah; Hancock, Srinivas].

Первые христианские миссии в Западной Африке стали возникать в портах вдоль побережья Гвинейского залива. В местах повышенной концентрации миссионерских станций происходила их кластеризация – образование «очагов» христианизации. Отсюда христианские миссионеры продвигались во внутренние территории вдоль железных и автомобильных дорог, а также рек и каналов. При условии, что территория обладает высоким конверсионным потенциалом, здесь также начиналось формирование «очагов» христианизации. Параллельно с этим христианские миссии возникали вдоль крупных рек – Нигера, Бенуэ и других, тем самым «обозначая» границы христианизации. В результате объединения «очагов» христианизации транспортной инфраструктурой сформировался «опорный каркас» геопространства христианства в Западной Африке, «узловыми элементами» которого являлись кластеры миссионерских станций. Далее, миссионерские станции начинают возникать внутри «опорного каркаса», постепенно охватывая всю сеть поселений. Установленная схема формирования геопространства протестантизма подтверждает мнение К. Парка о том, что распространение христианства носит характер каскадной диффузии [Park, 2004, p. 443-444].

Особенности миссионерских сетей религий в Северо-Западной Африке определяются условиями размещения их элементов, которые предлагается разделить на стимулирующие и лимитирующие. Стимулирующие условия повышают привлекательность территории для религиозной общины, тем самым способствуя развертыванию миссионерской сети; лимитирующие условия соответственно имеют обратный эффект и носят взаимоисключающий характер. При этом условия одной группы обычно взаимосвязаны и действуют комплексно, дополняя друг друга. Предлагается различать следующие группы условий: 1) географическое положение; 2) социально-экономические и демографические особенности; 3) политическая обстановка и действие «случая» (Таблица 9).

Первостепенное влияние на формирование сети христианских миссий оказывали физико-географические условия. Как было показано выше, ее формирование происходило от побережья вглубь континента, оно начиналось в территориях с наиболее благоприятными физико-географическими условиями и удачным географическим положением. По мере освоения и изучения колонизируемой территории¹², развертывание сети христианских миссий начиналось на территориях с менее благоприятными условиями.

Таблица 9 – Стимулирующие (+) и лимитирующие (–) условия размещения элементов миссионерских сетей*

«+»	«–»
Географическое положение	
<ul style="list-style-type: none"> - Благоприятные физико-географические условия - Высокая транспортная доступность - Высокая плотность населения 	<ul style="list-style-type: none"> - Неблагоприятные физико-географические условия - Низкая транспортная доступность - Низкая плотность населения
Социально-экономические и демографические особенности	
<ul style="list-style-type: none"> - Социально-экономическая развитость территории - Миграционный прирост населения - Высокий естественный прирост - Низкая религиозная конкуренция 	<ul style="list-style-type: none"> - Социально-экономическая отсталость территории - Миграционный отток населения - Низкий естественный прирост - Высокая религиозная конкуренция
Политическая обстановка и «случай»	
<ul style="list-style-type: none"> - Низкий уровень развития государственности - Активизация миссионерской деятельности в связи с поддержкой миссий со стороны власти или ее нейтралитет к религиозной конкуренции; 	<ul style="list-style-type: none"> - Высокий уровень развития государственности - Приостановка миссионерской деятельности в связи с антиклерикальным характером власти - Приостановление деятельности в связи с военными действиями, эпидемиями, природными катаклизмами и т.п.

* Приведенные в таблице примеры не исчерпывают весь спектр условий, влияющих на размещение элементов миссионерских сетей

Составлено автором.

¹² Это не означает, что миссионеры непосредственно содействовали колонизации: «... мы, будучи белыми, должны работать против ... белого человека, эксплуатирующего землю и людей ее населяющих, не говоря уже о борьбе с африканским язычеством и иностранной жадностью» (цитата по: [Atlas..., 1924, p. 20]).

Формирование сети христианских миссий осуществлялось через транспортные пути – сначала реки, затем железные и автомобильные дороги. Важную роль в этом процессе играла полноводность рек и продолжительность навигационного периода, расчлененность рельефа и т.д. Проникновение христианских миссионеров в зону влажных тропических лесов из-за тяжелых климатических условий было сильно затруднено, поэтому здесь до сих пор сохраняются «резерваты» этнорелигий.

Помимо физико-географических условий, значительное влияние на формирование сети христианских миссий оказывала плотность населения, которая, в силу особенностей природопользования африканских государств того времени, в большинстве случаев соответствовали территориям с наиболее благоприятным географическим положением. В результате такие территории отличались более развитым хозяйством и характеризовались высокой плотностью населения.

Они представляли наибольший интерес для миссионеров разных религий, что закономерно повышало религиозную конкуренцию между ними (это также проявляется в следующей группе условий). При этом христианство в Западной Африке в период 1880-1950 гг. практически не вступало в конкуренцию с исламом и ориентировалось на территории с преобладанием этнорелигий. Именно поэтому сеть христианских миссий получила большее развитие в Верхней Гвинее, чем в Нижней Гвинее или Западном Судане. Вместе с этим, осознавая трудность работы среди уже обращенных в ислам племен, христианские миссионеры стремились создать свои станции на южном фронтире пояса исламизации. Таким образом, низкая религиозная конкуренция способствовала разворачиванию миссионерских сетей, а высокая – препятствовала.

Третья группа объединяет политические условия развития сети христианских миссий, которое во многом определялась религиозной конкуренцией¹³.

¹³ Большое внимание ей уделяли протестантские миссионеры: «Мы уже видели некоторых конкурентов и оппонентов нашей миссии в Африке. С севера, исламские купцы продвигают фронт их веры к югу вдоль торговых путей, а также с моря в Южную Африку ...» (цитата по: [Atlas..., 1924, p. 20]). «Католические миссионеры работали здесь (Томбукту) несколько лет, но так и не произвели никакого впечатления на магометанян...» (цитата по: [Ibid., p. 26]). С другими направлениями христианства: «Романо-Католики создали станции в большинстве поселений с европейским населением и активны среди многих племен. Они, в большинстве своем выступают категорически против работы протестантских миссионеров» (цитата по: [Snead, 1936, p. 21]). Первые первопроходцы С&МА в Габоне описывали неограниченные возможности евангелизации местных племен, но в то же время обращали внимание на «... агрессивные старания католических миссионеров (иезуитов) отвлечь людей от нашей проповеди».

Процесс развертывания сети христианских миссий происходил эффективнее, когда миссионерам удавалось наладить контакт с местными вождями и правителями¹⁴. Так, например, началось формирование католического «домена» в Мбаза-Конго. В других случаях христианские миссионеры встречали активное сопротивление со стороны местного населения сравнительно развитых африканских государствах (например, Дагбон, конфедерация Ашанти, халифат Сокото и др.).

Ограничение миссионерской работы происходило разными способами: в одних случаях использовались как насильственные, так и ненасильственные методы сопротивления. Примером первого может служить “Ibo-Ekumeku” («культ тайной войны»), возникший в государственном образовании Аро в дельте Нигера, вел партизанскую войну с миссионерами и колониальной властью [Roland, p. 290]. В мусульманских государствах чаще использовались иные методы сопротивления¹⁵ – например, цитируя слова миссионеров: «Среди магометан ... был распространен ложный слух о том, что миссионеры платят некоторую сумму денег каждому крещенному...» [Snead, 1936, p. 27]. Это закономерно вызывало общественное недовольство, изгнание или даже убийство миссионеров.

Достаточно часто ограничения на деятельность миссионеров вводили сами метрополии. Например, после конфликта между миссионерами и мусульманской администрацией в Северной Нигерии, Великобритания запрещает миссионерскую деятельность на территориях, где доминирует ислам. Во Французской Западной Африке колониальные власти также опирались на уже традиционную для региона мусульманскую культуру, а деятельность христианских миссионеров во многих колониях была ограничена¹⁶ даже в рамках важной для колонии образовательной системы¹⁷.

¹⁴ В отдельных случаях при миссионерских станциях создавались школы для сынов вождей, которые вместе с образованием усваивали нормы христианской и западной культуры.

¹⁵ Фактически использовался неформальный тип социального контроля, при котором использовались моральные способы регулирования общественной системы. Образ миссионеров и колонизаторов «демонизировался», в результате, местное население избегало контактов с ними.

¹⁶ Политика колониальной администрации по отношению к миссионерам практически во всех странах соответствовала положению той или иной церкви в метрополии. Это обусловило зависимость христианских миссионерских обществ в Африке от колониальной администрации в финансовом отношении (особенно грантов на развитие школ), географии их деятельности и ограничениях на «интенсивность» их активности.

¹⁷ Наиболее ярким примером этого является Мадагаскар при правлении антиклерикально настроенного губернатора Виктора Аугагнер (Victor Augagneur), который закрыл $\frac{3}{4}$ миссионерских школ и запретил религиозные собрания в общественных местах [Roberts, p. 179].

Таким образом, формирование геопространства христианства в Северо-Западной Африке опиралось на сеть миссионерских станций, развитие которой было неразрывно связано с хозяйственным и транспортным освоением территории. При этом миссионерские общества не просто следовали за транспортной сетью, но и достаточно часто выступали движущей силой этого процесса, оказывая существенное влияние на ее планирование и формирование. Развитие сети христианских миссий в Северо-Западной Африке происходило крайне неравномерно и определялось сочетанием лимитирующих и стимулирующих условий. Наибольшее влияние на этот процесс оказали географическое положение, социально-экономические и демографические особенности, политическая обстановка и действие «случая».

В ходе формирования геопространства христианства повышалось разнообразие типов развертывания сети христианских миссий, среди которых нами выделены прибрежный, речной, внутриконтинентальный, караванный и сахельский. Соотношение названных типов в пределах той или иной территории определяется, во-первых, физико-географическими условиями, во-вторых, логикой ее хозяйственного и транспортного освоения, которое в случае Северо-Западной Африки начиналось от морского побережья и шло вглубь континента.

2.3. Динамика территориальной структуры конфессионального пространства Африки на разных компонентных уровнях

Усложнение компонентной структуры конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI вв. сопровождалось масштабными изменениями его территориальной структуры. Анализ последней производился, исходя из динамики значений индекса структурных различий Рябцева, ННІ, доли адептов религий в населении Африки и скорости движения демографических центров религий (подробнее см. параграф 1.3).

Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее масштабные преобразования конфессионального пространства Африки пришлось на колониальный этап и были обусловлены активным распространением христианства (Таблица 10). С 1910 по 1970 г. доля адептов этой религии в населении макрорегиона стремительно увеличивалась, что сопровождалось территориальной деконцентрацией, т.е. геопространство христианства включало в себя новые территориальные ячейки. Демографический центр этой религии за 60 лет сместился в юго-западном направлении на 661,9 км со средней скоростью 11,0 км/год (Рисунок 6). В результате, за колониальный этап геопространство христианства претерпело расширение, а его территориальная структура «значительно» изменилась.

Геопространство ислама оказалось более инерционным. Доля мусульман в населении макрорегиона увеличивалась более низкими темпами, что сопровождалось более медленной, в сравнении с христианством, территориальной децентрализацией. Эти изменения были обеспечены, в первую очередь, странами Западной Африки, где ислам длительное время (несколько веков) усиливал свои позиции. Демографический центр этой религии сместился на 366 км в южном направлении, а его средняя скорость составила 6,1 км/год (Рисунок 6). При этом «низкий» уровень различий территориальной структуры геопространства ислама за 1910–1970 гг. указывает на то, что его конфигурация за колониальный этап практически не изменилась (Таблица 10).

Таблица 10 – Динамика геопространства религий Африки, 1910–2010 гг.

Религия	Доля в населении Африки, %			Скорость ДЦ, км/год		Индекс Рябцева		НН		
	1910	1970	2010	К*	П**	К	П	1910	1970	2010
Христианство	9,4	39,8	47,9	11,0	4,3	0,371	0,140	1301	783	742
Ислам	32,0	39,7	40,5	6,1	7,0	0,119	0,108	1233	1072	846
Этнические религии	58,0	19,7	10,4	3,8	3,3	0,208	0,211	672	539	642
Иудаизм	0,3	0,1	0,0	78,2	26,2	0,595	0,130	2420	3893	3833
Бахаизм	0,0	0,2	0,2	83,7	11,9	0,997	0,486	4833	1807	990
Индуизм	0,3	0,3	0,2	13,0	14,2	0,197	0,254	4423	3189	1992
Буддизм	0,0	0,0	0,0	69,8	32,3	0,528	0,673	5643	1813	4087
Новые религии	0,0	0,0	0,0	42,5	22,4	0,497	0,525	10000	2878	1640
Нерелигиозные	0,0	0,3	0,7	17,5	18,9	0,485	0,663	4063	1489	1732

* К – колониальный этап; ** П – постколониальный этап.

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Результатом распространения христианства, а также ислама стало двукратное сокращение доли адептов этнорелигий в населении Африки. На протяжении этого этапа «давление» геопространств мировых религий приводило к сжатию геопространства этнорелигий, что сопровождалось усилением территориальной концентрации их адептов. За это время демографический центр

этнорелигий преодолел только 229,3 км со скоростью 3,8 км/год, а траектория его движения была детерминирована мировыми религиями.

Постколониальный этап в целом сохранил сложившиеся тенденции, однако, развитие структуры конфессионального пространства Африки существенно замедлилось. Это можно объяснить снижением динамики геопространства христианства, конфигурация которого к 2010 г. практически не изменилась, инерционность его территориальной структуры возросла, скорость демографического центра резко сократилась, а темпы прироста адептов замедлились.

Геопространство ислама не претерпело серьезных изменений – доля его адептов в населении, как и уровень его инерционности, сохранились на уровне предыдущего этапа. Тем не менее тенденция к территориальной деконцентрации ислама сохранилась, а его демографический центр ускорился.

Геопространство этнорелигий в целом сохранило тенденции предыдущего этапа – доля их адептов продолжала снижаться, территориальная концентрация усилилась. Отличие заключается в изменении конфигурации геопространства этих религий – в результате замещения мировыми религиями, оно претерпело фрагментацию.

Остальные религии в течение всего изучаемого периода 1910–2010 гг. оказывали скромное влияние на развитие конфессионального пространства Африки в целом, что объясняется небольшой численностью их адептов. Их суммарная доля в населении макрорегиона, несмотря на увеличение численности с 0,8 до 4,8 млн, за весь рассматриваемый период не превышала 0,6%. Распространение этих религий в Африке носит даже меньшие масштабы, чем секулярные процессы – численность нерелигиозного населения макрорегиона в 2010 г. была почти в два раза выше – 7,2 млн. В связи с этим иудаизм, индуизм, бахаизм, новые религии, буддизм и нерелигиозное население отдельно в монографии не рассматриваются [Brown, James].

Динамика геопространств христианства и ислама в Африке определялась их крупнейшими направлениями, для которых в большинстве случаев была характерна меньшая инерционность территориальной структуры по сравнению с таковой у религий в целом.

Расширение геопространства христианства на протяжении колониального этапа осуществлялось за счет католицизма и протестантизма. Происходило увеличение удельного веса обоих направлений в христианском населении, что сопровождалось территориальной деконцентрацией и «значительным» изменением их территориальной структуры (Таблица 11). В то же время геопространство восточного христианства отличалось высокой инерционностью, которая на протяжении всего изучаемого периода только нарастала. Это сопровож-

ждалось усилением территориальной концентрации и сокращением доли его адептов, большая часть их них была сосредоточена в Эфиопии. Демографический центр восточного христианства в колониальный этап двигался медленно – только 4,2 км/год, а в постколониальный этап фактически остановился (0,7 км/год). Скорость демографических центров протестантизма и католицизма, напротив, была очень высокой и достигала 17,5 и 17,1 км/год соответственно, но траектория их движения отличалась направлением – в первом случае он смещался на северо-запад, во втором на юго-юго-восток (Рисунок 7).

Таблица 11 – Динамика геопространства крупнейших направлений христианства в Африке, 1910–2010 гг.

Направление христианства	Доля в христианском населении Африки, %			Скорость ДЦ, км/год		Индекс Рябцева		ННИ		
	1910	1970	2010	К*	П**	К	П	1910	1970	2010
Восточное христианство	33,4	14,5	9,8	4,2	0,7	0,080	0,010	5694	6121	6122
Католицизм	24,3	36,3	35,0	17,4	2,7	0,484	0,080	870	811	820
Протестантизм	42,3	49,2	55,2	17,5	12,4	0,369	0,237	2370	1120	846
Пятидесятничество	0,07	7,9	15,0	37,9	6,8	0,772	0,160	5391	1785	1212
Англиканство	6,1	6,7	10,2	25,7	17,6	0,482	0,233	4403	1965	2545
Реформатство	15,7	7,4	4,1	10,4	33,4	0,162	0,524	4835	3056	985
Баптизм	0,5	2,2	3,6	18,1	14,2	0,363	0,378	2390	1619	1849
Лютеранство	1,8	2,2	2,7	21,0	30,1	0,422	0,408	6673	2132	2025
Методизм	5,5	4,2	2,3	15,6	22,8	0,288	0,18	6316	2360	1750

* К – колониальный этап; ** П – постколониальный этап.

Расчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Территориальное поведение демографического центра католицизма и протестантизма объясняется историей развития геопространств этих направлений христианства (Рисунок 7). Католицизм в начале XX в. был представлен

преимущественно переселенцами из Европы, которые проживали в основном в колониях Франции, Бельгии, Испании и Италии. В 1910 г. большая часть католиков проживала в Северной Африке (около 30%), но уже в это время католические миссионеры начали активно действовать в т.н. «Сердце Африки» – территориях Центральной Африки, включающая полностью или частично ДР Конго, Анголу, Республику Конго, Камерун, Габон и Экваториальную Гвинею, а также юго-восток Нигерии [Brown, James; Atlas... 2009].

Благодаря поддержке колониальных властей деятельность католических миссионерских обществ была в высокой степени эффективна – уже к 1970 г. здесь сформировался католический «домен», в котором проживала большая часть адептов католицизма Африки [Brown, James]. Увеличение удельного «веса» этой территории в геопространстве католицизма объясняется также массовым эмиграциям европейцев из уже независимых стран Северной Африки [Crowder; The Catholic ...].

Распространение протестантизма в макрорегионе начиналось преимущественно из владений Великобритании и Германии. В 1910 г. почти половина адептов этого направления христианства проживала в Капской колонии (часть современной ЮАР) [Brown, James; Hastings]. Тем не менее протестантским миссионерам удавалось вести активную деятельность по всей Африке вне зависимости от политики метрополий. В течение колониального этапа возникали и другие «очаги» распространения протестантизма, в т. ч. во французских и бельгийских владениях, в которые не католические миссионеры допускались с неохотой. К 1970 г. крупные протестантские общины проживали в ЮАР, ДР Конго, Нигерии, Кении, Гане, Уганде и т. д. [Brown, James].

После крушения колониальной системы ограничения на деятельность протестантских миссионеров в католическом «домене» были сняты, благодаря чему доля протестантов в населении составляющих его стран в течение постколониального этапа стала расти быстрее [Au]. Впоследствии доля католиков в населении этой территории и Африки в целом начала сокращаться – с 36,3 до 35,0% от общего числа христиан. Это сопровождалось резким замедлением развития геопространства католицизма – в течение постколониального этапа его территориальная структура практически не менялась («низкий уровень различий»). Наметился тренд к территориальной концентрации адептов католицизма в католическом «домене» – демографический центр этого направления христианства переместился лишь на 108 км со скоростью 2,7 км/год.

В то же время геопространство протестантизма, несмотря на замедление его динамики, во многом сохранило тенденции колониального этапа – уве-

личение доли его последователей (до 55,2% христианского населения) сопровождалось территориальной деконцентрацией, которая привела к «существенным» изменениям его территориальной структуры, а демографический центр протестантизма перемещался с гораздо большей скоростью – 12,4 км/год. Таким образом, расширение геопространства христианства в постколониальный этап обеспечивалось за счет, прежде всего, протестантизма.

Наибольший вклад в изменение территориальной структуры протестантизма внесли 6 из 12 анализируемых направлений – реформатство, англиканство, пятидесятничество, методизм, лютеранство, баптизм. На протяжении столетия эти направления были крупнейшими направлениями протестантизма в Африке – их удельный вес в протестантском населении составлял около 70%, а их суммарная численность за сто лет увеличилась с 3,76 до 268,8 млн чел [Brown, James]. На динамику их геопространства сильно повлияли политические и социально-культурные факторы, что особенно ярко проявилось в постколониальном этапе.

Динамика структуры геопространства протестантизма в колониальный этап обеспечивалась в первую очередь пятидесятничеством и англиканством, а также баптизмом и лютеранством. Об этом свидетельствует увеличение их доли в христианском населении Африки, низкий уровень инерционности их территориальной структуры, а также высокая скорость движения демографических центров. Методизм и реформатство в это время не оказывали существенного влияния на развития геопространства протестантизма. Доля адептов первого в христианском населении медленно сокращалась, а уровень инерционности его территориальной структуры был сравнительно невысок. На это указывает низкая в сравнении с другими направлениями протестантизма скорость движения демографического центра и значение индекса Рябцева (0,288). Еще более высокий уровень инерционности был характерен для территориальной структуры геопространства реформатства. Об этом свидетельствует, во-первых, низкая скорость его демографического центра по сравнению со всеми другими направлениями протестантизма, во-вторых, низкое значение индекса Рябцева. Вместе с тем, из-за запрета на миссионерскую деятельность¹⁸ среди коренного африканского населения в

¹⁸ В отличие от большинства других христианских направлений, реформатская церковь официально ограничивала миссионерскую деятельность среди автохтонного населения ЮАР вплоть до 1837 г., когда вышел декрет № 50. Несмотря на то, что данный документ уравнивал права крещенного белого и черного населения, миссионерская деятельность реформатов, в т.ч. за пределами ЮАР, началась лишь спустя столетие [Федюкова].

течение колониального этапа доля адептов реформатства сократилась почти в два раза.

В постколониальный этап поведение геопространств направлений протестантизма изменялось под влиянием многих факторов. Пятидесятничество осталось самым быстрорастущим направлением протестантизма, а его доля в христианском населении с 1970 по 2010 г. выросла с 7,9 до 15,0% [Ibid.]. Однако уровень инерционности территориальной структуры его геопространства существенно возрос – демографический центр замедлился, а индекс Рябцева принял самое низкое значение из всех направлений протестантизма. При этом тенденция к территориальной деконцентрации геопространства этого направления протестантизма сократилась [Захаров, 2019б].

В течение постколониального этапа пятидесятничество сохраняло привязку к пятерке крупнейших стран по численности своих адептов, в которую входит Нигерия, Кения, ДР Конго, ЮАР и Гана. Эти страны АЮС отличаются быстрым экономическим ростом¹⁹, а также высоким природно-ресурсным потенциалом. Опыт изучения пространственного поведения пятидесятнических церквей в Замбии и Гане позволяет утверждать, что эта закономерность не случайна²⁰, но, разумеется, эта тема требует отдельного более глубокого исследования [Lumbe; Cobbinah, Korah].

Динамика геопространства англиканства также замедлилась – увеличение доли его адептов (с 6,7 до 10,2%) сопровождалось усилением его территориальной концентрации. При этом большая часть его адептов в 2010 г. проживала в бывших британских колониях – Нигерии (41,7), Уганде (25,2), Кении (10,1) [Brown, James]. Параллельно с этим уровень инерционности территориальной структуры геопространства англиканства возрастал, на что указывает замедление его демографического центра и сравнительно низкое значение индекса Рябцева (0,233).

Уникальная ситуация характерна для реформатства – в постколониальный этап оно вышло за пределы ЮАР и развернуло активную миссионерскую деятельность в АЮС. Уровень инерционности его территориальной структуры резко упал – ее изменения за 1970–2010 гг. в соответствии со

¹⁹ За исключением ДР Конго, где стремительный экономический рост был прерван затяжным внутренним конфликтом.

²⁰ Миссионерская деятельность пятидесятников в Замбии была ориентирована на наиболее развитые регионы страны: столицу и ее пригороды, районы добычи полезных ископаемых. В настоящее время культовой инфраструктуры соответствует наиболее благополучным в экономическом отношении городам страны. Таким образом, пятидесятничество в Замбии стало «атрибутом» образованной и успешной элиты и воспринимается как своего рода социальный статус [Lumbe].

значением индекса Рябцева (0,524) характеризуются как «весьма значительные». Они сопровождались стремительной территориальной деконцентрацией, а средняя скорость демографического центра реформатства возросла до 33,4 км/год. Таким образом, реформатство стало наиболее динамичным протестантским направлением в Африке. Однако, «отсроченная» активизация миссионерской деятельности не привела к увеличению доли его адептов в населении макрорегиона – напротив, она продолжила снижаться.

Баптизм переориентировался с католического «домена» за счет которого он увеличивал численность своих последователей в колониальный этап на Эфиопию в постколониальный этап. Вклад этой страны в общую численность баптистов возрос с 17,1% в 1970 г. до 37,6 в 2010. Это привело к усилению территориальной концентрации его геопространства, но уровень инерционности его территориальной структуры пока что сохраняется на низком уровне [Ibid.].

Геопространство лютеранства сохранило тенденцию к расширению – параллельно с территориальной деконцентрацией, доля его адептов претерпевает рост, а территориальная структура характеризуется низким уровнем инерционности. При этом по уровню динамичности изменений оно уступает только реформаторству – скорость его демографического центра составила 30,1 км/год, а значение индекса Рябцева – 0,408.

В постколониальный этап территориальная структура геопространства методизма претерпела «существенные» изменения. Это было обеспечено сокращением вклада Кении и Зимбабве в общую численность его адептов и увеличения удельного «веса» стран Западной Африки (Нигерии, Кот-д'Ивуара, Ганы). Благодаря чему геопространство методизма претерпело территориальную деконцентрацию и расширилось.

Развитие геопространство ислама в Африке на протяжении всего изучаемого периода определялось его крупнейшим направлением – суннизмом. Тем не менее геопространство последнего характеризовалось более высоким уровнем инерционности территориальной структуры в сравнении с таковой для ислама в целом. Если в колониальный этап динамика территориальной структуры геопространств суннизма и ислама была практически идентична, то в постколониальный наблюдалось замедление первого. В это время началось снижение скорости демографического центра суннизма, а его территориальная структура в 2010 г. была «тождественна» таковой в 1970 г. (Таблица 12).

Таблица 12 – Динамика геопространства крупнейших направлений ислама в Африке, 1910–2010 гг.

Направление ислама	Доля в мусульманском населении Африки, %			Скорость ДЦ, км/год		Индекс Рябцева		ННИ		
	1910	1970	2010	К*	П**	К	П	1910	1970	2010
Суннизм	99,7	99,1	93,9	5,8	4,2	0,117	0,09	1262	1115	894
Шиизм	0,2	0,2	4,0	13,4	31,1	0,117	0,865	2416	1931	3140
Ахмадие	0,0	0,6	1,8	5,6	37,4	0,180	0,574	–	4356	1838
Ибадизм	0,2	0,1	0,2	16,5	13,1	0,088	0,319	2899	3227	2931

* К – колониальный этап; ** П – постколониальный этап.

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Таким образом, вклад суннизма в изменение территориальной структуры геопространства ислама в течение столетия снижался, что сопровождалось увеличением доли в мусульманском населении других сравнительно крупных направлений этой религии – шиизма, ахмадие, а также ибадизма. Рост их доли в мусульманском населении обеспечивался за счет стран, приуроченных к «фронтиру» исламизации (особенно в Западной Африке), что способствовало расширению геопространства ислама на юг (Рисунок 8).

Шиитское направление ислама начало распространяться в Африке вместе с возникновением Идрисидского государства в конце VIII в. Позже шиизм проник в другие государства Северной Африки, а также Восточной Африки и ЮАР [Горохов, Христов; Шпажников; Zadeh]. В колониальный этап территориальная структура его геопространства характеризовалась высоким уровнем инерционности. В течение этого времени она практически не менялась – / крупнейшие общины шиитов были сосредоточены в Египте, Алжире, ЮАР, Танзании и Кении. Неравномерный рост численности адептов этого направления ислама обусловил сложную траекторию движения его демографического центра. До 1950 г. из-за рабочих миграций в ЮАР и Танзанию он смещался на юго-восток, а затем повернул в обратном направлении за счет роста численности шиитов в Северной Африке. Тем не менее геопространство шиизма постепенно включало в себя новые территориальные ячейки, что сопровождалось медленной территориальной деконцентрацией.

В постколониальный этап динамика геопространства шиизма имела «импульсный» характер. Уровень инерционности его территориальной структуры резко снизился – скорость демографического центра увеличилась более чем в два раза, и он начал смещаться в сторону стран бассейна озера Чад (Нигерия, Чад, Нигер, Камерун). Увеличение удельного «веса» этих стран почти до 70% привело к тому, что территориальная структура шиизма в 2010 г. стала «противоположной» таковой в 1970 г. За включением в геопространство шиизма новых территориальных единиц последовало замедление его динамики и усиление территориальной концентрации. Несмотря на это шиизм продолжает усиливать свои позиции у южного «фронта» исламизации, особенно в Чаде и на севере Нигерии, что провоцирует возникновение конфликтов (см. 3.2).

Ахмадийское движение (кадиани)²¹ начало распространяться в британских колониях Африки с 20–30-х гг. прошлого века вместе с мигрантами из Индии, Пакистана и др. В течение всего времени присутствия в макрорегионе геопространство ахмадие (ахмадийя) претерпевало расширение за счет включения в свое геопространство стран АЮС, что подтверждается устойчивой тенденцией к территориальной деконцентрации. Благодаря этому территориальная структура геопространства этого направления ислама в течение изучаемого периода, особенно в постколониальный этап, стремительно преобразовывалась.

Развитие геопространства ибадизма в XX – начале XXI вв. было приурочено к четырем странам – Алжиру, Тунису, Ливии и Танзании, что отразилось на высокой территориальной концентрации его адептов. В отличие от других направлений ислама геопространство ибадизма не включало в свой состав новые территориальные ячейки. Изменения территориальной структуры геопространства ибадизма были связаны в основном с естественной и миграционной убылью его адептов в Танзании²².

²¹ Одно из самых молодых направлений ислама, которое возникло в Индии в 1889 г. Его отличительной чертой является синкретический характер: ахмадие сочетает в себе христианскую, индуистскую религиозную традицию с рационалистическим толкованием Корана. По убеждению большинства мусульман, ахмадие во многих отношениях противоречит догмам ислама, из-за этого в целом ряде мусульманских стран оно не признается направлением ислама. Более того, в Пакистане адептам этого движения запрещено называть себя мусульманами, использовать кораническую терминологию; Всемирная исламская лига объявила ахмадие «враждебным исламу течением» [Ислам ..., с. 31]. Несмотря на это, ахмадие становится все популярнее и ведет активную миссионерскую деятельность, особенно в Африке.

²² Снижение численности ибадитов – выходцев из Омана – было связано с социально-политическим конфликтом в Занзибаре. Арабы на Занзибаре являлись зажиточными

Таким образом, замещение этнорелигий христианством, а также исламом привело к трансформации территориальной структуры конфессионального пространства Африки. Наибольшие изменения пришлось на колониальный этап, они были обеспечены католицизмом, протестантизмом – в первую очередь пятидесятничеством и англиканством – и, в меньшей степени, исламом за счет его крупнейшего направления – суннизма. В постколониальный этап динамика конфессионального пространства Африки замедлилась, а происходящие изменения были связаны, в основном, с протестантизмом, а также ахмадийским и шиитским направлениями ислама. В результате произошедших изменений сложилась «поляризованная» [Родоман; Дмитриев, 2015] территориальная структура конфессионального пространства Африки – ислам тяготеет к странам Северной Африки, а христианство – к странам АЮС. Тем не менее, начиная с 1990-х годов, изменения территориальной структуры геопространств крупнейших религий Африки были приурочены к Судано-Сахельскому коридору, в котором христианство, ислам и этнорелигии начиная с 90-х годов прошлого века взаимодействуют наиболее активно.

Таким образом, в соответствии с интенсивностью изменений структуры конфессионального пространства Африки рассматриваемый период можно разделить на колониальный (1910–1970) и постколониальный этап (1970–2010). Масштабные изменения компонентной структуры конфессионального пространства макрорегиона были обеспечены активизацией христианских миссионеров. Их деятельность опиралась на сеть миссий, представляющую собой «опорный каркас» геопространства христианства. На примере сети протестантских миссий и центров территориальных единиц РКЦ в Северо-Западной Африке подтверждено, что распространение христианства происходило путем каскадной диффузии. Развертывание сети христианских миссий шло параллельно с хозяйственным и транспортным освоением территории и оказывало существенное влияние на эти процессы.

землевладельцами, контролирующими торговлю и политику архипелага. В 1890 г. султанат стал протекторатом Великобритании, в котором установился марионеточный режим из прежних правителей. Результатом этого стало замедление роста численности ибадитов, так как архипелаг больше не представлял собой былой миграционной привлекательности. Тем не менее резкое сокращение ибадитов произошло только в середине 1960-х, когда страну охватила Занзибарская революция, которая, помимо свержения султаната, привела к массовым убийствам арабов и азиатов [Ingrams].

Распространение христианства происходило по следующей схеме: 1) концентрация миссий у крупных портов и образование очагов христианизации; 2) возникновение очагов христианизации во внутренних районах, соединенных железнодорожными и/или автомобильными и/или водными путями с портом; 3) объединение нескольких очагов христианизации транспортной инфраструктурой и возникновение опорного каркаса геопространства христианства; 4) появление миссионерских станций в пределах опорного каркаса, которые постепенно охватывают всю сеть поселений внутри него. Развитие сети христианских миссий в Северо-Западной Африке происходило крайне неравномерно и определялось сочетанием лимитирующих и стимулирующих условий. Наибольшее влияние на этот процесс оказали географическое положение территории, социально-экономические и демографические особенности ее населения, политическая обстановка и «случай».

В ходе развития сети христианских миссий повышалось разнообразие типов развертывания сети христианских миссий, среди которых нами выделены прибрежный, речной, внутриконтинентальный, караванный и сахельский. Соотношение названных типов в пределах той или иной территории определяется физико-географическими условиями и логикой ее хозяйственного и транспортного освоения, которое в случае изучаемого территориального полигона начиналось от морского побережья и шло вглубь континента.

В результате замещения этнорелигий христианством, а также исламом конфессиональное пространство Африки претерпело трансформацию. Ведущую роль в этом процессе сыграли религии, геопространства которых были менее инерционными. В колониальный этап главную роль в расширении геопространства христианства играли католицизм и протестантизм, в постколониальный – только последний. Динамика геопространства ислама определялась в первую очередь его суннитским направлением, но к концу постколониального этапа расширение геопространства этой религии обеспечивалось в большей мере шиизмом и ахмадие. По мере расширения геопространств мировых религий происходило сначала сжатие, а затем фрагментация геопространства этнорелигий. В конце XX в. наиболее масштабные преобразования конфессионального пространства Африки обеспечивались странами Судано-Сахельского коридора, в пределах которого наблюдалась наиболее активная конкуренция крупнейших религий макрорегиона.

Глава 3.

Механизмы и последствия трансформации конфессионального пространства Африки

3.1. Смена типов конфессиональной структуры населения стран Африки как результат трансформации их конфессионального пространства¹

Дифференциация условий развития геопространств религий определяет неоднородность их трансформации – геопространство одной и той же религий может претерпевать расширение или сжатие в пределах разных территориальных ячеек. Определение вклада отдельных стран в процесс трансформации конфессионального пространства Африки в целом и геопространств религий в частности производилось нами, исходя из среднегодовых темпов прироста доли адептов христианства, ислама и этнорелигий в населении стран макрорегиона за периоды 1910–1930, 1950–1970 и 1990–2010 гг. Если значения этого показателя для той или иной религии росли за каждый год 20-летия быстрее, чем на 1,2% (т.е. выше медианного значения по макрорегиону), то данный процесс характеризовался как «расширение» ее геопространства; если убывали быстрее, чем на 1,4% – как «сжатие»; если же среднегодовые темпы прироста религии находились в интервале от -1,4 до +1,2% в год – как «стабилизация».

Поскольку трансформация подразумевает изменения, а в случае стабилизации они крайне незначительны, то далее рассматривались только те страны, где имели место либо расширение, либо сжатие. Наибольшую роль в трансформации конфессионального пространства Африки играют указанные выше изменения в тех странах, где данная религия исповедуется значительным числом адептов (в нашем случае – более чем 13% населения, что характерно для начала фазы устойчивого замещения одной религии другой в модели конкурентного развития конфессионального геопространства). Вместе с тем, установление этого порога необходимо для устранения эффекта низкой базы.

¹ Содержание данного параграфа в значительной мере опирается на статью автора [Захаров и др., 2020b].

Таким образом, группа стран, в которых происходило расширение или сжатие, была сокращена в соответствии с данной установкой (Рисунок 9).

Христианство. Единственным процессом, обуславливающим трансформацию геопространства христианства в XX – начале XXI вв., было масштабное расширение. В начале рассматриваемого периода расширение геопространства христианства происходило преимущественно в Центральной Африке с последующим «захватом» стран к юго-востоку и северу, а затем, сохранив северный и северо-западный вектор, достигло наибольшего масштаба в Западной Африке. В течение рассматриваемого временного интервала темпы этого процесса постепенно замедлялись; в настоящее время он наблюдается преимущественно в странах Судано-Сахельского коридора – там, где оно началось позже всего.

Ислам. Основной процесс в рамках трансформации геопространства ислама характеризуется ограниченным по масштабам расширением. Это обусловлено тем, что Северная Африка не была затронута процессами трансформации – на протяжении всего рассматриваемого периода геопространство ислама здесь характеризовалось стабильностью. Трансформация геопространства ислама происходила за счет, прежде всего, его расширения в Судано-Сахельском коридоре и последующего смещения на юг и восток.

Этнорелигии. Ведущим процессом в трансформации геопространства этнорелигий в течение 1910–2010 гг. было его сжатие. Если в начале XX в. этот процесс затрагивал в основном Южную и Центральную Африку, то к концу века сжатие происходило преимущественно в Судано-Сахельском коридоре и частично в странах Южной Африки, т.е. там, где этого процесса не было в начале XX в.

Таким образом, трансформация конфессионального пространства Африки была обеспечена расширением геопространства христианства, а также геопространства ислама и масштабным сжатием, а затем фрагментацией геопространства этнорелигий. При этом до 1990 г. расширение геопространства христианства и ислама в территориальном отношении происходило независимо друг от друга – ислам распространялся преимущественно из Северной Африки на юг, а распространение христианства носило многоочаговый характер и шло от побережья вглубь АЮС. Активное взаимодействие этих религий началось фактически только после 1990 г. в пределах стран Судано-Сахельского коридора.

Расширение геопространств христианства и ислама, а также сжатие геопространства этнорелигий стало следствием смены типов конфессиональной структуры населения стран Африки (Рисунок 10), выделение которых основывается на изменении доли замещающей религии в модели религиозной конкуренции.

Среди них нами выделено 16 типов конфессиональной структуры населения, которые целесообразно разделить на четыре группы: 1) доминирование одной ре-

лигии; 2) доминирование одной религии со значительной долей другой религии; 3) доминирование одной религии со значительной долей двух религий; 4) паритет двух или более религий. Первая группа типов конфессиональной структуры населения характеризуется абсолютным доминированием одной религии, доля которой превышает 87%. Для второй группы характерно преобладание одной религии (70–87% в населении) со значительной долей адептов другой (30–13%). Третья группа отличается сочетанием сразу трех религий, одна из которых явно преобладает и составляет 50–74%, а доля других находится в диапазоне от 13 до 25%. Последняя группа сочетает в себе типы конфессиональной структуры населения, при которых религии находятся в примерно равном соотношении.

В территориальном отношении смена типов конфессиональной структуры населения стран Африки носила центробежный характер. Возникнув в первичных территориальных ячейках, геопространства христианства и ислама претерпевали расширение за счет граничащих с ними стран. Таким образом, к началу XXI в. геопространство этнорелигий оказалось разделено между мировыми религиями: большая его часть «отошла» христианству (на юге), меньшая – исламу (на севере). С исчерпанием конверсионного ресурса геопространства ислама и христианства – прежде расширяющиеся за счет геопространства этнорелигий – начали активно взаимодействовать в Судано-Сахельском коридоре.

В качестве первичных территориальных ячеек геопространства христианства выступают две страны – ДР Конго и ЮАР. В последней уже в начале колониального этапа наблюдался паритет христианства и этнорелигий. Отсюда геопространство христианства начало достаточно активно расширяться на север – в Намибию. Паритет христианства и этнорелигий также наблюдался на Мадагаскаре, но в силу изолированного положения относительно континентальной Африки существенной роли в христианизации макрорегиона эта страна не играла. В ДР Конго в то же время отмечался устойчивый рост доли адептов христианства – отсюда его геопространство начало расширяться в соседние страны.

Если в 1910 г. первичные территориальные ячейки геопространства христианства граничили со странами, в которых абсолютно преобладали адепты этнорелигий, то спустя двадцать лет почти во всех из них доля христиан значительно выросла. Так, в 1930 г. в ДР Конго и Намибии установился паритет этих религий, а к 1950 г. образовался сплошной «пояс» стран с таким же типом конфессиональной структуры населения. «Пояс христианизации» протягивался от Кении до Лесото через Уганду, Руанду, Бурунди, ДР Конго, Анголу, Намибию и ЮАР. К окончанию колониального этапа все страны этого пояса составляли геопространство христианства, при этом в ДР Конго, Намибии, Габоне и Экваториальной Гвинее доля христиан превысила 87% (Рисунок 10).

В постколониальный этап обозначилось два вектора расширения геопространства христианства. Первый обеспечивал распространение христианства на восток – в Замбию, Зимбабве, Малави, Эфиопию и Танзанию, а второй на север – в Конго, Камерун, ЦАР, Южный Судан, Эфиопию, Нигерию. Вместе с этим в Западной Африке в Нижней Гвинее появился еще один «очаг» христианизации, которая активнее всего происходила в Гане, Нигерии и соседних странах. Таким образом, распространение христианства носило многоочаговый характер, что обеспечивало расширение геопространства этой религии на протяжении всего изучаемого периода.

Геопространство ислама к 1910 г. уже включало в себя страны Северной Африки, Сомали и Джибути. Отсюда, в первую очередь из стран Магриба, эта религия распространялась на юг [Rodd]. В 1910 г. существовал сплошной «пояс исламизации», или так называемый южный фронтис ислама. Он включал Гвинею, Мали, Нигер, Чад, Судан и Эритрею, где наблюдался паритет ислама и этнорелигий. Конфессиональная структура населения Сенегала и Гамбии, через которые данный «пояс» прошел раньше, характеризовалась доминированием ислама со значительной долей адептов этнорелигий. К югу от «пояса исламизации» распространение ислама также началось в Нигерии и Гвинее–Бисау (Рисунок 10).

Расширение геопространства ислама происходило гораздо медленнее в сравнении с геопространством христианства. В течение колониального этапа оно обеспечивалось преимущественно странами, которые составляли «пояс исламизации» в 1910 г. За это время замещение этнорелигий исламом завершилось во всех из них, кроме Гвинее-Бисау. Параллельно с этим ислам распространялся в Буркина-Фасо, Сьерра-Леоне, Либерию, Кот-д'Ивуар и Бенин. В то же время распространение ислама в Восточной Африке шло еще медленнее и происходило лишь в Танзании и Мозамбике. Таким образом, расширение геопространства ислама носило сплошной характер и имело гораздо меньшие масштабы в сравнении с христианством.

В постколониальный этап динамика конфессионального пространства Африки на фоне снижения темпов роста христианского населения в целом замедлилась. Тем не менее в течение этого времени тенденция к сокращению доли адептов этнорелигий сохранилась. Расширение геопространства христианства на восток привело к завершению трансформации конфессионального пространства Руанды, Замбии, Зимбабве, а затем Танзании, Мозамбика и Ботсваны. Христианство также распространялось на север, что обеспечило трансформацию конфессионального пространства сначала Конго, Камеруна, ЦАР, а также Ганы и Либерии, затем – Южного Судана. Вместе с этим доля христианского населения увеличивалась во всех странах АЮС: к 2010

г. христианство стало доминирующей религией в ЮАР, Лесото, Свазиленде, Анголе, Замбии, ДР Конго, Конго, Габоне, Экваториальной Гвинее, Бурунди, Руанде, Уганде, Кении и Либерии.

Геопространство ислама также претерпело расширение, но в гораздо меньших масштабах. За постколониальный этап увеличение адептов этой религии привело к трансформации конфессионального пространства только 4 стран: Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуара, Буркина-Фасо, Нигерии. При этом одним из ведущих компонентов роста мусульманского населения в этих странах был миграционный прирост. Вместе с тем ислам увеличил долю своих последователей в странах, прежде образующих «пояс исламизации». В 2010 г. ислам, помимо стран Северной Африки, был доминирующей религией в Сьерра-Леоне, Гвинее, Мали, Нигере, и преобладал в Чаде, Судане, Кот-д'Ивуаре и Буркина-Фасо.

Таким образом, расширение геопространств христианства и ислама в колониальный этап происходило в результате распространения этих религий из их первичных территориальных ячеек. Это приводило к сплошному сжатию, а затем фрагментации геопространства этнорелигий. При этом количество стран, в которых их адепты составляли абсолютное большинство, уже к 1970 г. сократилось до нуля. Вместе с постепенным «истощением» конверсионного ресурса этнорелигий в постколониальный этап стали появляться страны, где основными «конкурирующими игроками» были ислам и христианство. К ним относятся, во-первых, страны с паритетом этих мировых религий – Эфиопия (с 1970 г.), Танзания (с 1990 по 2010 гг.) Нигерия (с 1990 г.), Чад (с 2010 г.); во-вторых, страны, в пределах которых геопространства христианства и ислама претерпевали трансформацию.

В результате встречного расширения геопространств мировых религий в Судано-Сахельском коридоре образовалась зона трансформации геопространств этих религий (Рисунок 10, 13). Важной чертой конфессионального пространства данной зоны является ее гетерогенность – она сочетает в себе территории доминирования христианства, ислама и отдельные «резерваты»² этнорелигий. В ее состав входят Либерия, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Гана, Буркина-Фасо, Того, Бенин, Нигерия, Камерун, Чад, ЦАР, Судан, Южный Судан, Эфиопия, Кения и Танзания. Зона трансформации характеризуется: 1) отсутствием четкого доминирования одной религии над другой; 2) интенсивной религиозной конкуренцией, которая достаточно часто проявляется в виде конфликтов; 3) длительным сохранением паритета христианства и ислама.

2 Под «резерватами» этнорелигий нами понимаются компактные территории с преобладанием адептов этнорелигий, которые представляют собой «реликтовые» формы их геопространства.

В период 1910–2010 гг. трансформация конфессионального пространства произошла в большинстве стран Африки. Исключение составили государства, где к 1910 г. мусульмане уже составляли большинство населения; Мадагаскар³, Того и Гвинея-Бисау, где замещение этнических религий мировыми не

³ Это объясняется сменой прогрессивной и традиционалистской политики правителей острова под воздействием конкуренции между Францией и Англией за контроль над островом в XIX–XX вв., довольно сложными отношениями с французскими колонизаторами и внутренней стратификацией крупнейших народов Мадагаскара. Великобритания видела Мадагаскар следующим опорным пунктом распространения своего влияния в Индийском океане после Маврикия, который она обрела в 1814 г. Для достижения этой цели британцы оказывали поддержку Радаме I, который сумел объединить большую часть острова и на время сохранить его независимость. Великобритания постепенно усиливала свое влияние на социально-экономическое и политическое развитие Мадагаскара, в том числе через миссионерские станции. Результатом правления Радамы I стало смещение и интеграция традиционной и европейской культуры, в частности, протестантизма. Однако после дворцового переворота и его смерти к власти приходит его жена Ранавалуна I, которая реализует политику полной изоляции острова. Происходит сворачивание всех начатых реформ, в 1835 г. запрещается христианство и выслаются все миссионеры, а контакты с европейцами ограничиваются только французами. Конец изоляции Мадагаскара положила смерть королевы и приход к власти ее сына Радамы II, который находился под сильным влиянием французов. В 1861 г. он подписывает Хартию, предоставляющую французам эксклюзивные права на добычу ресурсов Мадагаскара взамен на 10% дохода от их продажи. Двухлетнее правление короля закончилось покушением на него и приходом к власти де-юре его жены Ранавалуны II, де-факто премьер-министра Рахаро. При его правлении влияние Великобритании вновь усилилось, особенно в экономической и религиозной сфере. Для того чтобы ограничить влияния британцев на Мадагаскар, французы при поддержке РКЦ решают захватить остров. В результате первой экспедиции Франция устанавливает протекторат над Мадагаскаром, однако новая королева Ранавалуна III отказывается соблюдать условия договора (1885). Вторая экспедиция вылилась в колонизацию Мадагаскара в 1897.

Конкуренция Великобритании и Франции на острове в течение XIX в. отразилась на многих аспектах жизни малагасийского общества – наиболее интересна в контексте темы монографии религиозная диверсификация этнических групп. Малагасийцы в этническом отношении делятся на «прибрежные» народы и «горные», на вторую группу влияние европейцев было гораздо более сильным, особенно на крупнейший народ – мерина. Среди элиты мерина был распространен протестантизм (англиканство), а низшие классы были обращены в католицизм; «прибрежные» народы были затронуты влиянием христианских миссионеров в гораздо меньшей степени и до сих пор сохранили свою традиционную религию. В течение французской колонизации малагасийцы отстаивали свою идентичность – в 1913 г. элитой народа мерина было образовано секретное общество «Iron and Stone Ramification», чьи усилия способствовали обретению Мадагаскаром независимости и «ренессансу» традиционной культуры. После обретения независимости в 1960 г. у власти в течение 12 лет находился профранцузский президент, способствовавший распространению католицизма и сохранению влияния Франции. Однако смена власти в 1972 г. привела к переориентации политики страны на коммунизм, а связи с Францией в очередной раз были оборваны вплоть до 1991 г. [Черная Африка ..., с. 249–277]. После этого рост католицизма возобновился. Таким образом, сложная история Мадагаскара несколько раз приводила к прерыванию религиозного замещения этнорелигий христианством.

произошло; страны в которых в конце постколониального этапа наблюдался паритет ислама и христианства.

Наиболее масштабные изменения в конфессиональном пространстве Африки были связаны с христианством и в меньшей степени с исламом, геопространство которых расширялось за счет сжатия геопространства этнорелигий. На это указывает распределение стран Африки по доле адептов крупнейших религий макрорегиона в их населении. Так, количество стран Африки, где христианство преобладало или было доминирующей религией, увеличилось с 0 в 1910 г. до 25 в 2010 г.; в случае ислама их количество возросло с 11 до 18; этнорелигий – сократилось с 30 до 0 (Таблица 13).

Таблица 13 – Распределение стран Африки по доле адептов этнорелигий (а), христианства (б), ислама (в) в их населении, 1910–2010 гг.⁴

Год	> 87%			70–87%			30–70%			13–30%			<13%		
	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в
1910	0	9	24	0	2	6	3	7	9	3	2	2	44	30	9
1930	0	9	5	0	3	21	6	7	12	18	5	3	26	26	9
1950	0	8	1	0	5	15	15	7	21	13	7	4	22	23	9
1970	4	10	0	7	7	7	13	6	13	6	3	12	20	24	18
1990	8	14	0	11	3	0	11	6	9	0	1	14	20	26	27
2010	15	15	0	10	3	0	6	5	3	3	2	9	16	25	38

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Важным следствием трансформации конфессионального пространства Африки стала его территориальная дифференциация: юг континента характеризовался зоной доминирования христианства, север – ислама. В случае крупнейших направлений христианства и в меньшей степени ислама, определяющих динамику конфессионального пространства Африки, имел место обратный процесс – нивелирование или «выравнивание» зон доминирования отдельных направлений. Данный процесс сопровождался расширением геопространства религии в целом и обеспечивался их направлениями, проходящими стадию расширения [Захаров, 2019а].

В качестве крупнейших направлений христианства нами рассмотрены протестантизм, католицизм и восточное христианство. В начале колониального этапа структура христианского населения целого ряда стран Африки отличалась

⁴ Указанные доли адептов религий основаны на модели религиозной конкуренции С.А Горохова (см. параграф 1.3)

доминированием одного из названных направлений. Так, в 1910 г. католики составляли абсолютное большинство в 15 странах, протестантизм – в 12, восточное христианство – в 2 (Таблица 14).

Таблица 14 – Распределение стран Африки по доле адептов католицизма (а), протестантизма (б), восточного христианства (в) в их христианском населении, 1910–2010 гг.

Год	> 87%			70-87%			30-70%			13-30%			<13%		
	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в
1910	15	12	2	7	3	2	9	9	0	5	7	0	14	19	46
1930	11	8	2	8	4	1	16	15	1	5	8	0	10	15	46
1950	11	4	1	13	3	2	16	16	1	4	14	0	6	13	46
1970	8	2	4	9	11	0	16	16	0	11	9	0	6	12	46
1990	4	1	3	9	11	0	21	22	1	11	8	1	5	8	45
2010	3	1	1	6	10	1	26	26	2	11	7	0	4	6	46

Рассчитано и составлено автором по: [Ibid.].

Тем не менее в большинстве из них адепты христианства составляли меньшинство. Геопространство этой религии еще не образовывало единого целого, а скорее представляло собой отдельные «очаги» (фрагменты) геопространств его направлений. В начале колониального этапа большая часть адептов католицизма проживала в Алжире (18,2), Мадагаскаре (13,5) и ДР Конго (13,4); протестантизма – в ЮАР (45,8), Мадагаскаре (11,2); восточного христианства – в Эфиопии (70,3%) и Египте (27,3) [Ibid.]. В течение колониального этапа геопространства направлений христианства, проходящие стадию расширения, активно вовлекали в себя новые страны. Так же как и на уровне геопространства религий, этот процесс носил центробежный характер и начинался в прибрежных первичных территориальных ячейках – ДР Конго⁵ у геопространства католицизма и ЮАР у геопространства протестантизма. В течение колониального этапа геопространство католицизма расширялось вдоль атлантического побережья, а геопространство протестантизма – на север в сторону ДР Конго. Параллельно с этим возникали новые «очаги» распространения этих направлений христианства: для протестантизма они были представлены Уган-

⁵ Другие страны с большим удельным «весом» в геопространстве католицизма не играли существенной роли в его распространении. Мадагаскар – в силу островного положения, Алжир – из-за того, что большая часть католиков, представленных переселенцами из Европы, не была вовлечена в христианизацию макрорегиона.

дой, Камеруном, Либерией, Ганой; для католицизма – Мозамбиком, Бенином. В некоторых случаях в пределах одной страны начиналось распространение сразу двух направлений христианства. Например, в Нигерии, Танзании, Кот-д’Ивуаре и ДР Конго.

В отличие от межрелигиозной, внутрирелигиозная конкуренция достаточно редко приводила к замещению одного религиозного направления другим. Примером такого сценария может служить только Нигерия и Гвинея, где протестантизм практически заместил католицизм, а также Ливия, где католицизм был замещен восточным христианством в результате выселения европейцев после установления власти М. Кадафи [Маслова]. Более распространенным в течение колониального этапа было «взаимопроникновение» геопространств протестантизма и католицизма. Так, в результате расширения последнего, количество стран с доминированием протестантизма снизилось до 2. В то же время расширение геопространства протестантизма привело к снижению количества стран, где католицизм доминировал в христианском населении, до 8. Из них только Экваториальная Гвинея характеризовалась преобладанием христианского населения (Рисунок 11). Вместе с тем, за 1910–1970 гг. число стран, составляющих геопространство католицизма и протестантизма⁶, увеличилось с 36 до 44 и с 31 до 38 соответственно (Таблица 14).

В постколониальный этап с замедлением динамики геопространства католицизма доля его адептов в христианском населении многих стран Африки стала сокращаться. Его расширение продолжилось, но носило преимущественно северный – северо-восточный вектор и осуществлялось за счет Чада, ЦАР и Кении. В то же время динамика геопространства протестантизма замедлилась незначительно. Благодаря этому протестантизм начал вытеснять католицизм в странах, где последний раньше преобладал – в Мозамбике, Габоне, Руанде, Бурунди, Бенине и особенно в Нигерии. В результате к 2010 г. количество стран, составляющих геопространство протестантизма и католицизма, увеличилось на 6 и 1 соответственно. Таким образом, в постколониальный этап тенденция к «выравниванию» геопространства христианства сохранилась. Это также подтверждается снижением количества стран, где одно направление христианства является доминирующим – до 1 у протестантизма и 3 у католицизма (Таблица 14). Однако если в колониальный этап католицизм и протестантизм вносили равноценный вклад в этот процесс, то в постколониальный этап значение последнего значительно возросло. Геопространство восточного христианства на протяжении всего изучаемого периода находи-

⁶ Страны, где доля соответствующей религии превышает 13%.

лось в стадии сжатия и не включало в себя новые территориальные ячейки. Увеличение доли его адептов происходило только в результате вынужденных миграций адептов других направлений христианства и только в странах, где христиане составляли менее 13% (например, Ливия).

В случае геопространства ислама «запуск» процесса его «выравнивания» начался существенно позже, так в течение изучаемого периода абсолютное большинство мусульман придерживалось суннизма. В связи с этим в колониальный этап развитие геопространств суннизма и ислама происходило практически идентично. Другие рассмотренные нами направления ислама были представлены в Гане (ахмадие) и ЮАР (шиизм). Тем не менее в этих странах адепты ислама составляли меньшинство и фактически не были включены в геопространство этой религии. В постколониальный этап динамика геопространства суннизма замедлилась при ее сохранении на прежнем уровне у геопространства ислама в целом. Это было связано со стремительным увеличением численности шиитов в Африке после Иранской революции 1979 г. – прежде всего в Танзании, а также странах бассейна озера Чад. Кроме этого в названных выше странах, а также в Камеруне и Гане наблюдался рост адептов ахмадие (Рисунок 12).

Геопространства этих направлений в течение всего изучаемого периода динамично расширялись и постепенно увеличивали долю своих последователей в странах макрорегиона (Таблица 15). Таким образом, именно ахмадие и шиизм способствовали расширению геопространства ислама в Африке в постколониальный этап.

Рост внутррелигиозной мозаичности внутри геопространства ислама, вызванный увеличением доли шиитов и ахмадие преимущественно в странах бассейна озера Чад, способствовал его «выравниванию» на мезо – и микроуровне. Тем не менее ни одно из этих направлений пока что не доминирует ни в одной африканской стране – адепты шиизма составляют значительную долю населения только в 8 странах макрорегиона, а ахмадие – в 7 (Таблица 15). Но даже такое «локальное» распространение этого процесса способствует расширению геопространства ислама в целом. Об этом свидетельствует тот факт, что в постколониальный этап, несмотря на сокращение вклада суннизма в динамику геопространства ислама, произошло ее увеличение, что было обеспечено ростом численности шиитов и ахмадие в ряде стран Судано-Сахельского коридора⁷. Тем не менее процесс «выравнивания» геопространства ислама на данный момент не имеет таких масштабов, как у геопространства христианства.

⁷ Данный сюжет представляет большой интерес для дальнейших исследований, в частности эффекты конкуренции между мусульманскими братствами на расширение геопространства ислама.

**Таблица 15 – Распределение стран Африки
по доле адептов суннизма (а), шиизма (б), ахмадийя (в)
в их мусульманском населении,
1910–2010 гг.**

Год	> 87%			70-87%			30-70%			13–30%			<13%		
	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в
1910	42	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	49	50
1930	43	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0	49	49
1950	46	0	0	2	0	0	0	0	1	0	1	0	0	49	49
1970	47	0	0	1	0	0	1	0	1	0	1	0	0	49	49
1990	47	0	0	3	0	0	0	0	0	0	2	2	0	48	48
2010	41	0	0	9	0	0	0	0	0	0	8	7	0	42	43

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Таким образом, за рассматриваемый период большая часть стран Африки претерпела трансформацию конфессионального пространства в результате расширения геопространства христианства и, в меньшей мере, геопространства ислама. В ходе этого процесса нарастала неоднородность конфессионального пространства Африки – в постколониальный этап оно было разделено на зону доминирования ислама на севере и христианства на юге. При этом в последнее двадцатилетие рассматриваемого периода наблюдается интенсивное взаимодействие этих религий в Судано-Сахельском коридоре, где их геопространства претерпевали трансформацию.

На уровне геопространства христианства происходило его «выравнивание», в ходе которого наблюдалось «взаимопроникновение» геопространств протестантизма, католицизма и в меньшей степени восточного христианства. Данный процесс, с одной стороны, сокращал время трансформации конфессионального пространства стран Африки, а, с другой, способствовал расширению геопространства христианства в целом. Для геопространства ислама эта закономерность проявляется слабее в силу малочисленности его направлений, геопространства которых проходят стадию расширения.

3.2. Влияние трансформации конфессионального пространства Африки на возникновение религиозных конфликтов⁸

Сложившаяся территориальная структура конфессионального пространства Африки способствует усилению конкуренции как между крупнейшими религиями макрорегиона – христианством и исламом, так и между их направлениями. Внутри- и межрелигиозная конкуренция проявляется не только в изменении соотношения численности адептов религий, она провоцирует глубокие социально-политические и экономические изменения. Это в значительной степени повышает риск возникновения конфликтов на религиозной почве [Фитуни]. Как отмечают крупнейшие российские африканисты А.М. Васильев и А.А. Потапов: «Этнические и/или конфессиональные убеждения и стереотипы как новые, так и архаичные, социально-этническая или религиозная психология стали основным фактором в развитии конфликтов или в их провоцировании», и далее: «... негативное восприятие другого этноса или другой конфессиональной группы порой намеренно культивируется правящими кругами для того, чтобы стимулировать продолжение войны и отвлечь основную часть населения от социально-экономических трудностей» [Васильев, Потапов, с. 48].

Религии по разному реагируют на замещение: в одних случаях эта реакция может проявиться в «зеркальной» активизации миссионерской деятельности, в других – в том, что замещаемая религия добивается от государства запрета замещающей ее религии или направления, введения против нее санкций, в-третьих – в агрессивных действиях против растущей конфессии со стороны своих адептов и т.д. В то же время, если реакция религии не останавливает замещение, то снижение доли ее адептов в населении продолжается, а ее геопространство переходит в стадию сжатия. Исходя из этого можно предположить, что возникновение конфликтов в Африке приурочено к странам, конфессиональное пространство которых претерпевает трансформацию, или же она закончилась недавно. При этом конфликты могут носить как ненасильственный, т.е. выражаться во взаимном подозрении, неприятии и т.д., так и насильственный характер – принимать агрессивную форму противостояния двух и более религиозных групп.

В некоторых случаях в качестве «соперника» религиозная группа может видеть «чуждую» ей идеологию. Например, для многих мусульман Африки таким «соперником» выступает вестернизация и глобализация, которая, по их мнению, угрожает их культуре. Реакция на этот процесс со стороны му-

⁸ Содержание данного параграфа в значительной мере опирается на статью автора [Захаров и др., 2020а].

сульманской уммы чаще всего выражается в неодобрении западных идеалов и развитии своего особого пути, основанного на исламской культуре. Однако возникают и радикальные группировки, отождествляющие вестернизацию и «носителей» этих ценностей, против которых, по их мнению, необходимо бороться. Таковыми может выступать государство, определенные социальные группы, отдельные люди [Schroeder].

В рамках изучения конфликтогенного потенциала Африки и других регионов мира в отечественной географии и смежных научных дисциплинах достаточно часто используют цивилизационный подход. Постулируется, что большая часть конфликтов приурочена к «межконфессиональным разломам», границам цивилизаций, цивилизационным лимитрофам и т.п. Это подтверждается большим количеством исследований. Так, в [Себенцов, Колосов] указывается на то, значительная часть неконтролируемых территорий в Африке располагается вдоль «цивилизационных, межконфессиональных разломов», а «наиболее острые конфликты на разломе между христианской и мусульманской цивилизациями». Авторы статьи совершенно справедливо указывают, что «в Африке, особенно к югу от Сахары, вдоль такого разлома протягивается целый пояс неконтролируемых территорий», при этом «религиозный фактор имеет немалое значение ... в дельте Нигера, на севере Кот-д'Ивуара, в отдельных районах Эфиопии (Огаден, Оромия, Афария), а также на Юге Судана ...».

Е.М. Панин говорит о существовании «Исламской оси Лимитрофа», состоящей в том числе из «Афразийско-африканского Лимитрофа», который расположен в зоне сахеля. Как неоднократно утверждает автор, конфликты в пределах «лимитрофов» обусловлены в первую очередь конфессиональными различиями [Панин]. А.В. Любичанковский с опорой на труды Л.Н. Гумилева также указывает на наличие территорий типа цивилизаций. Как указано в [Любичанковский], в т.ч. религиозный фактор послужил причиной того, что «...африканский континент прочно охвачен целой сетью террористических организаций». Данный подход используется и в работах конфессиональных географов [Горохов, 2012с; Горохов, 1999b], где с учетом современной статистики рассматриваются особенности пространственного взаимодействия между цивилизациями.

Более широкое представление и, одновременно с этим, большую теоретическую обоснованность цивилизационный подход получил в работах отечественных и зарубежных историков и политологов. Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, возглавляемый И.В. Следзевским, является одним из наиболее авторитетных научных подразделений, занимающихся данной проблематикой. Обращает на себя внимание тот факт,

что религиозная идентификация используется Центром в качестве ключевого элемента выделения и анализа развития цивилизаций. На это указывают не только тематика публикаций и мероприятий, проводимых Центром, но и структура этого подразделения – в нем совместно функционирует сектор цивилизационного анализа и группа сравнительного религиоведения [Центр ...].

Распространенный недостаток работ в области конфликтологии и географии конфликтов, выполненных в цивилизационном ключе, состоит в недостаточной базе статистических данных для обоснования частных выводов. Кроме этого цивилизационная парадигма постулирует некоторую однородность внутри цивилизаций, что в случае Африки не вполне корректно [Андреева; Бродель, 2008]. Исходя из цивилизационной парадигмы, а точнее концепции «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона [Хантингтон], большая часть конфликтов в Африке должна быть приурочена к контактной зоне геопространства христианства и ислама, где происходит наиболее интенсивное взаимодействие между этими мировыми религиями. Однако ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе границы этой зоны не определены. Вместе с этим постулируется, что наиболее агрессивное противостояние должно наблюдаться в странах с паритетом мировых религий.

Выбранная тематика исследования не позволяет нам обойти проблему возникновения религиозных конфликтов в Африке, которые мы предлагаем трактовать по аналогии с определением «этнического конфликта» по В.А. Тишкову: «организованные политические действия, общественные движения, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние происходит по линии этнической общности. Обычно это конфликты между меньшинством и доминирующей этнической группой, контролирующей власть и ресурсы в государстве» [Тишков, с. 42]. Исходя из этого под религиозным конфликтом нами понимается любое противостояние между религиозными общинами, при котором одна из них контролирует власть и ресурсы в государстве или его части.

В силу неполноты имеющихся данных по акторам конфликтов встает проблема вычленения «религиозной» составляющей конфликтов в Африке, что, на наш взгляд, требует отдельного исследования, проведенного с использованием качественных методов. Мы же видим свою задачу в выделении географических закономерностей локализации конфликтов и анализе роли религиозной конкуренции в этом процессе. Ранее отечественными географами уже предпринимались попытки изучения конфликтогенного потенциала Африки. В частности, предлагается разделять Африку на два террористических регионах по видам терроризма [Супрунчук], но, по нашему мнению, полученные

результаты носят спорный характер и требуют проведения дополнительного исследования.

Для проверки гипотезы о повышенной концентрации конфликтов в контактной зоне взаимодействия геопространств ислама и христианства, а также выделения других конфликтогенных зон в работе используется база данных Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED) [ACLED. Africa ...], в которой представлены данные о числе конфликтов⁹, количестве жертв, акторах с 1997 г. В меньшей мере используется более известная база данных Global Terrorism Database (GTD) [Global Terrorism ...], в которой представлены те же количественные данные¹⁰, но за более длительный период – с 1970 г. по сегодняшний день. ACLED предоставляет данные по «политическим беспорядкам» (political disorder), «столкновениям» (battles); «насилию против мирных жителей» (violence against civilians); «дистанционному насилию» (remote violence) – теракты, произведенные с помощью взрывчатых веществ без присутствия исполнителя; «мятежам» (riots); «протестам» (protests); «ненасильственным захватам территории» (Non-violent takeover of territory) и др. (см. подробнее [ACLED. Codebook]).

На основе общего количества конфликтов и жертв рассчитана масштабность конфликтов¹¹, доля конфликтов с жертвами и без. Проведен корреляционный анализ типов конфессиональной структуры населения и основных характеристик конфликтов в Африке. К основным характеристикам конфликтов мы отнесли: 1) количество конфликтов¹²; 2) количество жертв; 3) доля конфликтов без жертв; 4) доля конфликтов с жертвами; 5) масштабность конфликтов (среднее число жертв за один конфликт); 6) среднее число жертв за один конфликт с жертвами. В совокупности эти характеристики позволяют дать комплексную оценку конфликтов, в частности их масштабность в пределах каждой отдельной территориальной единицы.

⁹ Создатели ACLED предоставляет исследователям право трактовать понятие «конфликт» на свое усмотрение. Это связано с тем, что определение конфликта, во-первых, довольно емкое, во-вторых, его трактовка неоднозначна и может существенно различаться в зависимости от акторов конфликта, их масштабов и т.д. [ACLED. Definition ...]. Вместо термина «конфликт» в ACLED используется термин «событие» («event») – любое зафиксированное происшествие, носящее насильственный или конфликтный характер.

¹⁰ Стремясь к повышению достоверности статистики, GTD предоставляет данные по всем странам Африки только с середины 1990 г.

¹¹ Этот показатель оценивается исходя из среднего числа жертв одного конфликта и разделяется на типы: мелкомасштабные, среднемасштабные, крупномасштабные [Супрунчук, с. 59].

¹² В базе данных ACLED указывается точное место и дата конфликта. В тех случаях, когда конфликт продолжается в течение большого времени, он фиксируется как несколько «событий» [ACLED. Codebook].

Представляется, что анализ рассматриваемых характеристик может позволить получить представление об особенностях протекания конфликтов. Например, а) большое количество конфликтов без или с небольшим количеством жертв свидетельствуют о существовании затяжного социально-политического конфликта – например, протесты, подавление политической оппозиции и т.п.; б) большое количество конфликтов и/или жертв может свидетельствовать о протекании вооруженного конфликта или войны (в т.ч. гражданской), активности террористических, сепаратистских, повстанческих группировок; в) малое число конфликтов и большое число жертв чаще всего свидетельствует о крупных террористических актах. Природа таких конфликтов чаще всего является комплексной и нередко обусловлена религиозным фактором, который особенно ярко проявляется при системных проблемах политической, экономической и социальной сферы¹³.

Полученные данные свидетельствуют о том, что сближение геопространств христианства и ислама сопровождалось усилением религиозной конкуренции и возникновением конфликтов. Большая часть из них локализована в Судано-Сахельском коридоре, который включает в себя зону трансформации – страны, в которых в 1990–2010 гг. происходила трансформация, т.е. расширение или сжатие геопространств крупнейших религий Африки (см. параграф 3.1). В период 1997–2010 гг. на страны, полностью или частично входящие в Судано-Сахельский коридор, пришлось 43,6 тыс. (31,0%) всех конфликтов и 333,7 тыс. (48,6% общего количества) жертв в Африке. При этом конфликты на этой территории отличались большей жестокостью – 39,5% из них привели к жертвам, а их среднее число за конфликт составило 7,7 при среднем значении 4,9 по макрорегиону. В пределах Судано-Сахельского коридора большая часть конфликтов и жертв приходится на зону трансформации – 70,9 и 55,6% соответственно. Возникающие здесь конфликты также отличаются повышенной жестокостью – 41,0% из них привел к жертвам, а их среднее количество составило 6,0 человек за конфликт (Таблица 16). При этом на страны с паритетом христианства и ислама (Нигерия, Эфиопия, Эритрея, Судан (в границах 2010 г.)) пришлось 65,0% конфликтов, пришедшихся на зону трансформации и 90%

¹³ Например, в Нигерии в 2010 г. зафиксировано 504 конфликта, из них 61,1% не привели к человеческим жертвам, а остальные 38,9% унесли жизни 1913 человек. Высокое среднее количество жертв за каждый конфликт с жертвами (9,8) связано преимущественно с деятельностью исламистской группировки «Боко Харам» [ACLED. Africa]. Высокая доля конфликтов без жертв обусловлена характером этих «событий» – в основном это были мирные протесты населения. Таким образом, конфликты в стране имеют двойственную природу, и, с одной стороны, обусловлены религиозным фактором, а, с другой, социально-экономическими и политическими причинами.

жертв. В странах с такой конфессиональной структурой населения наблюдается высокий риск возникновения жестоких конфликтов – здесь более вероятно увеличение среднего числа жертв одного конфликта (уровень корреляции¹⁴ 0,0,643), среднего числа жертв одного конфликта, приведшего к жертвам (0,677) [Захаров и др., 2020а].

Таблица 16 – Основные характеристики конфликтов в странах с паритетом христианства и ислама, 1997–2017 гг.

Характеристика	<i>Африка</i>	<i>Судано-Сахельский коридор</i>	<i>Зона трансформации</i>
Количество конфликтов, тыс. ед.	140,7	43,6	30,9
Количество жертв, тыс. чел.	686,6	333,7	185,7
Среднее число жертв, чел./конфликт	4,9	7,7	6,0
Доля конфликтов с жертвами, %	31,4	39,5	41,0
Доля конфликтов без жертв, %	68,6	59,5	59,0

Рассчитано и составлено автором по: [ACLED. Africa].

Таким образом, полученные данные подтверждают тезис о том, что возникновение конфликтов в Африке тяготеет к зоне контактного взаимодействия геопространств ислама и христианства, при этом при паритете этих религий риск возникновения масштабных и жестоких конфликтов существенно возрастает¹⁵. Судя по всему, религиозный фактор в таких странах действительно играет важную роль, при этом эти конфликты отличаются сравнительно высокими значениями абсолютного и среднего число жертв за конфликт.

Однако, рассмотрение географии конфликтов на всем континенте за 1997–2017 гг. позволило определить и другие конфликтные зоны в макрорегионе, где наблюдается повышенная концентрация конфликтов (Рисунок 13). Это

¹⁴ Для расчетов использовался линейный коэффициент корреляции Пирсона.

¹⁵ Вероятно, в колониальный этап паритет мировых религий и этнорелигий имел схожий эффект. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры антиколониальной борьбы этнических группировок – например, восстания туарегов в Нигере и Мали или Мау-Мау в Кении. К сожалению, мы не можем статистически обосновать это предположение в связи с отсутствием данных. К тому же большая часть конфликтов того времени была обусловлена не столько борьбой за свою религию, сколько борьбой за культурную, экономическую и политическую независимость [Roberts; Crowder].

может говорить о том, что возникновение конфликтов, в т.ч. религиозных, обусловлено не столько особенностями конфессиональной структуры населения, сколько логикой развития конфессионального пространства той или иной территории.

Периферия католического «домена». В странах, граничащих или составляющих католический «домен», конфликты носят, на первый взгляд, этно-политический характер (ДР Конго, Ангола, Бурунди, Руанда, Уганда). Тем не менее при более глубоком историко-географическом анализе становится очевидно, что эти конфликты во многом обусловлены в том числе спецификой и географией миссионерской деятельности. Так, геноцид в Руанде и современный политический конфликт в Бурунди уходят корнями в конец XIX – начало XX вв. и носит не этнический, а скорее религиозно-политический характер¹⁶.

¹⁶ Существует мнение, что для африканских государств испокон веков характерны межэтнические трайбалистские войны, тем не менее такие тезисы обычно безосновательны. Действительно, на континенте, особенно в районе Великих африканских озер, существовало большое количество королевств, которые время от времени вели войны. Однако достоверных свидетельств о гражданских межэтнических или межклассовых войнах внутри одного государственного образования до XX в. найдено не было, но большое количество таких примеров можно найти в колониальный и постколониальный этапы.

В этом контексте обращают на себя идеологические тенденции во времена колонизации этой территории. В середине XIX в. выходит «Эссе о неравенстве человеческих рас» Ж. Гобино, который начал приобретать популярность в 1894 в Германии, когда была создано «общество Гобино». Вскоре, благодаря пропагандистской деятельности лидера общества Л. Шемана, этот труд стал достаточно известен и впоследствии адаптирован в качестве идеологии национал-социалистической партии [Лепетухин]. Любопытно, что колонизация Германской Восточной Африки началось в том же году, что и начало распространения националистической и расистской идеологии в Германии. Судя по всему, данная квазинаучная теория была очень популярна как среди колонизаторов, так и среди миссионеров (особенно французских). Так, католические миссионеры занимались в том числе измерением физических параметров тел африканцев (веса, пигментации кожи, размер черепа и т.д.), а косвенное управление проводилось через этнос «более высокой расы». Немецкая колониальная социальная антропология пришла к выводу, что народ тутси, имеющий внешнее сходство с эфиопами и европейцами (за исключением цвета кожи), стоят выше в социальной лестнице, чем другие народы, проживающие на этой территории, и должны управлять ими.

После поражения Германии в Первой мировой войне, и перехода современных Бурунди и Руанды во владение Бельгии, подходы к управлению колониями сохранились. Бельгийцы характеризовали тутси как «negres aristocratiques» и считали их умными и надежными, тогда как к хуту они относились как к «низшей расе». Сегрегация населения в колониях вылилась в возникновение классовой системы – правящий класс тутси и класс рабов и рабочих преимущественно хуту. «Прирожденные лидеры» получали образование в католических семинариях и школах, где они усваивали идеи об их «превосходстве», в то время как большинство хуту отправлялись на при-

Националистическая политика немецких, а позже бельгийских колонизаторов, проводимая через католические миссионерские общества, воплотилась в сегрегации этнических групп, при которой тутси занимали привилегированное положение, а хуту – низшую ступень социальной лестницы (до 1959). После обретения страной независимости такая этническая иерархия вылилась в серию насильственных действий хуту против тутси [Sherrer, p. 8-20]. Схожая

нудительные работы по добыче каучука и других ресурсов. В школах «Белых отцов» проводилась политика апартеида: тутси занимались отдельно от других народов и могли получить полное образование; пища тутси в учебных заведениях была более питательная, в отличие от хуту, которые питались исключительно маисовой кашей, они регулярно получали, например, мясо. Помимо этого, квота на прием детей тутси была значительно выше.

Колониальные власти способствовали возникновению этнического и «кастового» мышления и социальной напряженности, а колониальная церковь формировала новую элиту, через которую бельгийцы планировали управлять территорией. После Второй мировой войны, осознавая грядущее крушение колониальной системы, РКЦ начала активную работу с «обделенными» хуту, которые стали получать образование, а затем формировать социальные и даже антиколониальные политические организации (например, ПАРМЕХУТУ). В 1957 г. группа хуту под предводительством Г. Кайнбанды обнародовала «Манифест Бахуту», требующий устранить политическую, экономическую монополию тутси. Триггером социальной напряженности стала смерть колониального короля Мутара III Рудахигвы в 1959 г – первого африканского правителя-католика: с этого момента церковь и колониальные власти стали активно поддерживать хуту, но лидерство тутси еще сохранялось. В том же году случилась «Революция хуту» – первый в истории региона массовый внутрисударственный конфликт.

В течение последующих 7 лет десятки тысяч тутси были убиты, а их собственность была присвоена «революционерами», при этом бельгийцы поддерживали хуту. В 1961 г. к власти приходит демократически избранная ПАРМЕХУТУ, которая фактически продолжает ту же этническую политику, что была навязана с помощью колониальной церкви. Неудачная попытка группы беженцев тутси вернуть власть в стране обернулась новой резней – погибло 14 тыс. тутси, убиты лидеры сопротивления, запрещены партии, так или иначе их поддерживавшие. До конца 1980-х годов ситуация в Руанде под политической диктатурой Ж. Хабьримана оставалась стабильной. Однако падение цен на основные экспортные культуры вновь повысило социальную напряженность, которой в 1990 г. воспользовался Руандийский Патриотический Фронт (РПФ), состоящий из эмигрантов и беженцев тутси в Уганде.

Очередное неудачное вторжение на север Руанды вылилось в массовые репрессии, направленные против тутси, а также оппозиционеров. В ответ на репрессии создается 16 партий, которые были признаны правительством под давлением мирового сообщества. Несмотря на постепенную либерализацию, РПФ принял очередную, но на этот раз более успешную попытку вернуть власть в 1993 г. и фактически достиг своих требований. Однако «фактическая капитуляция перед РПФ» категорически не устраивала националистов хуту, которые приложили «титанические усилия для демонизации тутси и умеренной оппозиции» [Черная Африка ..., с. 397]. Нежелание терять власть хуту вылилось в самый масштабный геноцид в истории человечества после холокоста, унесший жизни почти миллиона человек, преимущественно тутси.

ситуация характерна и для ДР Конго, где религиозный фактор оказал существенное влияние на генезис конфликта¹⁷ [Ibid.].

Наиболее ярким проявлением конкуренции между католицизмом и протестантизмом является Гражданская война в Анголе. Крупнейшие акторы конфликта – ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы), УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы), МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы – Партия труда), созданные «черной элитой» – имеют разный «бэкграунд». ФНЛА возникла на севере страны, где с 1878 г. работали Британские Баптисты; УНИТА – в центральном высокогорье, где действовали Американские и Канадские конгрегационалисты; МПЛА – в районе между Луандой и Маланже, где миссионерством занималась Методистская Епископальная Церковь. При этом прямую или косвенную поддержку этим группировкам оказывали страны, в которых возникла материнская церковь соответствующего направления христианства [Bell], но затем внутренний конфликт претерпел эскалацию в ходе «холодной войны». Таким образом, несмотря на то, что сам конфликт этих националистических группировок носит политический характер, его возникновение обусловлено влиянием церковных организаций, а также созданным колониальными властями социальным дисбалансом между регионами страны.

Схожая ситуация характерна для Уганды и ЦАР, где религия и политика долгое время были тесно связаны друг с другом [Мальшева; Holger]. В ЦАР главные акторы конфликта представлены «Селека» (преимущественно мусульмане) и «Антибалака» (христиане и частично адепты этнорелигий). Противостояние этих групп вылилось в затяжную гражданскую войну и практически полную потерю контроля правительства над территорией государства. В Уганде религиозный фактор отразился в возникновении христианских террористических группировок – Holy Spirit и Lords Resistance Army¹⁸, чья деятельность охватывает ЦАР, ДР Конго, Уганду и др. [Terrorist ...; Global Terrorism].

Страны бассейна озера Чад. Повышенная конфликтогенность этой зоны тесно связана с деятельностью террористических группировок. Именно здесь создаются предпосылки для возникновения баз, хранилищ, убежищ и другой инфраструктуры различных радикальных группировок, которые к тому же

¹⁷ См. письмо короля Леопольда II миссионерам, направлявшимся в Африку, от 1883 [Letter ...].

¹⁸ Организация Holy Spirit существовала до 1986 г., после ее разгрома образовалось большое количество мелких группировок, одна из которых трансформировалась в Lord's Resistance Army [Allen, 1991].

контролируют транссахарские транспортные пути и даже целые населенные пункты. Благодаря контролю над этой обширной территорией и прозрачности границ¹⁹, такие группировки получают возможность расширить поле своей деятельности [Walther]. Они отличаются высокой мобильностью, что дает им преимущество над статичными миротворческими и контртеррористическими формированиями [Walther, Retaille].

В этом отношении интерес представляет пример Алжира и особенно Ливии, где возникновение конфликтов в значительной степени обусловлено деятельностью Аль-Каиды в странах исламского Магриба (АКИМ), которая закрепилась в южных районах этих стран после «Арабской весны» [Global Terrorism ..., 2016, p. 58]. Алжир вместе с Ливией (юг стран) являются «очагами» распространения террористических группировок в Сахарско-Сахельской зоне и ССК [Ibid]. Это утверждение также можно считать справедливым для Сомали, где большая часть жертв связана с деятельностью Харакат аш-Шабаб, которая действует в странах Восточной Африки; для Нигерии, где активно действует «Боко Харам».

Деятельность АКИМ и других террористических группировок финансируется за счет наркотрафика, нелегальной добычи и продажи природных ресурсов, похищения с целью выкупа и т.д. [Ibid., p. 86]. Это обуславливает расширение поля деятельности этой и сопряженных группировок на юг континента для контроля над транспортными путями в Западной Африке, а также месторождениями полезных ископаемых в Центральной Африке. Например, на северо-востоке ДР Конго также зафиксированы теракты, осуществленные этими исламистскими радикальными группировками. Все это указывает на тесную взаимосвязь конфликтогенных зон, что было убедительно доказано на примере развития террористических сетей в Северо-Западной Африке [Walther, Leuprecht]. Географическая близость конфликтогенных зон обуславливает комплексность конфликтов, расширение их географии и затрудняет разрешение противоречий [Rubin, Barnett, Armstrong, Ntegeye; Wallenstein, Sollenberg].

Географическая близость стран и их регионов к нескольким конфликтогенным зонам негативно влияет на их национальную безопасность. Например, масштабы каждого отдельного конфликта в Камеруне, несмотря на их небольшое количество, сопоставимы с нигерийскими. Одновременно с увеличением доли ахмадий в мусульманском населении на севере Камеруна активизировалась деятельность террористической группировки «Боко Харам». Помимо религиозного фактора предпосылка для возникновения конфликтов

¹⁹ Границы между странами Сахарско-Сахельской зоны практически не контролируются государством [Giroux, Lanz, Sguaitamatti].

в этой стране состоит в структуре ее конфессионального пространства. Так, население северных провинций, населенных преимущественно мусульманами, «регулярно подвергается дискриминации» со стороны правительства, что закономерно приводит к распространению сепаратистских настроений в этой части страны и популяризации радикальных настроений [Moody]. Еще одним примером, указывающим на географическую взаимосвязь конфликтов, служит «растерзанный треугольник» (Tormented Triangle), который расположен вблизи сразу трех конфликтогенных зон Африки – он включает в себя Чад, Судан, Южный Судан, ЦАР [Giroux, Lanz, Sguaitamatti; Metz].

В связи с тем, что конфликты в Африке имеют комплексную природу, выделить среди них однозначно религиозные не представляется возможным. Тем не менее влияние религиозного фактора на конфликты можно охарактеризовать как существенное. Достаточно условно их можно разделить на межрелигиозные и внутрирелигиозные. Первые возникают в странах с паритетом христианства и ислама. Вторые – в странах бассейна озера Чад и на периферии католического «домена», где возникающие конфликты связаны с конкуренцией направлений религий за политическое, культурное и иное влияние.

Вместе с тем «продуцентами» террористических и других радикальных группировок выступают, как правило, территории с гомогенным конфессиональным пространством, в котором доминирует одна религия. В преимущественно мусульманских странах возникли такие радикальные группировки²⁰ как Islamic Salvation Front, Armed Islamic Group, Salafist Group for Preaching and Fighting, Al-Qaida in the Islamic Maghreb, Boko Haram, Ansar Dine, Fulani extremists, Ansaru, Saharan Revolutionary Armed Front, Movement for Oneness and Jihad in West Africa; Al-Ittihaad al-Islami, Islamic Court Union, Mujahidden Youth Movement, Hizbul al-Islam, Al-Shaabaab; в христианских – Holy Spirit Movement, Lord's Resistance Army, Anti-Balaka, Movement for the Emancipation of the Niger Delta и др. [ACLED. Africa; Global Terrorism ...].

Анализ исторических данных позволил установить, что крупномасштабные конфликты (гражданские войны и пр.) достаточно часто возникали с запозданием, т.е. уже после стабилизации конфессионального пространства стран Африки – например, Эритрейская война за независимость (1961–1991), Гражданская война в Эфиопии (1974–1991), мятежи в провинции Шаба в ДР Конго (1977–1978), Гражданские войны в Либерии (1989–1996 и 1999–2003), в Республике Конго (1993–1994 и 1997–1999), столкновения в Гвинее (2013) и др. Таким образом, конфликты на религиозной почве возникают на границах

²⁰ Радикальные группировки перечислены на английском языке для единообразия, т.к. не для каждой из них существует русский эквивалент наименования.

геопространств религий или их направлений, где наблюдается их трансформация или же этот процесс завершился недавно.

Возникновения масштабных конфликтов в выделенных нами конфликтогенных зонах объясняется рядом факторов:

1) *особенности территориальной структуры геопространств религий и их направлений*. Для всех конфликтогенных зон в той или иной степени характерна территориальная дифференциация конфессионального пространства – религиозные общины тяготеют к разным районам страны, что ярче всего проявляется в странах с паритетом христианства и ислама. Ранее проведенные нами исследования подтверждают повышенную вероятность возникновения конфликтов в странах с такой структурой конфессионального пространства (на примере Нигерии и Эфиопии) [Дмитриев; Захаров, 2016; Dmitriev, Zakharov];

2) *политизация религии* и мобилизация религиозного сознания населения для легитимации власти. При примерно равном соотношении религиозных групп это наглядно иллюстрируется электоральной географией – религиозные общины отдают свое предпочтение кандидату-единоверцу. Так, согласно официальным данным, в 2011 г. на президентских выборах в Нигерии христианские штаты голосовали преимущественно за христианина Гудлака Джонатана, а за мусульманина Бухари Мохаммаду проголосовали северные штаты, населенные преимущественно мусульманами [Q&A ...]. Кроме этого, конфессиональные и этнические различия проявляются после избрания новой власти: «... борьба за лидерство ... возникала после выборов, которые заканчивались чаще всего оспариванием их результатов. Это приводило к серьезному внутривластному конфликту и даже к гражданской войне, подпитываемыми религиозными и этническими разногласиями». [Конфликты ..., с. 44]. Примером такого сценария могут служить Гражданские войны в Кот-д'Ивуаре, Анголе или конфликты в ДР Конго, Руанде, Бурунди и т.д. В Нигерии законы шариата в северных штатах служат основой законодательной власти, которым вынуждено подчиняться и христианское меньшинство [Recent reports ...]. Кроме этого, правоохранные организации (например, Human Rights Watch) регулярно фиксируют факты дискриминации религиозных меньшинства в этой стране, причем не только христиан, но и мусульман-шиитов. [Revenge ...; The Risk ...; We stood ...; Development ...; Ten Long ...];

3) *этническая консолидация по религиозному принципу*. Сочетание сложной этнической и конфессиональной структуры населения также создает питательную почву для конфликтов. Механизмы развития конфликтов в таком случае очень схожи с политизацией религий, но в отличие от нее конфликты обычно носят сепаратистскую направленность – как, например, в Судане (вы-

деление Южного Судана в 2011 г.), Нигерии (Биафра, Движение за освобождение дельты Нигера) или Эфиопии (Фронт национального освобождения Огадена, Фронт освобождения Оромо) [Заяц; Tull; Horowitz; Oromo ...];

4) *социально-экономические причины*. Экономическое развитие стран Африки до сих пор обеспечивается в основном экспортом природных ресурсов и сельскохозяйственной продукцией, что обуславливает различия в региональном развитии. При этом христианское население преобладает, как правило, в более развитых регионах, что обусловлено закономерностями разветвления сети христианских миссий (см. параграф 2.2.). Это является одной из ключевых причин того, что большее количество радикальных группировок возникает преимущественно мусульманских странах и их регионах. Вместе с тем, высокая коррумпированность, политическая нестабильность, высокий уровень безработицы – особенно среди образованного и молодого населения – закономерно приводят к ухудшению криминогенной обстановки и возникновению группировок, требующих «социальной справедливости» [Elbadawo, Sambanis]. Чаще всего эти организации реализуют свои цели насильственными методами, которые становятся единственным эффективным аргументом в пользу их взглядов в силу того, что они исключены из политической системы или не имеют к ней доступа;

5) *«противоречия» между культурами*. Мировые религии, также как направления христианства, несмотря на культурные различия, в теории признают равенство своих культур, но, как отмечает И.В. Следзевский, «в реальной жизни культурные различия и норма равенства культур плохо согласуются между собой» [Следзевский, с. 152]. Существующие между цивилизациями противоречия объясняются несоответствием «между реальной (дискретной) и идеальной (континуальной) характеристиками геопространств тех или иных религий ...», которые принимают «... характер от взаимного подозрения до реальных кровопролитных боевых действий». Данные противоречия объясняются религиозной конкуренцией, «которая проявляется в борьбе не только за умы людей, но и за территории, этими людьми населяемые» [Горохов, 2017b, с. 61]. Мы считаем, что это мнение справедливо не только для конкуренции между религиями, но и между их направлениями.

Таким образом, под религиозным конфликтом нами понимается любое противостояние между религиозными общинами, при котором одна из них контролирует власть и ресурсы в государстве или его части. Наиболее масштабные религиозные конфликты в Африке локализованы в странах Судано-Сахельского коридора, конфессиональное пространство которых в настоящее время претерпевает трансформацию или же она завершилась недавно, а также

в других конфликтогенных зонах, в которых роль религиозного фактора не так очевидна – периферия католического «домена» и страны бассейна озера Чад. Возникающие здесь конфликты определяются в первую очередь логикой пространственного развития конфессионального пространства Африки. Остальные факторы повышения конфликтогенности (политизация религии, этническая консолидация по религиозному признаку и др.) представляют собой следствие историко-географического развития религий и их направлений.

3.3. Специфика межобщинных взаимоотношений в условиях трансформации конфессионального пространства: пример Нигерии²¹

Для анализа динамики конфессионального пространства на мезоуровне (см. Таблицу 1) была выбрана Нигерия. Выбор этого территориального полигона объясняется его высоким удельным весом в конфессиональном пространстве Африки – в 2010 г. Нигерия занимала первое место по численности адептов всех крупнейших религий Африки: на территории этого государства проживало 15,7% христиан макрорегиона, 16,8% мусульман и 15,1% адептов этнорелигий [Brown, James]. Для Нигерии характерен наиболее интересный для исследования тип конфессиональной структуры населения – паритет христианства и ислама. Конфессиональное пространство этой страны «расколото» на практически равные по численности христианский юг и мусульманский север. При этом такое разделение страны носит не абстрактный характер, а проявляется во многих аспектах жизни нигерийского общества – например, в политике [Nigerians ...]. Вместе с этим разделение страны по конфессиональному признаку на фоне диспропорций в социально-экономическом развитии северных и южных штатов негативно влияет на национальную и региональную безопасность, что проявляется в возникновении конфликтов в Нигерии и соседних государствах.

В связи с этим правительство Нигерии приняло решение исключить вопрос о вероисповедании из переписи населения [Don't include...], что затрудняет изучение конфессионального пространства Нигерии. Тем не менее нам удалось собрать достаточный статистический материал по АТЕ первого порядка для анализа динамики их конфессионального пространства. Он базируется на двух группах данных: 1) результаты переписей населения 1952 и 1963 гг., приведенные к современным границам АТЕ Нигерии [Ostien]; 2) результаты выборочных социологических опросов населения, проведенных в рамках ис-

²¹ Содержание данного параграфа опирается на статью автора [Дмитриев, Захаров, 2015,].

следовательского проекта «Афробарометр» в 2005 и 2015 гг. [Afrobarometer, 2005; 2015]. Для верификации этих данных они были сопоставлены и, при наличии расхождений, откорректированы в соответствии с результатами опросов за смежные годы (2003, 2012, 2015, 2017) [Afrobarometer, 2003; 2012; 2015; 2017].

В силу того что развитие геопространств религий во многом носит унаследованный характер, перед проведением анализа динамики конфессионального пространства Нигерии были рассмотрены особенности историко-географического развития крупнейших религий этого государства – ислама и христианства, а также этнорелигий.

Ислам начал проникать на территорию северной Нигерии примерно с IX века из империи Канем с северо-запада и с XII вв. из империи Мали, а затем из империи Сонгай. Распространение этой религии в северной части Нигерии, где в то время существовали многочисленные города-государства хауса, из мусульманских стран происходило как мирным путем в результате торговли, так и путем захвата территории [Шпажников]. Несмотря на раннее проникновение, ислам достиг ощутимых успехов на этой территории значительно позже – в XIV в., когда после распада Канема на северо-востоке Нигерии образуется империя Борно (Борну), населенная преимущественно канури. В XVI – начале XVII вв. Борно достигает пика могущества при Идрисе Алаома, который возводит ислам в статус государственной религии и вводит законы шариата на территории империи. Уже в первой половине XVII в. большая часть населения Борно была мусульманами, тогда как на остальной территории современной Нигерии ислам доминировал только в ряде крупных городах, расположенных в северной и восточной частях страны. Алаома стремился распространить свою власть на города-государства хауса, которые получили независимость в 1591 г. после падения империи Сонгай под давлением Марокканской армии [Lapidus; Crowder, p. 225–254.]. Ослабление позиций Борно в середине XVIII в. совпало с масштабными миграциями фульбе с запада. В 1804 г. начался джихад фульбе, в результате которого образовался халифат Сокото. В течение почти векового существования это государство стремилось укрепить свои позиции путем распространения ислама на севере страны, а также в «Йорубаленде» вплоть до Лагоса [Crowder]. В то же время юго-восток современной Нигерии до XX в. сохранял традиционную религию игбо, которая практически не подвергалась воздействию со стороны ислама [Шпажников].

История христианизации Нигерии берет свое начало в 1471 г., когда португальские миссионеры начали работу в королевствах Бенин, Варри и других государствах «Игболенда». Первые миссионеры не могли достичь ощутимых результатов вплоть до 1621 г., когда к миссионерской деятельности начали

привлекаться освобожденные рабы из Западной Африки. Однако активное распространение христианства в Нигерии началось только с середины XIX в. – на юго-западе Нигерии работали преимущественно англикане, методисты и баптисты, на юго-востоке – католики, а также пресвитериане и другие протестанты. На север страны миссионеры, представленные в основном протестантами, проникли лишь в начале XX в. К 1970 г. в Нигерии работало более 50 миссионерских обществ, благодаря чему численность христианского населения Нигерии начала стремительно увеличиваться [Galadima, Turaki]. Тем не менее христианские миссионеры сталкивались с многочисленными трудностями, обусловленными как тяжелыми природными условиями, так и сопротивлением местного населения. Например, Ibo-Ekumeku («культ тайной войны»), возникший в государственном образовании Аро в дельте р. Нигер, вел партизанскую войну с миссионерами и колониальной властью [Roland, p. 291–293].

В общем контексте историко-географического развития крупнейших религий выделяется «Йорубаленд» на юго-западе Нигерии, где христианство и ислам начали распространяться примерно в одно время. Этот процесс протекал довольно медленно, что приводило к изменению мировых религий под влиянием традиций йоруба. Длительное сосуществование ислама и христианства на этой территории позволило избежать серьезных противоречий между этими религиями. Более того, здесь начали возникать уникальные примеры синкретизма, связывающие ислам, христианство и в определенной степени этнорелигии в единую религию – «христлам» (“Christlam”). Здесь также возникла одна из самых известных афрохристианских церквей – аладура. Тем не менее численность приверженцев этих верований по меркам страны с таким большим демографическим весом достаточно скромная [Greenfield, Droogers; Umoh].

Несмотря на длительное присутствие ислама и активную деятельность христианских миссионеров, к началу XX в. крупнейшим комплексом верований Нигерии оставались этнорелигии (67,1%), адепты которых составляли большинство населения на юге и в центральной части страны. Ислам исповедовало 29,6% населения страны, христианство – 2,8% [Brown, James]. С того времени конфессиональная структура населения Нигерии претерпела масштабные изменения, связанные с вытеснением этнорелигий исламом, а затем христианством.

В колониальный этап ислам активно расширял свое геопространство за счет сжатия геопространства этнорелигий в центральной части страны. Благодаря этому уже к 1930 г. в Нигерии установился паритет этих религий, а к 1963 г. ислам стал крупнейшей религией Нигерии. В то же время христиане, несмотря на быстрый рост численности, представляли меньшинство – в 1910 г. их

доля в населении составляла лишь 2,8%; в 1952 – 12,4%; в 1963 – 17,8% [Ibid; Ostien]. Стремительное расширение геопространства христианства в постколониальный этап за счет, прежде всего, юго-восточных штатов Нигерии привело к установлению паритета христианства и ислама, который сохраняется вплоть до сегодняшнего дня (Таблица 17).

Таблица 17 – Динамика геопространства крупнейших религий Нигерии, 1910–2015 гг.

Религия	Доля в населении, %					Скорость ДЦ, км/год 1952–2015	Индекс Рябцева 1952–2015	ННИ			
	1910	1952	1963	2005	2015			1952	1963	2005	2015
Ислам	29,6	44,9	47,2	45,2	44,0	1,10	0,029	714	637	602	615
Христианство	2,8	12,4	17,8	46,7	47,9	1,73	0,218	756	591	470	469
Этнорелигии	67,1	42,5	28,5	7,9	7,5	6,16	0,781	453	467	1073	4602

Расчитано и составлено автором по: [Brown, James; Ostien; Afrobarometer 2003; 2005; 2012; 2015; 2017].

Имеющиеся данные по АТЕ Нигерии за 1952-2015 гг. охватывают период наиболее интенсивного взаимодействия религий страны. В течение этого времени происходило увеличение количество АТЕ, для конфессионального пространства которых была характерна стабилизация. Параллельно с этим зона трансформации конфессионального пространства Нигерии претерпевала стягивание – в 2005–2015 гг. она представляла собой диагонально вытянутый пояс, в пределах которого происходило расширение и сжатие геопространств ислама и христианства (Рисунок 14).

Христианство. Геопространство христианства, представленное преимущественно протестантизмом, претерпело территориальную децентрацию и существенное расширение. Так, в 1952 г. значение ННИ составляло 756, а более половины его адептов были сконцентрированы в пяти штатах – Аква-Ибом, Абия, Имо, Осун, Ондо. В 2015 г. в пяти крупнейших христианских штатах – Лагос, Риверс, Анамбра, Бенуэ, Имо – проживало лишь 34,1% адептов этой религии, а значение ННИ снизилось до 469. Территориальные сдвиги внутри геопространства христианства в соответствии со значением индекса Рябцева (0,218), характеризуются как «существенные». Демографический

центр этой религии за тот же период сместился в северо-восточном направлении на 108,9 км со средней скоростью 1,73 км/год (Таблица 17, Рисунок 14).

Таким образом, преобладающим процессом, обуславливающим трансформацию геопространства христианства в 1952–1963 гг., было масштабное расширение в первую очередь на юге страны. Затем этот процесс замедлился и принял северо-восточный вектор: в 2005–2015 гг. расширение геопространства христианства происходило только в 4 штатах – Плато, Гомбе, Адамава, Тарабе. В других АТЕ Нигерии получил распространение обратный процесс – сжатие геопространства христианства, которое со временем усиливалось. Так, в 1952–1963 гг. оно было характерно только для Лагоса, а в 2005–2015 гг. в него оказались вовлечены Ондо, Осун, Коги, Федеральная столичная территория (ФСТ) Абуджа, Кадуна.

Ислам. Одновременно с этим геопространство ислама характеризовалось более высокой инерционностью. До 2005 г. оно претерпевало медленную территориальную деконцентрацию, а в последующее десятилетие наметился обратный тренд. Так, значение ННИ с 1952 по 2005 г. снизилось до 602, а затем увеличилось до 615 в 2015 г. Вместе с этим вклад пяти крупнейших мусульманских штатов в общую численность соответствующей религиозной общины снизился с 48,7% в 1952 до 41,2% в 2005 г., а затем немного увеличился – до 41,8%. Территориальная структура геопространства ислама при этом не изменилась – индекс Рябцева принял значение 0,029 («тождественность структур»). Тем не менее с 1952 по 2005 гг. геопространство ислама медленно расширялось на юго-запад – демографический центр этой религии преодолел 69,1 км в юго-юго-западном направлении со скоростью 1,1 км/год (Таблица 17, Рисунок 14).

Основным процессом трансформации геопространства ислама в данный период было ограниченное по масштабам расширение преимущественно в центральных и юго-западных штатах Нигерии. Так же, как и в случае христианства, в течение рассматриваемого периода этот процесс замедлялся – если в 1952–1963 гг. он наблюдался в 11 АТЕ страны, то в 2005–2015 гг. их количество сократилось до 5. В последнее десятилетие рассматриваемого интервала геопространство ислама претерпело сжатие в центре и на востоке страны – в штатах Насарава, Плато, Тараба.

Этнорелигии. Наименьшей инерционностью характеризуется геопространство этнорелигий, которое под давлением христианства и ислама претерпело сжатие, а затем фрагментацию. Если в 1953 г. адепты этнорелигий были размещены по территории страны равномерно (ННИ – 453), то в 2015 они были представлены на территории лишь трех штатов (Дельта, Лагос, Огун), а

значение ННІ возросло до 4602. В результате территориальная структура геопространства этнорелигий в 2015 стала «противоположной» по сравнению с таковой в 1952 г. Демографический центр этой религии за тот же период преодолел рекордные 388,3 км в преимущественно в юго-западном направлении со средней скоростью 6,16 км/год (Таблица 17, Рисунок 14). Ведущим процессом в трансформации геопространства этнорелигий в 1952–2015 гг. было сжатие, интенсивность которого сокращалась по мере замещения их христианством на юго-востоке страны и исламом на севере и северо-востоке. В связи с истощением конверсионного ресурса к 2005–2015 гг. в Нигерии не осталось штатов, в пределах которых геопространство этнорелигий претерпевало сжатие.

В рассматриваемый период устойчивость религий к замещению снижалась в зависимости от условий и факторов их развития (см. параграф 2.2). Наименее устойчивым в рассматриваемый период было геопространство этнорелигий, которое находилось в стадии сжатия. Так, в 1952 г. адепты этнорелигий составляли 67,1% населения Нигерии и преобладали в 11 штатах, в 7 составляли значительную долю в населении и еще в 8 штатах наблюдался паритет этнорелигий и мировых религий (Рисунок 15). Уже к 2005 г. доля адептов этнорелигий сократилась до 7,9%.

Геопространство ислама характеризуется высокой устойчивостью – его замещение христианством в изучаемый период завершилось только в Лагосе, Осуне (2005) и Плато (2015). Однако, в первых двух штатах к 2015 г. вновь установился паритет этих мировых религий, что было связано миграционным приростом мусульман, представленных преимущественно фульбе из северной Нигерии [The Fulani ...]. В то же время замещение христианства не завершилось ни в одной из АТЕ Нигерии (Рисунок 15).

В течение 1952–2015 гг. геопространства ислама и христианства, как отмечалось выше, претерпели расширение за счет, прежде всего, сжатия геопространства этнорелигий в разных АТЕ Нигерии, но происходило это с разной скоростью. Так, с 1952 г. в 9 территориальных единицах, где этнорелигии замещались преимущественно христианством (без учета тех, где замещение уже произошло), в настоящее время эта религия является доминирующей. В то же время в 8 территориальных единицах, где этнорелигии замещались преимущественно исламом, этот процесс завершился только в Нигере и Кадуне. В остальных случаях в конкуренцию вступило христианство, и в этих штатах устанавливался паритет мировых религий. То же произошло в штатах Ойо и Коги, где христианство и ислам распространялись одновременно. При этом в первом случае доля христиан за весь рассматриваемый период увеличивалась высокими темпами – с 25,7% в 1952 г. до 53,2% в 2015 г., а мусульман –

сокращалась с 50,4% до 46,2%. Во втором случае доля адептов христианства к 2005 г. возросла с 18,5% до 51,5%, а ислама – с 22,5% до 48,5% [Ostien]. В последующее десятилетие конфессиональная структура штата изменилась под влиянием миграционного прироста мусульман, доля которых возросла до 59,5%, а христиан соответственно сократилась до 40,5%.

Таким образом, христианство замещало другие религии в Нигерии более эффективно по сравнению с исламом. Более того, христианству удавалось увеличивать долю последователей в ряде традиционно мусульманских штатов даже несмотря на действующие в них законы шариата – Гомбе (36,7% в 2015 г.), Кадуна (17,5), Баучи (14,5), Сокото (6,8), Йобе (6,6) и т.д. [Afrobarometer, 2015; 2017].

Расширение геопространства христианства, а также ислама привело к образованию диагонально вытянутого пояса штатов, которые в настоящее время претерпевают трансформацию – здесь мировые религии взаимодействуют наиболее интенсивно. Этот пояс характеризуется паритетом христианства и ислама и включает в себя 11 территориальных единиц: Лагос, Огун, Ойо, Осун, Ондо, Коги, Насарава, Абуджу, Тараба, Адамава и Гомбе. В населении штатов к юго-востоку от него преобладают христиане, к северу, за исключением Экити и Плато, – мусульмане (Рисунок 15). Результатом трансформации геопространств крупнейших религий Нигерии стала перестройка конфессиональной структуры ее населения – к северо-востоку от зоны трансформации в настоящее время преобладает ислам, к юго-востоку – христианство. При этом расширение геопространства ислама на юг обеспечивалось в основном миграционным приростом мусульман, а расширение геопространства христианства на север, северо-восток осуществлялось в первую очередь за счет конверсии.

Сложившаяся территориальная структура конфессионального пространства Нигерии на фоне серьезных социально-экономических диспропорций между южными и северными штатами способствовала увеличению конфликтного потенциала этой страны. За последнее двадцатилетие Нигерия была одной из наиболее нестабильных стран Африки. В стране зафиксировано почти 10 тыс. конфликтов (4-е место после Сомали, ДР Конго и Судана), унесших жизни 56,7 тыс. чел. (5-е место) [ACLED. Africa].

Наибольшую угрозу стабильности Нигерии несут северо-восточные штаты, где действует наиболее активный субъект конфликтов в Нигерии и сопредельных государствах – «Боко Харам» [Campbell]. Цель данной группировки отражена в ее полном названии «Джамаату ахлис Сунна Лиддаавати валь-Джихад», что может быть переведено на русский как «Общество приверженцев распространения учения Пророка и джихада». База организации находится в городе

Майдугури в штате Борно, и долгое время вербовка ее членов проходила под прикрытием образовательного комплекса, куда привлекались дети из бедных семей – по большей части представители народа канури, преобладающего в этой части страны.

Там же эта организация получила название «Боко Харам», что обычно переводится как «западное образование греховно» [Campbell; UN: Narrative ...]. Вскоре после своего возникновения группировка «Боко Харам» начала насильственные действия, направленные против властей Нигерии (сперва государственных учреждений, затем армии и полиции), которые обвинялись исламистскими фундаменталистами в поощрении христианизации страны, что, по их мнению, осуществлялось путем навязывания населению «западной секулярной буржуазной культуры». Наиболее известными террористическими актами «Боко Харам» стали так называемые «рождественские атаки» (Christmas day bombings) на христианские церкви в центральных штатах страны (2011 г.), атака боевиками города Кано (2012 г.), похищение в населенном пункте Чибок (штат Борно) более 270 школьниц-христианок (2014 г.), сожжение 16 деревень и городов в штате Борно (2015 г.) [Threat ...].

Постепенно боевики «Боко Харам» смогли установить свой контроль над значительной частью территорий на северо-востоке страны (в штатах Борно, Йобе, Адамава, Баучи, Гомбе), а затем расширить ареал своей деятельности в соседние страны (Камерун, Нигер, Чад). В апреле 2015 г. лидер «Боко Харам» Абубакар Шекау присягнул на верность запрещенному в РФ «Исламскому государству» (ИГ) и объявил о переименовании подконтрольной ему территории в «Западноафриканскую провинцию Исламского государства» [Лидер ...], тем самым официально включив свою организацию в глобальную исламистскую террористическую сеть.

Правительство Нигерии, возглавляемое в то время президентом Гудлаком Джонатаном (христианином из юго-восточной части страны), пыталось в начале вести переговоры с исламистами, однако ввиду их неудачи, начиная с 2014 г., взаимоотношения властей и «Боко Харам» фактически перешли исключительно в военную плоскость. В результате противостояния исламистов и нигерийских военных и полицейских на севере страны погибли тысячи людей и около 3 млн стали беженцами [Президент ...; Boko Haram ...]. С приходом к власти М. Бухари в 2015 г. ситуация практически не изменилась, несмотря на ликвидацию нескольких ключевых лидеров «Боко Харам» – данная организация по-прежнему действует на территории Нигерии и сопредельных государств. В настоящее время деятельность группировки направлена против армии и полиции [ACLED. Africa; Global Terrorism, 2016].

В последнее время, на фоне засухи и снижения плодородия почв на севере Нигерии, спровоцировавшие массовые миграции на юг, отмечается активизация группировок фульбе, которые активно действует в центральной части страны («Middle Belt»), ряде северных и юго-восточных штатах (Рисунок 20). Возникшие в результате этого конфликты имеют три измерения: религиозное (мусульмане против христиан), этническое (фульбе против других народов, в т.ч. хауса и канури), культурное (кочевой север против оседлого юга) [The Fulani ...].

В 2017 г. на «Боко Харам» и группировки фульбе пришлось 295 конфликтов – почти 80% от их общего количества, большая часть которых унесла жизни людей [ACLEDD. Africa]. Помимо вышеназванных субъектов конфликтов, на юго-востоке страны оперируют многочисленные этнические, а на севере – религиозные группировки. Среди последних преобладают суннитские, действующие против христиан, а также шиитов и ахмадий в штатах Сокото, Кебби, Кадуна, Кано, Плато (Рисунок 16).

Жестокость конфликтов в Нигерии (среднее количество жертв одного конфликта и доля конфликтов с жертвами) повышается по мере движения на северо-восток, т.е. соответствует вектору расширения геопространства христианства. Так, среднее количество жертв одного конфликта в штате Кадуна составило 12,9; Плато – 11,4; Тараба – 9,8; Адамава – 9,2; Кано – 8,6; Гомбе – 6,0. Вместе с тем в ряде штатов, где наблюдается паритет мировых религий, увеличивается доля конфликтов с жертвами: например, в Тараба этот показатель достигает 74,6%, Адамава – 66,2%, Бенуэ – 63,6%, Плато – 63,2%, Гомбе – 61,9%, Кадуна – 59,9% и т.д. [Ibid.].

Однако, наибольшей масштабностью и жестокостью отличаются конфликты в Борно, где идет противостояние правительственных войск и «Боко Харам». С 1997 по 2016 гг. на этот штат пришлось 1580 конфликтов (15,8% их общего количества), унесших жизни более 20 тыс. чел. (36,6%), при этом доля конфликтов с жертвами составляет здесь 74,6%, а среднее количество жертв за конфликт превышает 13,1 [Ibid.].

Самый низкий уровень конфликтности, несмотря на паритет христианства и ислама, характерен для юго-западных штатов Нигерии, а также ФСТ Абуджа. Большая часть из возникающих здесь конфликтов приходится на протесты, цель которых заключается в изменении государственной политики, требованиях улучшения качества жизни населения и т.д. Низкая жестокость конфликтов здесь объясняется как сравнительно высоким уровнем социально-экономического развития, так и длительной историей взаимодействия христианства и ислама на этой территории – обе религии считаются здесь

«традиционными». На общем фоне выделяются штаты Лагос и Квара: первый – по количеству конфликтов (896 – второе место после Борно), второй – по доле конфликтов с жертвами (42,6%) [Ibid.]. В первом случае это связано в большей мере с криминогенной обстановкой одного из крупнейших городов Африки. Во втором случае значительная часть конфликтов связана с протестами, политической борьбой, преступностью и в меньшей мере межобщинными противостояниями.

Таким образом, в течение изучаемого периода конфессиональное пространство Нигерии претерпело масштабные изменения, связанные с вытеснением этнорелигий исламом, а затем христианством. В колониальный этап ислам активно расширял свое геопространство за счет сжатия геопространства этнорелигий. Благодаря этому ислам уже к 1963 г. стал крупнейшей религией Нигерии. В постколониальный этап христианство замещало другие религии в территориальных единицах Нигерии более эффективно по сравнению с исламом, что привело к установлению паритета этих религий. Расширение геопространства христианства и ислама привело к образованию диагонально вытянутого пояса, включающего штаты с паритетом мировых религий. Данный пояс «разделил» страну на христианский юго-восток и мусульманский север. Сложившаяся территориальная структура конфессионального пространства Нигерии на фоне серьезных социально-экономических диспропорций между южными и северными штатами способствовала увеличению конфликтногенного потенциала этой страны. Большая часть возникающих конфликтов приурочена к штатам, где паритет христианства и ислама установился сравнительно недавно. Жестокость возникающих конфликтов в Нигерии повышается по мере движения на северо-восток, т.е. соответствует вектору расширения геопространства христианства. При этом крупнейший субъект этого противостояния – группировка «Боко Харам» – возник не в зоне наиболее интенсивного взаимодействия мировых религий, а в историческом «ядре» ислама в Нигерии. С позиций модели конкурентного развития конфессионального геопространства данную ситуацию можно рассматривать как реакцию геопространства ислама на замещение.

Таким образом, в ходе расширения геопространств христианства и ислама произошло сжатие геопространства этнорелигий, его большая часть отошла христианству (на юге), меньшая – исламу (на севере). К завершению постколониального этапа наиболее интенсивное взаимодействие этих религий наблюдалось в зоне трансформации конфессионального пространства Африки, что привело к замедлению его динамики.

Повышение конкуренции между крупнейшими направлениями религий сокращало время трансформации конфессионального пространства стран Африки и тем самым способствовало расширению их геопространства в целом. Таким образом, увеличение внутрирелигиозной мозаичности способствует повышению конкурентоспособности религий.

Усиление религиозной конкуренции сопровождалось возникновением религиозных конфликтов, большая часть из них в период 1997–2017 гг. была приурочена к Судано-Сахельскому коридору и особенно к зоне трансформации, а также другим конфликтогенным зонам, в которых роль религиозного фактора не так очевидна (периферия католического «домена» и страны бассейна озера Чад). Возникающие здесь конфликты определяются логикой пространственного развития конфессионального пространства Африки. Остальные факторы повышения конфликтогенности (политизация религии, этническая консолидация по религиозному признаку и др.), по нашему мнению, представляют собой следствие развития территориальной структуры религий и их направлений.

Анализ развития конфессионального пространства Нигерии показал, что более низким территориальным уровням свойственны те же закономерности, что и для Африки в целом, но в то же время они имеют свои отличительные черты. В частности, в пределах АТЕ Нигерии установлены не только стадии расширения и стабилизации геопространств мировых религий, но и их сжатие, которое было приурочено к диагонально вытянутому поясу АТЕ, в пределах которых наблюдалась трансформация геопространств христианства и ислама. При этом в XXI в. трансформация геопространства ислама здесь происходила быстрее, чем на уровне стран Африки, а христианства – медленнее. Результатом трансформации геопространств крупнейших религий Нигерии стала перестройка конфессиональной структуры ее населения – к северо-востоку от зоны трансформации в настоящее время преобладает ислам, к юго-востоку – христианство.

Сложившаяся территориальная структура конфессионального пространства Нигерии на фоне серьезных социально-экономических диспропорций между южными и северными штатами способствовала увеличению конфликтогенного потенциала этой страны. Большая часть возникающих в настоящее время религиозных конфликтов в Нигерии приурочена к северо-восточным штатам и может быть интерпретирована как ответная реакция геопространства ислама на расширение геопространства христианства. При этом жесткость возникающих в Нигерии конфликтов повышается по мере движения на северо-восток, т.е. соответствует вектору расширения геопространства христианства.

Заключение

В основу монографии положен преобладающий в современной географии религий синтетический подход, в рамках которого в качестве объекта исследования мы рассматриваем конфессиональное пространство Африки, претерпевшее масштабную трансформацию с начала XX века. Нами анализируется большой массив статистических данных, характеризующих компонентную (8 религий и нерелигиозное население – макроуровень; 13 направлений христианства и 4 направления ислама – мезоуровень) и территориальную структуру конфессионального пространства Африки (Африка – макроуровень; страны Африки – мезоуровень; АТЕ Нигерии – микроуровень).

Для изучения произошедших изменений предлагается модель трансформации конфессионального пространства, описывающая совокупность изменений структуры составляющих его геопространств религий. Одним из фундаментальных свойств пространства является его дискретность, которая в случае конфессионального пространства Африки проявляется в одновременном существовании территорий, в пределах которых геопространства разных религий претерпевают расширение, стабилизацию или сжатие. Выделенные стадии отличаются: а) уровнем инерционности территориальной структуры геопространств религий, б) наличием процессов территориальной концентрации-деконцентрации, в) динамикой доли адептов религий в населении рассматриваемых территориальных ячеек, г) скоростью движения демографических центров соответствующих религий. Потенциальное число параметров – степеней свободы конфессионального геопространства, равное четырем – может быть уменьшено, но только если его сжатие носит сплошной (нефрагментированный) характер.

Смена стадий развития геопространства религии проявляется в изменении уровня инерционности ее территориальной структуры: график его динамики имеет параболическую форму – при переходе геопространства религии из стадии расширения к стадии стабилизации инерционность территориальной структуры нарастает, а в стадии сжатия вновь снижается. Смена стадий развития геопространства религии обусловлена не только внутренними особен-

ностями религии, миссионерской деятельности, догматики, но и природными, социально-экономическими и политическими условиями. В пределах территорий с преобладанием благоприятных условий геопространство религии обычно претерпевает расширение, а лимитирующих – сжатие.

Наиболее важной в географическом отношении является стадия расширения: основываясь на модели конкурентного развития конфессионального геопространства, стадию сжатия геопространства одной религии можно считать стадией расширения другой¹. Расширение геопространства религии происходит путем развертывания сети миссионерских станций, представляющей ее «опорный каркас». При этом роль миссионерских станций в разных религиях могут выполнять разные объекты, например, в исламе ее выполняют коранические школы, мечети и т.п.

На примере сети миссионерских станций в Северо-Западной Африке (1880–1950 гг.) установлено, что формирование геопространства христианства происходило параллельно с хозяйственным освоением макрорегиона путем каскадной диффузии по следующей схеме: а) кластеризация миссий и образование «очагов» христианизации в местах их концентрации на побережье (обычно у крупных портов); б) возникновение «очагов» христианизации во внутренних районах, соединенных железнодорожными, автомобильными и иногда водными путями с портовой зоной; в) формирование «опорного каркаса» геопространства христианства – объединение трех и более «очагов христианизации» транспортной инфраструктурой; г) возникновение миссий в пределах «опорного каркаса», которые постепенно охватывают всю сеть поселений внутри него.

Развитие сети христианских миссий в Северо-Западной Африке происходило крайне неравномерно, наибольшее влияние на этот процесс оказали географическое положение территории, социально-экономические и демографические особенности, политическая обстановка и действие «случая». Вместе с этим различие в природных условиях способствовало повышению разнообразия типов развертывания сети миссионерских станций. Среди них нами выделены прибрежный, речной, внутриконтинентальный, караванный и сахельский.

Дифференциация условий развития геопространств религий определяет неоднородность их трансформации – геопространство одной и той же религий может претерпевать расширение или сжатие в пределах разных территориальных ячеек. Определение вклада отдельных стран в процесс трансформации

¹ Это утверждение справедливо для регионов, в которых не распространены процессы секуляризации; в них распространение атеизма не просто приводит к сжатию геопространства отдельных религий, но потенциально может угрожать исчезновением их конфессионального пространства.

конфессионального пространства Африки в целом и геопространств религий в частности производилось нами, исходя из значений среднегодовых темпов прироста доли адептов христианства, ислама и этнорелигий. Если значения этого показателя для той или иной религии за определенный период были выше медианного, то данный процесс характеризовался как «расширение» ее геопространства; если ниже – как «сжатие»; если же среднегодовые темпы прироста религии находились на медианном уровне – как «стабилизация».

Поскольку трансформация подразумевает изменения, а в случае стабилизации они крайне незначительны, то в нашем исследовании рассматриваются только те страны, в которых имели место расширение или сжатие их конфессионального пространства. Наибольшую роль в трансформации конфессионального пространства Африки играют указанные выше изменения в тех странах, где определенная религия исповедуется значительным числом адептов (в нашем случае – больше 13% населения, что характерно для начала фазы устойчивого замещения в модели конкурентного развития конфессионального геопространства). Установление этого порога необходимо для устранения эффекта низкой базы. Таким образом, группа стран, в которых происходило расширение или сжатие их конфессионального пространства, была сокращена в соответствии с данной установкой.

Расширение геопространств христианства и ислама в Африке происходило независимо друг от друга в территориальном отношении и обеспечивалось сжатием геопространства этнорелигий. Исключением является период с 1990 г., когда трансформация крупнейших религий Африки была приурочена к Судано-Сахельскому коридору, где этот процесс начался позже всего. В течение рассматриваемого в работе временного интервала – с 1910 по 2010 гг. – интенсивность процессов трансформации геопространств христианства и ислама постепенно замедлялись; это может свидетельствовать о том, что трансформация конфессионального пространства Африки в целом завершилась.

Расширение геопространств христианства и ислама, а также сжатие геопространства этнорелигий стало следствием изменения конфессиональной структуры населения стран Африки. Автором предложен принцип выделения типов конфессиональной структуры населения, который основывается на изменении доли замещаемой религии в модели религиозной конкуренции. Применительно к странам Африке выделено 16 типов конфессиональной структуры их населения, которые могут быть объединены в следующие группы: 1) доминирование одной религии; 2) доминирование одной религии со значительной долей другой; 3) доминирование одной религии со значительной долей двух религий; 4) паритет двух и более религий. Закономерность смены

типов конфессиональной структуры населения стран Африки указывает на центробежный многоядерный характер трансформации конфессионального пространства этого макрорегиона. Возникнув в первичных территориальных ячейках, христианство и ислам распространялись в соседние территории. Разнонаправленность расширения геопространств этих религий определяет сложный характер сжатия геопространства этнорелигий, которое изначально носило сплошной характер, а затем фрагментировалось.

Расширение геопространств ислама и христианства привело к сжатию геопространства этнорелигий – его большая часть отошла христианству (на юге), меньшая – исламу (на севере) – и обеспечивалась их крупнейшими направлениями. Ведущую роль в этом процессе сыграли те направления христианства и ислама, чья территориальная структура была менее инерционна. Увеличение внутррелигиозной мозаичности и в случае христианства, и в случае ислама сокращало время трансформации конфессионального пространства стран Африки. На это указывает снижение количества стран, в которых доминировало только одно направление мировых религий в течении изучаемого периода. В последнее двадцатилетие изучаемого периода динамика конфессионального пространства Африки замедлилась, а наиболее интенсивное взаимодействие крупнейших религий макрорегиона наблюдалось в зоне трансформации их геопространств, которая тяготеет к Судано-Сахельскому коридору.

Эмпирически установлено, что трансформация конфессионального пространства стран макрорегиона может, с некоторым временным лагом, вызывать конфликты. В настоящее время большая часть их них локализована в трех конфликтных зонах: Судано-Сахельском коридоре, периферии католического «домена», странах бассейна озера Чад. Возникающие здесь конфликты определяются логикой историко-географического развития конфессионального пространства Африки. Остальные факторы повышения конфликтности, по нашему мнению, представляют собой следствие развития территориальной структуры религий и их направлений.

Анализ развития конфессионального пространства Нигерии показал, что на протяжении всего рассматриваемого периода в пределах АТЕ этой страны протекала интенсивная трансформация геопространств крупнейших религий Африки. Территориальная динамика этих процессов была схожа с таковой на уровне макрорегиона в целом, но в то же время имела свои отличительные черты. В частности, в пределах АТЕ Нигерии установлены не только стадии расширения и стабилизации геопространств мировых религий, но и их сжатие – последнее было приурочено к диагонально вытянутому поясу штатов, в пределах которых наблюдалась трансформация геопространств христианства и

ислама. При этом трансформация геопространства ислама в XXI в. здесь происходила быстрее, чем в других странах Африки, а христианства – медленнее.

Сложившаяся территориальная структура конфессионального пространства Нигерии на фоне серьезных социально-экономических диспропорций между южными и северными штатами способствовала увеличению конфликтного потенциала этой страны. Большая часть возникающих религиозных конфликтов в настоящее время приурочена к северо-восточным штатам и может быть интерпретирована как ответная реакция геопространства ислама на активизацию миссионерской деятельности христианских церквей. При этом жестокость возникающих конфликтов в Нигерии повышается по мере движения на северо-восток, т.е. соответствует вектору расширения геопространства христианства.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Трансформация конфессионального пространства Африки проявляется в двух разнонаправленных процессах – расширении и сжатии геопространств отдельных религий. Неравномерность процессов трансформации конфессионального пространства макрорегиона определяют территориальная дифференциация природных, социально-экономических и политических условий распространения религий, а также особенности догматики и специфика миссионерской деятельности.
2. Расширение геопространств религий происходит на основе формирования миссионерских сетей, выступающих в качестве их опорного каркаса. Механизм развертывания этих сетей в пределах той или иной территории – по прибрежному, речному, внутриконтинентальному, караванному или сахельскому типу – определяется природными условиями, логикой ее хозяйственного и транспортного освоения.
3. Смена типов конфессиональной структуры населения стран Африки указывает на центробежный многоочаговый характер трансформации конфессионального пространства этого макрорегиона. Возникнув в первичных прибрежных ячейках, христианство и ислам распространялись на соседние территории, определяя характер сжатия геопространства этнорелигий – изначально сплошного, а затем фрагментированного.
4. Трансформация конфессионального пространства может, с некоторым временным лагом, приводить к возникновению новых или эскалации существующих религиозных конфликтов. В настоящее время большая часть из них локализована в Судано-Сахельском коридоре, где интенсивное взаимодействие геопространств христианства и ислама началось сравнительно недавно – с 90-х годов XX века, а также на периферии католического «домена» и странах бассейна озера Чад.

Данная работа носит в определенной степени пионерный характер и может стать основой для дальнейших исследований конфессионального пространства Африки. Наиболее перспективными направлениями исследования конфессиональной сферы стран Африки в рамках социально-экономической географии, на наш взгляд, может стать изучение динамики сети культовых и внекультовых сооружений разных религий, их направлений, течений и деноминаций. Отдельного внимания заслуживает проблема развертывания миссионерских сетей ислама и других религий. В связи с тем, что в исследовании преобладает количественный подход, который имеет ряд ограничений, представляется важным апробировать полученные результаты с помощью качественных методов на более низких территориальных уровнях. В частности, требуется дальнейшее изучение факторов и условий распространения религий, особенностей пространственных отношений религий в рамках модели религиозной конкуренции.

Список литературы

- Абрамова И.О.* Африканская трансграничная миграция // География мирового развития. Вып. 3: Сборник научных трудов / Под ред. Л.М. Синцерова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 230-244.
- Агафошин М.М., Горохов С.А.* Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // Балтийский регион. 2020. № 2. С. 84–99.
- Алексеев А.И., Савоскул М.С., Сафронов С.Г.* Отечественная география населения в постсоветский период: основные направления и тренды их развития // Региональные исследования. 2016. № 2. С. 55-65.
- Андреева Л.А.* Афрохристианская и афроисламская цивилизационные идентичности в Тропической Африке // Социальные исследования. 2016. № 2. С. 19-31.
- Атлас народов мира / Отв. ред. Брук С.И., Апенченко В.С. М.: Главное управление геодезии и картографии государственного геологического комитета СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо–Маклая Академии наук СССР, 1964. 184 с.
- Балабейкина О.А.* Конфессиональное зарубежное регионоведение как направление исследований // Регионоведение. 2020. № 1. С. 111–132.
- Белла Р.Н.* Социология религии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. Ред. и вступ. ст. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1972. С. 265-281.
- Борисов В.Н.* Микроэкономика. Т. 7 / Под ред. Челябинского Ю.В. СПб.: Экономическая школа, 2015. С. 1168-1171.
- Боякова С.И.* Освоение Арктики и народы Северо–Востока Азии (XIX в. – 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2001. С. 93-94.
- Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / пер. Ситников Б.А. М.: Весь мир, 2008. 549 с.
- Брук С.И.* Население мира: Этнодемографический справочник / Отв. ред. П.И. Пучков. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 832 с.
- Васильев А.М., Потапов А.А.* Конфликты в Африке // Страны Африки. Изд. 1-е. М., 2002. 704 с.
- Веденин Ю., Кулешова М.* Культурный ландшафт как объект наследия // Культурная география / науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: Институт наследия, 2001. С. 172-190.
- Герасименко Т.И.* Трансграничность как фактор этнокультурного и экономического развития // Известия Русского географического общества. 2005. Т. 137. № 1. С. 73-83.
- Гладкий Ю.Н.* Африка: проблемы регионального развития / Отв. ред. Ю.Д. Дмитриевский. Л.: Наука. Ленингр. Отд-ние, 1979. 392 с.
- Горнунг М.Б., Олейников И.Н.* Географическое изучение Африки в России / сборник Изучение Африки в России (дореволюционный период). М.: Наука, 1977. 188 с.
- Горнунг М.Б., Липец Ю.Г., Олейников И.Н.* История открытия и исследования Африки. М.: Мысль, 1973. 454 с.

- Горохов С.А.* География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
- Горохов С.А., Захаров И.А.* Конфессиональная дифференциация рождаемости в странах Тропической Африки // Материалы международной научной конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО) / Под общей редакцией А.Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. С. 150-155.
- Горохов С.А.* География религиозно-общинных конфликтов в Индии: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. М., 1999а. 16 с.
- Горохов С.А.* География религиозно-общинных конфликтов в Индии: дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. М., 1999б. 196 с.
- Горохов С.А.* Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: автореф. дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. М., 2017а. 46 с.
- Горохов С.А.* Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. М., 2017б. 394 с.
- Горохов С.А.* Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // Известия РАН. Серия географическая. 2012а. № 2. С. 21-30.
- Горохов С.А.* Куда перемещается центр роста глобального христианства? // Азия и Африка сегодня. 2012б. № 12 (665). С. 44-48.
- Горохов С.А.* Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX – начале XXI в. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012с. № 6. С. 107-116.
- Горохов С.А.* Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 6. С. 26-34.
- Горохов С.А., Дмитриев Р.В.* Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI в.: мир, регион, страна // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 85-90.
- Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А.* Территориальное развитие христианства в Африке в XX – начале XXI века // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 207-214.
- Горохов С.А., Захаров И.А.* Развитие конфессионального пространства Тропической Африки в XX – начале XXI в.: христианство, ислам, этнические религии // Цивилизационные альтернативы Африки. Сер. «Цивилизационные измерения» / Отв. ред. И.В. Следзевский. М.: Институт Африки РАН, 2017. С. 113-128.
- Горохов С.А., Христов Т.Т.* Религии народов мира. М.: КНОРУС, 2013. 424 с.
- Дмитревский Ю.Д.* Африка: Очерки экономической географии. М.: Мысль, 1975. 392 с.
- Дмитревский Ю.Д.* Географы в африкановедении // Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 2003. 391 с.
- Дмитриев Р.В.* Исламский экстремизм в районе бассейна озера Чад // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 92-107.
- Дмитриев Р.В., Захаров И.А.* Межобщинный конфликт в Нигерии как результат конфессиональной поляризации населения Африки // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. № 13. С. 109-116.

- Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: в 12 т. / Под общ. ред. П.П. Семенова. СПб.: Типография М.О. Вольф, 1881–1901. 6984 с.
- Захаров И.А. Динамика конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI в. // Человек: Образ и сущность. 2019а. № 1(36). С. 97–112.
- Захаров И.А. Роль миссионерских станций в распространении христианства в Северо-Западной Африке // Региональные исследования. 2018. № 4. С. 36–43.
- Захаров И.А. Роль христианских церквей в геоэкономическом и геополитическом соперничестве европейских держав на африканском континенте: XX – XXI вв. // Ученые записки Института Африки РАН. 2019б. № 4(62). С. 82–93.
- Захаров И.А. Факторы поляризации конфессионального пространства Эфиопии // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2016. № 4. С. 178–188.
- Захаров, И.А., Горохов, С.А., Дмитриев, Р.В. Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке. Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020а. Науки о Земле, 65 (4). <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.402>
- Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020б. Т. 84, № 3. С. 359–368.
- Заяц Д.В. Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма: дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. М., 1999. 222 с.
- Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
- История Сибири: Хрестоматия: учебное пособие. 2-е изд. / Под общ. ред. Г.А. Порхунова, Е.Е. Воложаниной. М.: ФЛИНТА, 2011. 160 с.
- Калуцков В.Н. Курс «География России» для регионоведов: подходы, принципы, реализация // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 96–104.
- Каргина И.Г. Картография современного религиозного разнообразия // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 34. С. 33–34.
- Климанова О.А., Козлов Д.Н. Формализованные подходы к оценке неопределенности географического районирования // Вестник Московского университета. Сер. Геогр. 2015. № 3. С. 3–11.
- Кодекс канонического права. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.
- Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: Институт Африки РАН, 2013. 458 с.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. № 2. С. 5–29.
- Криндач А.Д. География религии как научное направление // Известия АН СССР. Серия географическая 1992. № 3. С. 63–69.
- Куббель Л.Е. К истории этнографического изучения Африки в России // Изучение Африки в России: дореволюционный период: Сборник статей / Отв. ред. А.Б. Давидсон, Г.А. Нерсесов. М.: Наука, 1977. С.100–119.

- Лепетухин Н.В.* Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы второй половины XIX – начала XX веков: Ж.А. Гобино, Г. Лебон, Х.С. Чемберлен. Иваново: ПресСто, 2013. 148 с.
- Лидер «Боко Харам» присягнул на верность «Исламскому государству» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2015/03/08/haram/> (дата обращения: 17.03.2015).
- Ломоносов М.В.* О сохранении русского народа / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 848 с.
- Любичанковский А.В.* Этнологическая детерминанта локализации террористической опасности в мире // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С.153-158.
- Мальшева Д.Б.* Религия и политика в странах Восточной Африки. М.: Наука, 1974. 168 с.
- Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50-ти тт. 2-е изд. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974. 512 с.
- Маслова Е.А.* Италия – Ливия: сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Научный диалог. 2012. № 4. С. 86-96.
- О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и советского государства [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history.org.ua/LiberUA/978-966-02-5213-4/9.pdf> (дата обращения: 19.04.2018).
- Панин Е.М.* Исламская ось Великого Лимитрофа // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 2. С. 15-30.
- Покровский И.М.* Русские епархии в XVI-XIX вв. Их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань: Издательство типолитогр. имп. ун-та, 1897. 605 с.
- Полян П.М.* Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый Хронограф, 2014. 788 с.
- Президент Нигерии Мухаммаду Бухари [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/48minut/1525994-echo/> (дата обращения: 15.04.2015).
- Прищепова В.А.* К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина – художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН) // Антропологический форум. № 15. 2011. С. 608-649.
- Пучков П.И.* Современная география религий. М.: Наука, 1975. 182 с.
- Пучков П.И., Казьмина О.Е.* Религии современного мира. Догматика. Обрядность. Организационное устройство. География. М.: Изд-во УРАО, 1998. 184 с.
- Пучков П.И., Казьмина О.Е.* Религиозные организации современного мира: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 368 с.
- Региональная статистика: учебник / Отв. ред. Рябцев В.М., Чудилин Г.И. М.: ООО «Московский издательский дом», 2001. 380 с.
- Религиоведение: словарь / Е.С. Элбакян. М.: Академический Проект, 2007, 637 с.
- Родман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерк теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.

- Сафронов С.Г.* Географические аспекты изучения религиозной сферы России: дисс. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. М., 1998. 200 с.
- Сафронов С.Г.* Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России // Региональные исследования. № 4 (42). 2013. С. 87-99.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Политические исследования. 2012. № 2. С. 31-46.
- Синцеров Л.М.* Географические аспекты международной миграции населения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2017. № 4. С. 57-64.
- Следзевский И.В.* Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Глобалистика и футурология. 2011. № 2. С. 141-156.
- Стрелецкий В.Н.* Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственные структуры и сдвиги в конце XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 2. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Л.М. Синцеров. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 442-459.
- Супрунчук И.П.* Полимасштабный пространственно-временной анализ террористической деятельности: дис. ... канд. географ. наук: 25.00.24. Ставрополь, 2015. 193 с.
- Тархов С.А.* Транспортная освоенность территории // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2018. № 2. С. 3-9.
- Тишков В.А.* Этнические конфликты в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / Отв. ред. Е.И. Степанов. Вып. 2. Ч. 1. М.: ИС РАН, 1992.
- Токарев С.* Ранние формы религий и их развитие / под общ. ред. В.П. Алексеева. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. 711 с.
- Федюкова А.А.* Роль и место Голландской Реформаторской Церкви в Южной Африке в XVII–XIX вв. // Материалы конференции «XII Школа молодых африканистов» / Под ред. Н.А. Жерлицыной. М.: Институт Африки РАН, 2017. С. 335-337.
- Фитуни Л.Л.* После ИГИЛ: «Джихадистский этатизм» в стратегической перспективе // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 19-23.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2003. 608 с.
- Ходжсон М.* История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней / пер. с англ. Гордиенко А.Б., Матвеева И.К., Шевченко Н.В. М.: Эксмо, 2013. 3060 с.
- Центр цивилизационных и региональных исследований [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inafran.ru/node/23> (дата обращения: 14.12.2016).
- Черная Африка: прошлое и настоящее: Уч. пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки / под ред. А.С. Балезина, С.В. Мазова, И.И. Филатовой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 704 с.
- Чернышева О.* Миссионерская деятельность шведских христианских общин // Современная Европа. Журнал общественно политических исследований. 2015. № 4. С.127-137.
- Шпажников Г.А.* Религии стран Африки. Справочник. М.: Наука, 1981. 365 с.
- Яблоков И.Н.* Религиоведение: учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. 317 с.

- ACLED. Africa 1997 – Present (Data through 12 May 2018) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.acleddata.com/download/2909/> (дата обращения: 16.12.2017).
- ACLED. Codebook Armed Conflict Location and Event Data Project [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.acleddata.com/download/2827/> (дата обращения 16.12.2017).
- ACLED. Definitions of Political Violence and Protest [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.acleddata.com/wp-content/uploads/2017/12/ACLED-Definitions-of-Political-Violence-and-Protest_FINAL.pdf (дата обращения: 01.03.2017).
- Afrobarometer data R1 Nigeria, 2017 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afrobarometer.org/> (дата обращения: 19.02.2018).
- Afrobarometer data R2 Nigeria, 2003 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afrobarometer.org/> (дата обращения: 19.02.2018).
- Afrobarometer data R2 Nigeria, 2012 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afrobarometer.org/> (дата обращения: 19.02.2018).
- Afrobarometer data R2 Nigeria, 2015 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afrobarometer.org/> (дата обращения: 19.02.2018).
- Afrobarometer data R3 Nigeria, 2005 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afrobarometer.org/> (дата обращения: 19.02.2018).
- Airey T.* The Impact of Road Construction on the Spatial Characteristics of Hospital Utilization in the Meru District Kenya // *Social Science & Medicine*. 1992. Vol. 34. P. 1135-1346.
- Al-Jazeera. Six million Muslims Leaving Islam Every Year in Africa: Interview with Sheikh Ahmad al Katani [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://muslimstatistics.wordpress.com/2012/12/14/al-jazeera-6-million-muslims-convert-to-christianity-in-africa-each-year/> (дата обращения: 02.12.2016).
- Allen J.L.* Evangelicals Look to 10/40 Window [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncronline.org/blogs/all-things-catholic/evangelicals-look-1040-window> (дата обращения: 19.04.2017).
- Allen T.* Understanding Alice: Uganda's Holy Spirit Movement in Context // *Africa: Journal of the International African Institute*. 1991. Vol. 61. No. 3. P. 370-399.
- Anderson A.* Evangelism and the Growth of Pentecostalism in Africa: a Lecture at the Center for Missiology and World Christianity, University of Birmingham, UK. 2000 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YdV8ZV6-Oi0> (дата обращения: 17.09.2017).
- Annuario Pontificio. Per l'Anno. 1868. Roma: Tipografia Della R.S.A. 1868. 2623 p.
- Annuario Pontificio. Per l'Anno. 1924. Vaticano: Tipografia Poliglotta Vaticano.1924. 2389 p.
- Annuario Pontificio. Per l'Anno. 1948. Vaticano: Tipografia Poliglotta Vaticano.1948. 2102 p.
- Aradeon S.B.* Al-Sahili: the Historian's Myth of Architectural Technology Transfer from North Africa // *Journal des Africanistes*. 1989. V. 59. P. 99-131.
- Atlas of Global Christianity. 1910–2010 / Eds. Т.М. Johnson, К.Р. Ross. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 382 p.
- Atlas Showing Mission Field of the Christian and Missionary Alliance. NY.: The Christian and Missionary Alliance. 1924. 110 p.

- Au S.* Medical Orders: Catholic and Protestant Missionary Medicine in the Belgian Congo 1880–1940 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bmg-n-lchr.nl/articles/10.18352/bmg-n-lchr.10309/> (дата обращения: 04.05.2018).
- Ball J.* The History of Angola, в Oxford Research Encyclopedia of African History [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277734.013.180> (дата обращения: 23.12.2017).
- Barrett D.B., Kurian T.K., Johnson T.M.* World Christian Encyclopedia: a Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World. 2nd ed. Vol. 1. New York: Oxford University Press, 2001. 888 p.
- Beach H.P., Fahs C.H., Bartholomew J.* World Missionary Atlas. Edinburgh.: Institute of Social and Religious Research. 1925. 251 p.
- Boko Haram May Have Displaced Over a Million in Nigeria [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/news-and-views/press-briefing-notes/pbn-2015/pbn-listing/boko-haram-may-have-displaced-ov.html> (дата обращения: 03.03.2015).
- Brown D., James P.* Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries Only [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp> (дата обращения: 02.08.2016).
- Bush L.* Raising Up a New Generation from 4-14 Window, 2013 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20131014192631/http://www.4to14window.com/wp-content/uploads/2013/06/4-14%20Window%20Booklet%20Full%20Resolution.pdf> (дата обращения: 15.02.2017).
- Bush L.* The 10/40 Window: Getting to the Core of the Core, 2009 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ad2000.org/1040broc.htm> (дата обращения: 13.05.2018).
- Büttner M.* On the History and Philosophy of the Geography of Religion in Germany // Religion. 1980. Vol. 10. No 1. P. 86-119.
- Büttner M.* Religion and Geography: Impulses for a New Dialogue between Religionswissenschaftlern and Geographers // Numen. 1974. Vol. 21. Is. 3. P. 163-196.
- Cabrita J.* Christian history and historiography [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://africanhistory.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-302> (дата обращения: 15.05.2016).
- Cage J., Rueda V.* The Devil is in the Detail: Christian Missions' Heterogeneous Effects on Development in Sub-Saharan Africa [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://voxeu.org/article/christian-missions-and-development-sub-saharan-africa> (дата обращения: 16.05.2016).
- Campbell J.* Boko Haram: Origins, Challenges and Responses, 2014 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.files.ethz.ch/isn/184795/5cf0ebc94fb36d66309681cda24664f9.pdf> (дата обращения: 18.03.2016).
- Carney J.J.* Making Disciples of all Nations: Adaptation and Christian Civilization in the Missiological Thought of Charles Lavigerie. Chestnut Hill, Mass.: Theology Dept., Boston College, 2007. P. 1-12.
- Christianity in its Global Context, 1970–2020: Society, Religion, and Mission. South Hamilton: Center for the Study of Global Christianity, 2013. 92 p.
- Cobbinah P., Korah I.* Religion Gnaws Urban Planning: the Geography of Places of Worship in Kumasi, Ghana // International Journal of Urban Sustainable Development. 2015. № 2. P. 1-17.

- Crowder M.* The Cambridge History of Africa, Vol. 8, 1940–1975. / Ed. by J.D. Fage, A. D. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 977 p.
- Crowley W.K.* Old Order Amish settlements: Diffusion and Growth // *Annals of the Association of American Geographers*. 1978. № 2. P. 249-264.
- Davidson B.* Great Ages of Man: African Kingdoms. NY.: Time-Life Books, 1971. 192 p.
- Development Without Freedom. How Aid Underwrites Repression in Ethiopia, 2010 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2010/10/19/development-without-freedom/how-aid-underwrites-repression-ethiopia> (дата обращения: 03.02.2018).
- Dmitriev R., Zakharov I.* Inter-Communal Conflict in Nigeria as a Result of Religious Polarisation of the African Population // *African Studies in Russia. Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Yearbook 2014–2016.* / ed. by R.V. Dmitriev. Moscow: IAfr., 2017. P. 59-65.
- Dmitriev R.V., Gorokhov S.A., Zakharov I.A.* Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions // *Filosofia Theoretica: Journal of African Philosophy, Culture and Religions*. 2020. № 9. P. 47–62.
- Don't Include Religion, Ethnicity in Nigeria's 2016 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.premiumtimesng.com/news/161557-dont-include-religion-ethnicity-nigerias-2016-census-ibb-tells-commission.html> (дата обращения: 06.03.2015).
- El Niño: Food Security Cluster Partner Preparedness & Response [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Partner%20Preparedness%20%20Response%20to%20El%20Niño%20by%20FSC.pdf> (дата обращения: 14.02.2016).
- Elbadawo I., Sambanis N.* Why are There So Many Civil Wars in Africa? Understanding and Preventing Violent Conflict [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/DEC/Resources/warsinAfrica.pdf> (дата обращения: 04.03.2018).
- Fickeler P.* Grundfragen der Religionsgeographie // *Erdkunde*. 1947. Vol. 1. P. 121-144.
- Flashback 1984: Portrait of a famine [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/703958.stm> (дата обращение: 03.03.2016).
- Friedrich E.* Religionsgeographie Chiles. Pet. Mitt, 1917. P. 183-186.
- Galadima B., Turaki Y.* Christianity in Nigeria. Part 1 // *Africa Journal of Evangelical Theology*. 2001. Vol. 20. № 1. P. 85-101.
- Gebel W.* Der Islam: die Religion der Wüste. Breslau: G.P. Aderholz' Buchhandlung, 1922. P. 104-133.
- Geographic Midpoint Calculator [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geomidpoint.com/> (дата обращения: 13.04.2016).
- Ghana Railway Corporation [электронный ресурс]. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20061012093029/http://www.mrt.gov.gh/agency_info/agencies.asp?agency=AG18§or=RT (дата обращения: 17.06.2018).
- Giga-Catholic Information [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gcatholic.org/dioceses/mapregionF.htm> (дата обращения: 15.01.2018).
- Giroux J., Lanz D., Sguaitamatti D.* The Tormented Triangle: The Regionalisation of Conflict in Sudan, Chad and The Central African Republic // *Working Papers. Reginal and Global Axes of Conflict*. 2009. № 47. P. 2-24.

- Global Christianity. A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec/> (дата обращения: 21.03.2016).
- Global Terrorism Database [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 16.12.2017).
- Good C. Pioneer Medical Missions in Colonial Africa // *Social Science & Medicine*. 1991. Vol. 32. Is. 1. P. 1-10.
- Grande Atlante Geografico de Agostini / Ed. by L. Visintin. Novara: Istituto Geografico De Agostini, 1952. 496 p.
- Greenfield S.M., Droogers A.F.* Reinventing Religions: Syncretism and Transforming in Africa and Americas. 6th ed. Md: Rowman & Littlefield, 2001. 270 p.
- Grossman H.* The Beginnings of Capitalism and the New Mass Morality // *Journal of Classic Sociology*. 2006. Vol. 6. Is. 2. P. 201-213.
- Hancock M., Srinivas S.* Spaces of Modernity: Religion and the Urban in Asia and Africa // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2008. Vol. 32. № 3. P. 617-630.
- Harrison C.* France & Islam in West Africa, 1860–1960 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/books/france-and-islam-in-west-africa-18601960/86A1B881D61B013667C7DF10B811054A> (дата обращения: 20.06.2018).
- Hastings A.* The Church in Africa 1450–1950 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/0198263996.001.0001/acprof-9780198263999> (дата обращения: 06.07.2016).
- Hirschman A.O.* The Paternity of an Index // *The American Economic Review*. 1964. Vol. 54. Is. 5. P. 761-762.
- Holger B.* Religion and Politics in East Africa: the Period of Independence. L.: James Currey, 1995. 292 p.
- Horowitz D.L.* Patterns of Ethnic Separatism // *Comparative Studies in Society and History*. 1981. Vol. 23. № 2. P.165-195.
- Idowu E.B.* African Traditional Religion: A Definition. London: SCM Press Ltd, 1973. 278 p.
- Ingrams W.H.* Zanzibar: its History and its People. Abingron: Routledge, 1967. 431 p.
- Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism, IEP Report. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/02/Global-Terrorism-Index-2016.pdf> (дата обращения: 16.12.2017).
- Isaac E.* The Act and the Covenant: The Impact of Religion on the Landscape // *Landscape*. 1961-62. Vol. 11 (2). P. 12-17.
- Johnson T.M., Crossing P.F.* Christianity 2014: Independent Christianity and Slum Dwellers // *International Bulletin of Missionary Research*. 2014. Vol. 38. No. 1. P. 2-29.
- Johnson T.M., Zurlo G.A., Hickman A.W., Crossing P.F.* Christianity 2015: Religious Diversity and Personal Contact // *International Bulletin of Missionary Research*. 2015. Vol. 39. No. 1. P. 28-29.
- Josenhans J.* Atlas der Evangelischen Missions. Basel: Evangelischen Missions Gesellschaft zu Basel, 1859. 126 p.

- Joshua Project [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://joshuaproject.net> (дата обращения 08.05.2017)
- Keckermann B.* Systema Geographicum. Hanoviae: Antonius, 1611. 192 p.
- Kettani H.* The World Muslim Population, History & Prospect. Singapore: Research Publisher, 2014. 584 p.
- King L.L.* Missionary Atlas. A manual of the Foreign Work of the Christian and Missionary Alliance. Harrisburg.: Christian Publications, Inc., 1964. 213 p.
- Koehler B.* Early Islam and the Birth of Capitalism. Lanham, MD: Lexington, 2014. 231 p.
- Kong L.* Geography and religion: trends and prospects // Progress in Human Geography. 1990. Vol. 14. Is. 3. P. 355-371.
- Kong L.* Global shifts, theoretical shifts: Changing Geographies of Religion // Progress in Human Geography. 2010. № 34 (6). P. 755-776.
- Kuran T.* The Genesis of Islamic Economics: A Chapter in the Politics of Muslim Identity // Social Research. 2008. Vol. 64. № 2. P. 301-338.
- Lapidus I.M.* Islam in West Africa: A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge University press, 2012. 405 p.
- Latitude / Longitude Distance Calculator [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nhc.noaa.gov/gccalc.shtml> (дата обращения 21.09.2018)
- Letter from King Leopold II of Belgium to Colonial Missionaries, 1883 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fafich.ufmg.br/luarnaut/Letter%20Leopold%20II%20to%20Colonial%20Missionaries.pdf> (дата обращения: 18.02.2018).
- Lexalgeria. Le portail du Droit Algeria. Droit de la Famille [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20040623101746/http://www.lexalgeria.net/droitdelafamille.htm> (дата обращения: 15.10.2017).
- Liibaan: A Somali Martyr [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://somalichristians.org/liibaan-a-somali-martyr/> (дата обращения: 16.10.2017).
- Lumbe J.M.* Origins and Growth of Pentecostal and Neo-Pentecostal Church Movements in Zambia Between 1989-2000 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uir.unisa.ac.za/bitstream/handle/10500/1488/dissertation.pdf?sequence=1> (дата обращения: 22.06.2018).
- Metz C.H.* Sudan: A Country Study / Ed. by Harold D. Nelson. Washington, D.C.: Federal Research Division, 1928. 304 p.
- Michalopoulos S., Naghavi A., Prarolo G.* Trade and Geography in the Origins and Spread of Islam // Working Paper, Brown University, Department of Economics. 2012. № 12. P. 3-39.
- Miller D.A., Johnstone P.* Believers in Christ from a Muslim Background: A Global Census // Interdisciplinary Journal of Research on Religion. 2015. Vol. 11. P. 197-216.
- Moody J.* Cameroon – October 2017 Update [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.acleddata.com/2017/10/09/cameroon-october-2017-update/> (дата обращения 18.10.2017).
- Muraya P.* Missionary Work in Kenya and African Response: Implication for Pastoral Care with Young Adults [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/343c/0151c2bd7356d6e79bccdf85d750d4eb48b3.pdf> (дата обращения: 18.09.2017).
- Neander M.* Orbis Terrae Partium Succincta Explication. Leipzig: Eisleben, 1583. 368 p.

- Nigerians Vote in Presidential Elections [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-africa-13102541> (дата обращения: 18.02.2018).
- Nxumalo J.A.* Christ and Ancestors in the African World: A Pastoral Consideration // *Journal of Theology for Southern Africa*. 1980. № 32. P. 3-21.
- Olupona J.* African Religions: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2014. 152 p.
- Operation World [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://operationworld.org>, (дата обращения 08.05.2017).
- Oromo Liberation Front [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oromoliberationfront.org/english/> (дата обращения: 03.02.2018).
- Ostien P.* Percentages by Religion of the 1952 and 1963 Populations of Nigeria's Present 36 States // *Nigeria Research Network. NRN Background Paper*. 2012. No. 1. 14 p.
- Park C.* Religion and Geography. London: Routledge, 2004. P. 2-29.
- Park C.* Sacred Worlds: An Introduction to Geography and Religion. London: Routledge. 1994. 332 p.
- Princeton N.J.* Church Missionary Society. The Church Missionary Atlas. London: Gilbert and Rivington Printers, 1879. 234 p.
- Q&A: Nigeria Elections, 2011 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12941582> (дата обращения: 14.04.2016).
- Rawlikova-Vilhanova V.* The Role of Early «Missionaries of Africa» or «White Fathers» in the Study and Development of African Languages // *Asian & African studies*. 2011. Vol. 20. № 2. P. 267-288.
- Recent Reports Regarding the Treatment of Persons Who Convert from Islam to Christianity. Recent Reports on Sharia Law in Relation to Religious Conversion, 2012 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.refworld.org/docid/50068bbf2.html> (дата обращения: 03.02.2018).
- Revenge in the Name of Religion. The Cycle of Violence in Plateau and Kano States, 2005 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2005/05/25/revenge-name-religion/cycle-violence-plateau-and-kano-states> (дата обращения: 17.04.2017).
- Roberts A.D.* The Cambridge History of Africa. Vol. 7. 1905 to 1940. / Ed. by A.D. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 1063 p.
- Rodd F.K.* Queen of the Berbers: A Sketch of the Arab Invasion of Ifriqiya in the First Century of the Hijra // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1925. Vol. 3. Is. 4. P. 729-746.
- Roland O.* The Cambridge History of Africa. Vol. 6. 1870-1905. / Ed. by Roland O. and G.N. Sanderson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 956 p.
- Rubin R., Barnett R., Armstrong A., Ntegeye G.* Conceptual Overview of the Origin, Structure, and Dynamics of Regional Conflict Formations. Draft Discussions paper for the Conference on Regional Conflict Formation in the Great Lakes Region of Central Africa: Structure, Dynamics and challenges for Policy. Nairobi, Kenya. 2001.
- Schroeder J.R.* Islam vs. the West. Why the Clash of Civilization? [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ucg.org/the-good-news/islam-vs-the-west-why-the-clash-of-civilizations> (дата обращения: 21.06.2018).

- Selhausen F.M.* Tracing the Origins and Consequences of Christian Missionary Activities in Africa [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://microform.digital/boa/collections/39/articles/5/tracing-the-origins-and-consequences-of-christian-missionary-activities-in-africa%0D> (дата обращения: 17.08.2017).
- Sherrer C.P.* Genocide and Crisis in Central Africa: Conflict Roots, Mass Violence, and Regional Wars. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC, 2002. 440 p.
- Snead C.A.* Missionary Atlas. A Manual of the Foreign Work of the Christian and Missionary Alliance. Harrisburg: Christian Publications, Inc., 1936. 127 p.
- Snead C.A.* Missionary Atlas. A Manual of the Foreign Work of the Christian and Missionary Alliance. Harrisburg: Christian Publications, Inc., 1950. 155 p.
- Sopher D.* Geography of Religions. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. 128 p.
- Stanley B.* The World Missionary Conference, Edinburgh 1910. Cambridge: Grand Rapids. 352 p.
- Stieler A., Haack H.* Stielers Hand-Atlas. Gotha.: Justus Perthes, 1945. 254 p.
- Stump R.* The Geography of Religion – introduction // Journal of Cultural Geography. 1986. № 7 (1). P. 1-4.
- Taaffe E.J., Morrill R.L., Gould P.R.* Transport Expansion in Underdeveloped Countries: A Comparative Analysis // Geographic Review. 1963. № 53. P. 503-529.
- Ten Long Years. A Briefing on Eritrea's Missing Political Prisoners, 2011 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2011/09/22/ten-long-years/briefing-eritreas-missing-political-prisoners> (дата обращения: 03.02.2018).
- Terrorist Organization Profile: Lord's Resistance Army (LRA) [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/baad/database> (04.02.2018).
- The Catholic Encyclopedia. Vol. 8. NY: Robert Appleton Company. Nihil Obstat, 1910. 764 p.
- The Fulani Ethnic Militia in Nigeria, 2018 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.acleddata.com/wp-content/uploads/2018/03/Fulani.png> (дата обращения: 15.05.2018).
- The Future of Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2011. 209 p.
- The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2015. 245 p.
- The Global Religious Landscape. A Report on the Size and Distribution of the World's Major Religious Groups as of 2010. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2012. 82 p.
- The Philosophy of Colonialism: Civilization, Christianity, and Commerce [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scholarblogs.emory.edu/violenceinafrica/sample-page/the-philosophy-of-colonialism-civilization-christianity-and-commerce/> (дата обращения: 17.10.2017).
- The Risk of Return. Repatriating the Displaced in the Context of Conflict in Eastern Chad, 2009 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2009/06/19/risk-return/repatriating-displaced-context-conflict-eastern-chad> (дата обращения: 03.02.2018).
- Threat Tactics Report (TTR) // Intelligence Community. Analytical Standarts. 2015. № 2003 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://info.publicintelligence.net/USArmy-VokoHaram.pdf> (дата обращения: 18.09.2017).

- Tuan Y.-F.* Discrepancies Between Environmental Attitudes and Behavior: Examples from Europe and China // *Canadian Geographer*. 1968. № 12. P. 176-191.
- Tuan Y.-F.* Humanistic Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. P. 266-276.
- Tull D.M.* Separatism in Africa. The Secession of South Sudan and Its (Un-)likely Consequences // *SWP. Stifting Wissenschaft und Politik*. 2011. № 6. P. 1-4.
- Umoh D.* Superstition and Syncretism: Setbacks to Authentic Christian Practice in Africa // *International Journal of Humanities and Social Science Invention*. 2013. Vol. 2. Is. 71. P. 32-40.
- UN: Narrative summaries of reasons for listing. Jama'atu Ahlis-Sunna Lidda'awati Wal-Jihad (Boko Haram) [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/jama%27atu-ahlis-sunna-lidda%27awati-wal-jihad-%28boko (дата обращения: 19.10.2016).
- Varenius B.* Descriptio Regni Iaponiae. Amsterdam: Ludovicus Elzevirus, 1649. 320 p.
- Vedenin Yu.A., Sidorova V.J.* Geogratia Actual de las Confesiones Religiosasen Russia // *Publicadoen Estudios Geograficos*. 1991. L. II, 204. P. 47-56.
- Voegelin E.* Die Politischen Religionen. München: Wilhelm Fink, 1993 [1938]. 71 p.
- Wallenstein P., Sollenberg M.* Armed Conflict and Regional Conflict Complexes, 1989–1997 // *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35. № 5. P. 621-634.
- Walther O., Retaillé D.* Sahara or Sahel? The Fuzzy Geography of Terrorism in West Africa [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1803996> (дата обращения: 18.09.2017).
- Walther O.J.* A Mobile Idea of Space. Traders, Patrons and the Cross-Border Economy in Sahelian Africa // *Journal of Borderlands Studies*. 2009. № 21. P. 34-46.
- Walther O.J., Leuprecht C.* Mapping and Deterring Violent Extremist Networks in North-West Africa // *Department of Border Region Studies Working Paper*. 2015. Ser. 4. P. 1-33.
- We Stood, They Opened Fire. Killings and Arrests by Sudan's Security Forces during the September Protests, 2014 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2014/04/21/we-stood-they-opened-fire/killings-and-arrests-sudans-security-forces-during>. (дата обращения: 03.02.2018).
- Weber M.* The Sociology of Religion / trans. Ephraim F.. Boston: Beacon Press, 1968. 384 p.
- Westoff C.F., Bietsch K.* Religion and Reproductive Behavior in Sub-Saharan Africa. DHS Analytical Studies No. 48. Rockville: ICF International, 2015. 26 p.
- WIN-Gallup International Global Index of Religiosity and Atheism, 2012 [электронный ресурс]. Режим доступа: www.gallup-international.com (дата обращения: 13.05.2017).
- World Christian Database [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.worldchristiandatabase.org/wcd/> (дата обращения: 15.05.2017).
- World Fertility Pattern 2015, Data Booklet [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/fertility/world-fertility-patterns-2015.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).
- World Population Prospects 2017 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/> (дата обращения: 10.10.2017).
- Zadeh T.* Mapping Frontiers Across Medieval Islam: Geography, Translation and the 'Ab-bāsid Empire. London: Department of Religious Studies I.B. Tauris, 2011. 316 p.

Приложения

Приложение А.

Шкала оценки меры существенности различий структур по значению индекса Рябцева

Интервал значений индекса	Характеристика меры структурных различий
0,000-0,030	Тождественность структур
0,031-0,070	Весьма низкий уровень различий структур
0,071-0,150	Низкий уровень различий
0,151-0,300	Существенный уровень различий
0,301-0,500	Значительный уровень различий
0,501-0,700	Весьма значительный уровень различий
0,701-0,900	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Полная противоположность структур

Источник: [Региональная статистика].

Приложение Б.

Значение индекса структурных различий Рябцева для религиозных общин Африки в 1910–2010 гг.

Религия	Колониальный этап	Постколониальный этап	1910–2010
Христианство	0,371	0,140	0,462
Католицизм	0,484	0,080	0,498
Восточное христианство	0,080	0,010	0,090
Протестантизм	0,369	0,237	0,591
Реформатство	0,162	0,524	0,600
Англиканство	0,482	0,233	0,729
Пятидесятничество	0,772	0,160	0,850
Методизм	0,288	0,180	0,384
Лютеранство	0,422	0,408	0,802
Баптизм	0,363	0,378	0,636
Маргинальный протестантизм	0,975	0,108	0,957
Адвентисты	0,621	0,342	0,651
Мультиденоминационные протестанты	0,892	0,359	0,871
Анабаптизм	0,677	0,215	0,772
Ислам	0,119	0,108	0,197
Суннизм	0,117	0,090	0,165
Шиизм	0,117	0,865	0,895
Ахмадийя*	0,180	0,574	0,518
Ибадизм	0,088	0,319	0,312
Этнорелигии	0,208	0,211	0,299
Иудаизм	0,595	0,130	0,734
Бахаизм	0,997	0,486	0,995
Индуизм	0,197	0,254	0,360
Буддизм	0,528	0,673	0,235
Религии «нового века»	0,497	0,525	0,725
Нерелигиозное население	0,485	0,663	0,279

* Рассчитано для периода 1930–1970 и 1930–2010.

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Приложение В.

Значение индекса Херфиндаля–Хиршмана для религиозных общин Африки за 1910, 1970 и 2010 гг.

Религия	1910	1970	2010
Этнорелигии	672	539	642
Христианство	1301	783	742
Католицизм	870	811	820
Восточное христианство	5694	6121	6122
Протестантизм	2370	1120	905
Реформатство	4835	3056	985
Англиканство	4403	1965	2545
Пятидесятничество	5391	1785	1212
Методизм	6316	2360	1750
Лютеранство	6673	2132	2025
Баптизм	2390	1619	1849
Маргинальный протестантизм	6725	5824	4000
Адвентисты	1911	894	915
Мультиденоминационные протестанты	10000	6973	3790
Анабаптизм	6162	2134	1797
Ислам	1233	1072	846
Суннизм	1262	1115	894
Шиизм	2416	1931	3140
Ахмадийя	–	4356	1838
Ибадизм	2899	3227	2931
Иудаизм	2420	3893	3833
Бахаизм	4833	1807	990
Индуизм	4423	3189	1992
Буддизм	5643	1813	4087
Религии «нового века»	10000	2878	1640
Нерелигиозное население	4063	1489	1732

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Приложение Г.

Основные характеристики движения демографических центров религий в Африке в колониальный и постколониальный этапы

Религия	Колониальный этап		Постколониальный этап	
	S, км	V, км/год	S, км	V, км/год
Христианство	661,90	11,0	173,40	4,3
Ислам	365,72	6,1	279,35	7,0
Этнорелигии	229,35	3,8	132,47	3,3
Иудаизм	4692,64	78,2	1049,88	26,2
Бахаизм	5022,50	83,7	474,70	11,9
Индуизм	780,86	13,0	569,55	14,2
Буддизм	4187,73	69,8	1291,00	32,3
Новые религии	2550,72	42,5	895,78	22,4
Нерелигиозные	1051,11	17,5	755,76	18,9

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Приложение Д.

Основные характеристики движения демографических центров направлений христианства в Африке в колониальный и постколониальный этапы

Направление христианства	Колониальный этап		Постколониальный этап	
	S, км	V, км/год	S, км	V, км/год
Католицизм	1042,83	17,4	180,80	2,7
Пятидесятничество	2275,58	37,9	273,02	6,8
Англиканство	1542,99	25,7	703,66	17,6
Восточное христианство	251,54	4,2	29,47	0,7
Реформатство	626,53	10,4	1337,3	33,4
Баптизм	1086,38	18,1	567,27	14,2
Лютеранство	1262,82	21,0	1205,94	30,1
Маргинальный протестантизм	2597,58	43,3	107,12	2,7
Методизм	933,29	15,6	910,50	22,8
Адвентизм	839,47	13,9	466,5	11,7
Мультиденоминационный протестантизм	2081,71	34,7	1270,15	31,8
Анабаптизм	2091,48	34,9	511,13	12,8
Протестантизм в целом	1049,34	17,5	494,24	12,4

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Приложение Е.

Основные характеристики движения демографических центров направлений ислама в Африке в колониальный и постколониальный этапы

Направление ислама	Колониальный этап		Постколониальный этап	
	S, км	V, км/год	S, км	V, км/год
Суннизм	346,02	5,8	171,26	4,2
Шиизм	806,46	13,4	1243,37	31,1
Ахмадийя	222,53	5,6	1498,98	37,4
Ибадизм	992,99	16,5	522,42	13,1

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Иллюстрации

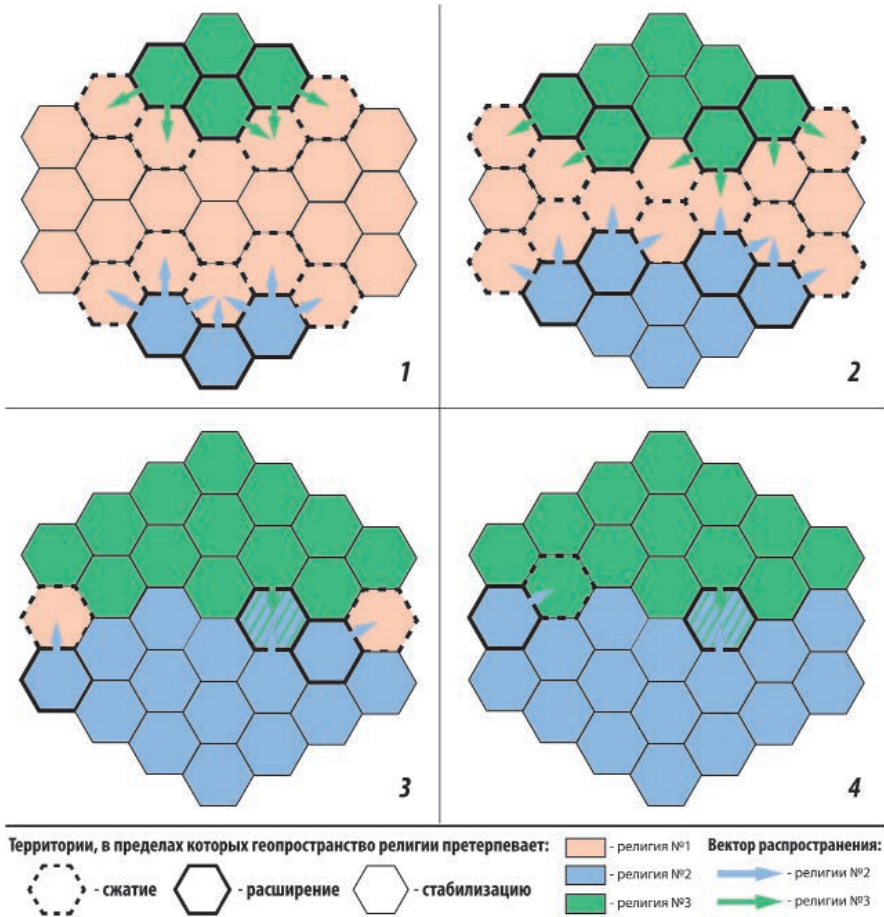

Рисунок 1.

Схема трансформации конфессионального геопространства.

Составлено автором

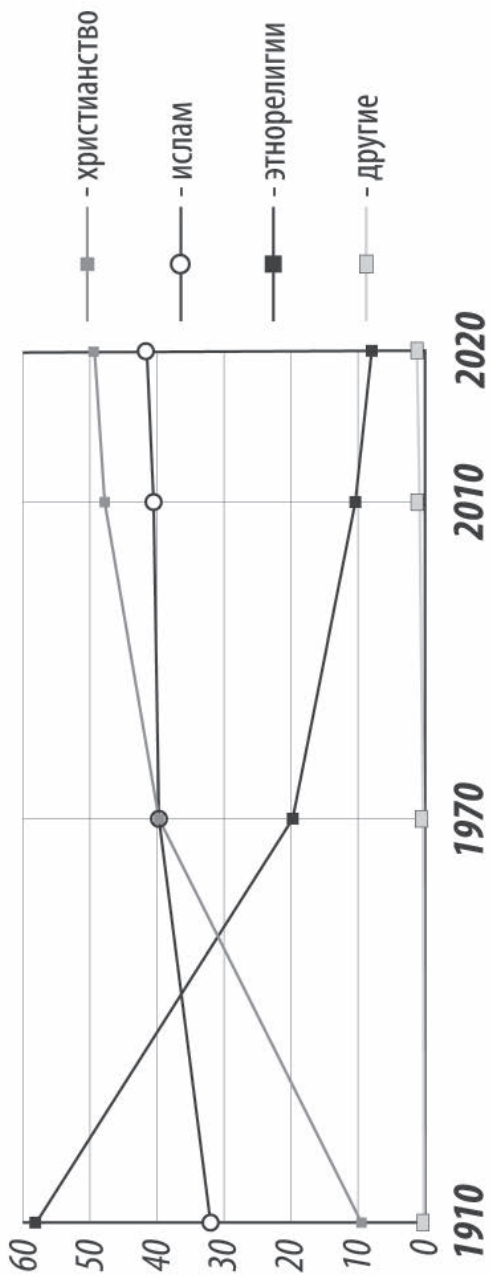

Рисунок 2.

Динамика конфессиональной структуры населения Африки, 1910–2010 гг. (%).

Составлено автором по: [Atlas ..., 2009]

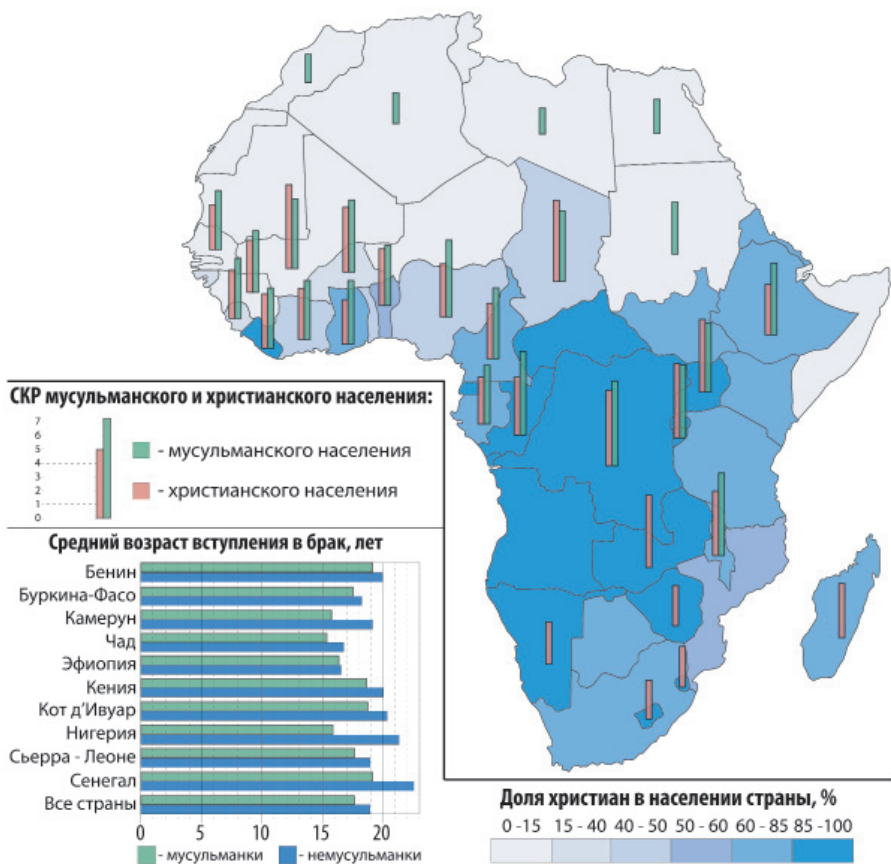
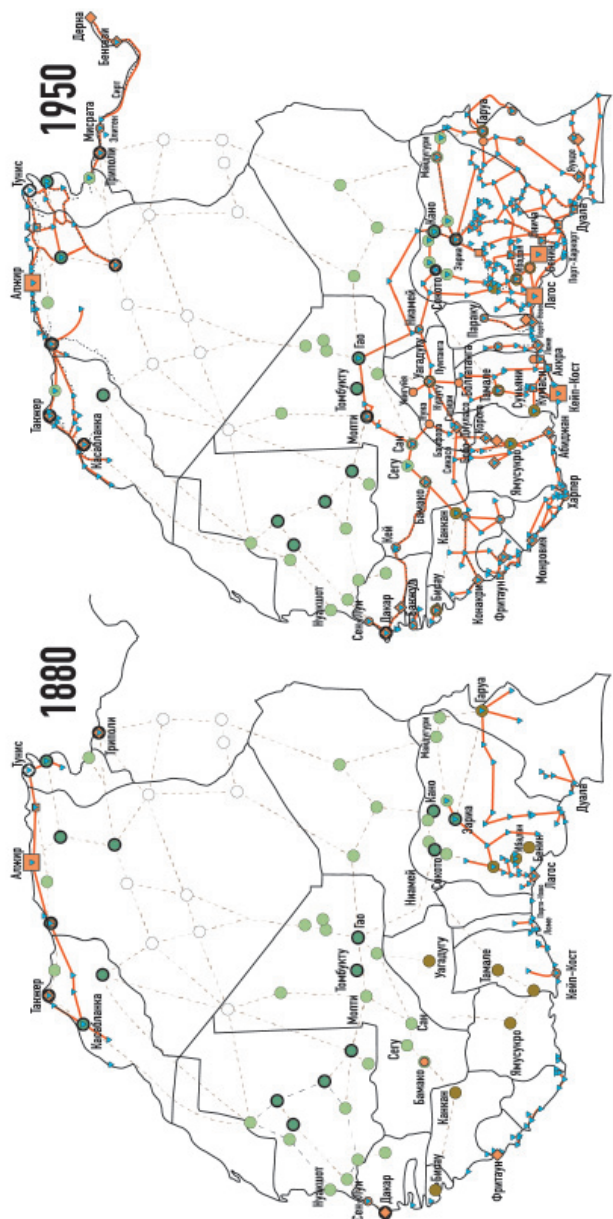

Рисунок 3.

Дифференциация демографических показателей у мусульман и немусульман в некоторых странах Африки, 2006–2014 гг.
 Составлено автором по: [Westoff, Bietsch; World Fertility]

- - мусульманские населенные пункты
- - укрепленные мусульманские города
- - оазисы
- - центр митрополии РКЦ
- - центр епархии РКЦ
- ◆ - центр апостольского викариата
- ◆ - центр апостольской префектуры
- - главные караванные торговые пути
- - древние немусульманские города, включенные в транссахарскую торговлю
- ▲ - протестантские миссионерские станции
- ◇ - деятельность приосновлена
- - основные маршруты распространения христианства

РИСУНОК 4.

Динамика миссионерской сети ислама и христианства в Северо-Западной Африке, 1880–1950 гг.
 Составлено автором по: [Princeton; Atlas..., 1924; Snead, 1936; Snead, 1950; King; Josenhans; Stieler, Haack; Grande; Beach, Fahs, Bartholomew; Annuario..., 1868; 1924; 1948; Giga-Catholic...; Roland; Roberts; Davidson; Michalopoulos, Naghavi, Prarolo].

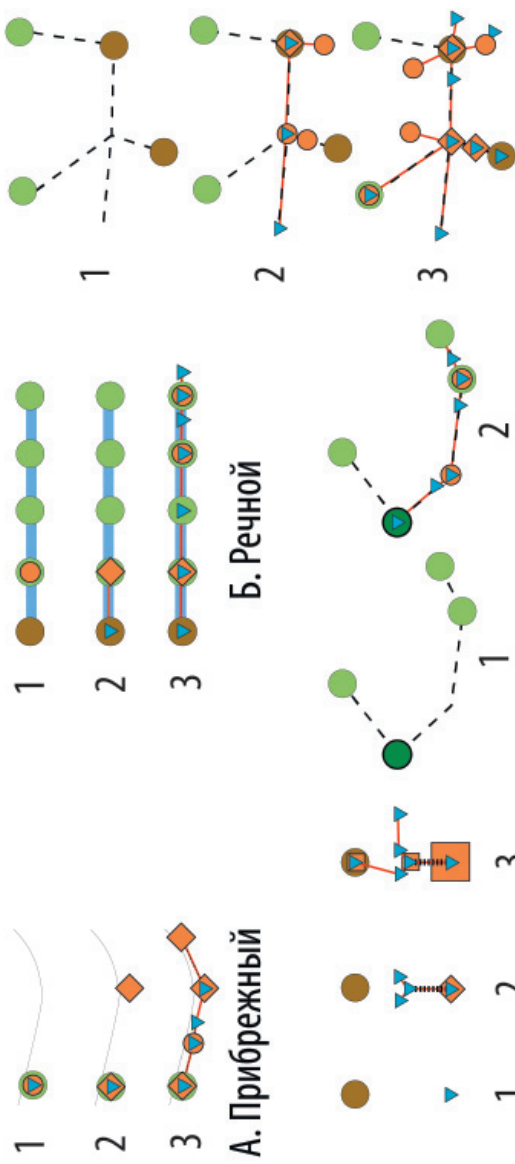

Рисунок 5.

Типы развертывания территориальных сетей миссионерских станций в Северо-Западной Африке до 1950 г.
Составлено автором

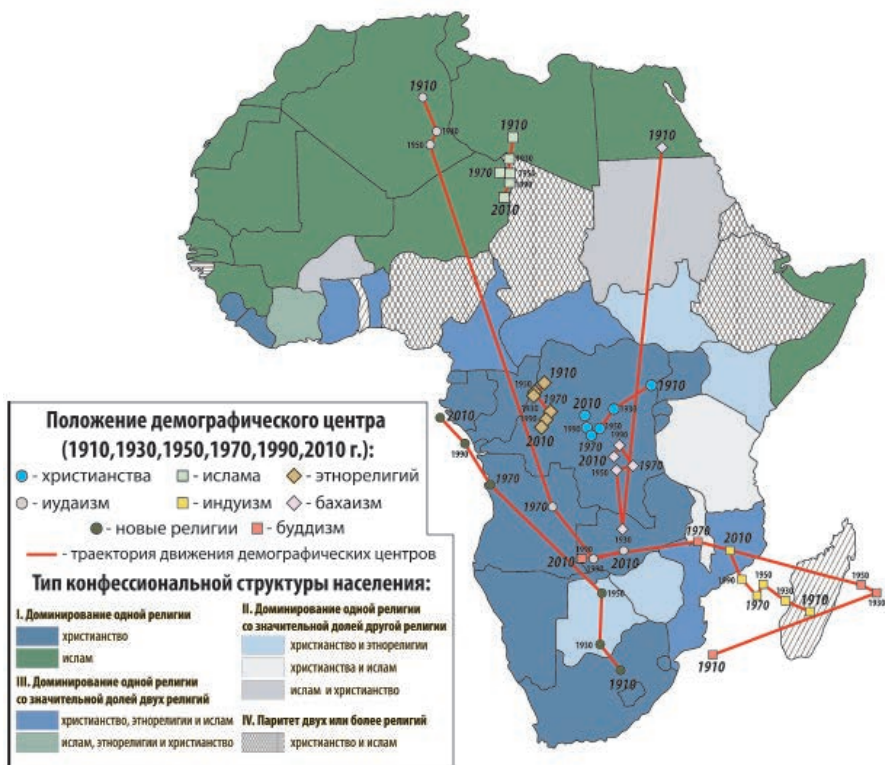

Рисунок 6.

Динамика конфессионального пространства Африки, 1910–2010 гг.
 Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James]

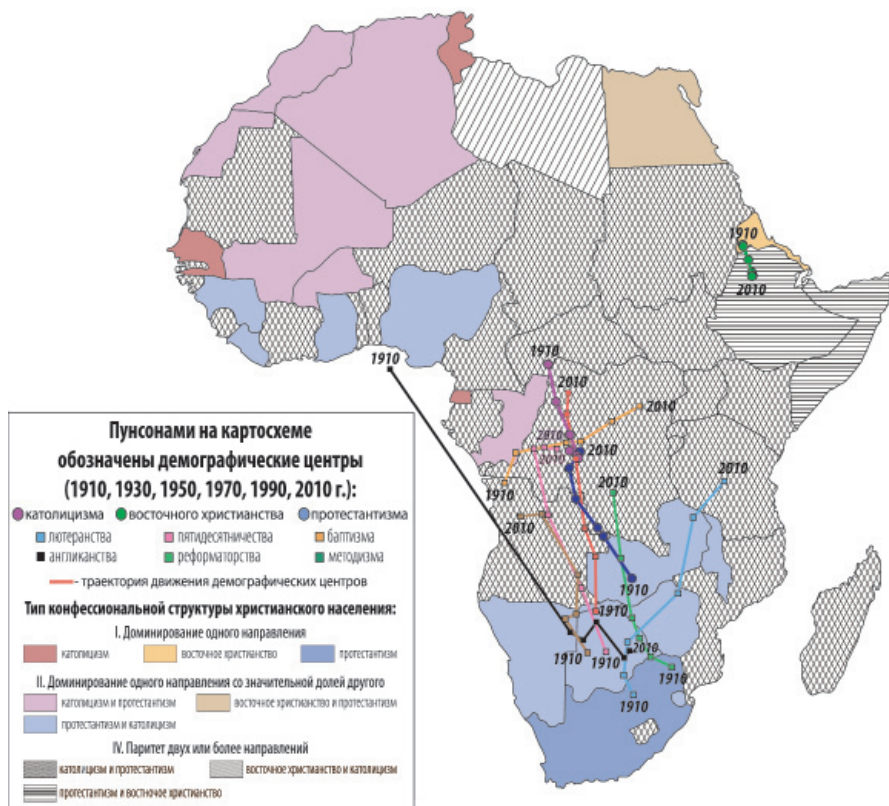

Рисунок 7.

Динамика геопространства христианства в Африке, 1910–2010 гг.

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James]

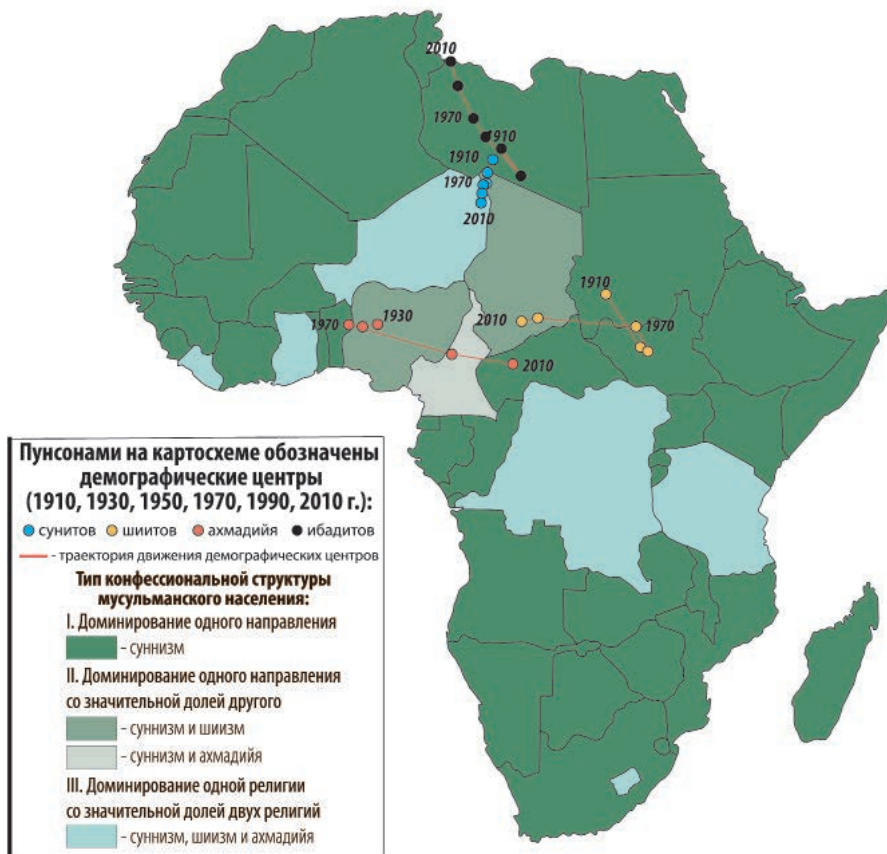

Рисунок 8.

Динамика геопространства ислама в Африке, 1910–2010 гг.

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James]

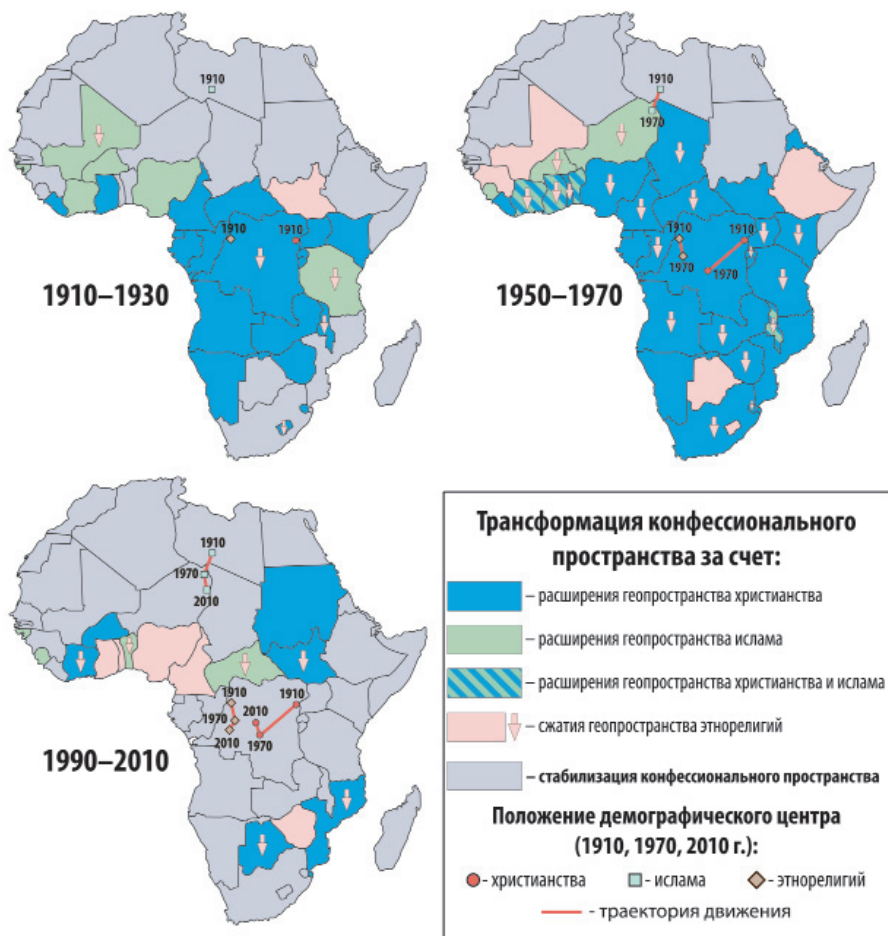

Рисунок 9.

Трансформация конфессионального пространства Африки в 1910–2010 гг.
 Рассчитано и составлено автором по [Brown, James]

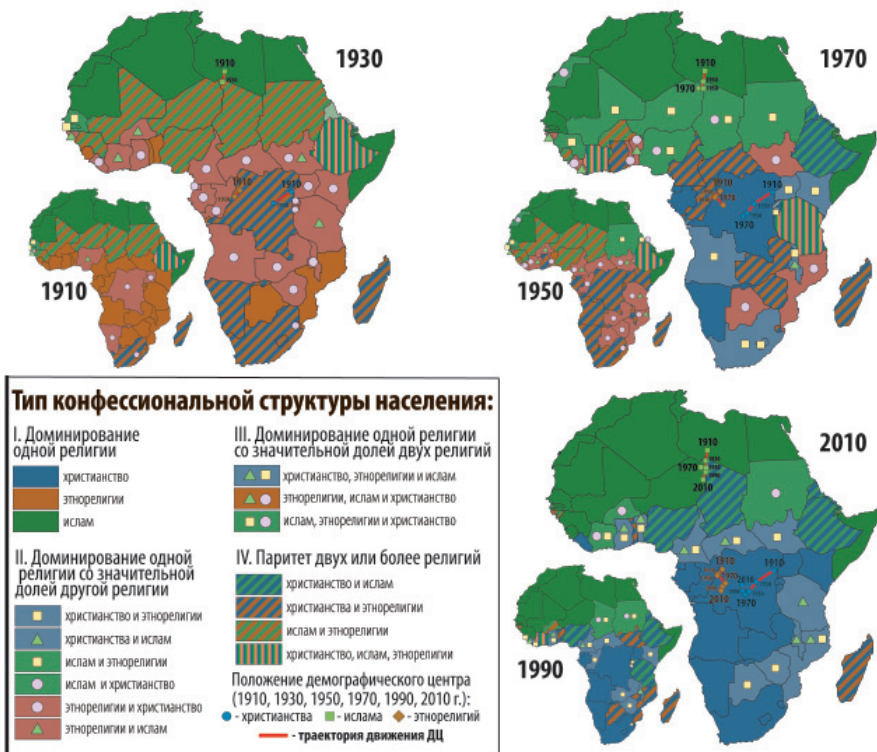

Рисунок 10.

Динамика типов конфессиональной структуры населения стран Африки, 1910–2010 гг. Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James]

Тип конфессиональной структуры христианского населения:

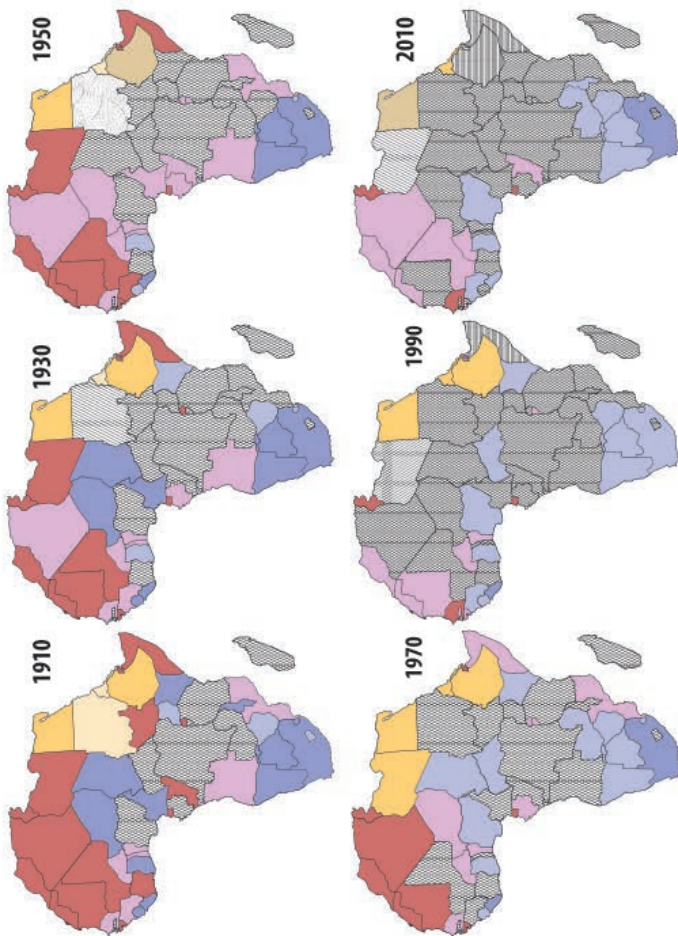
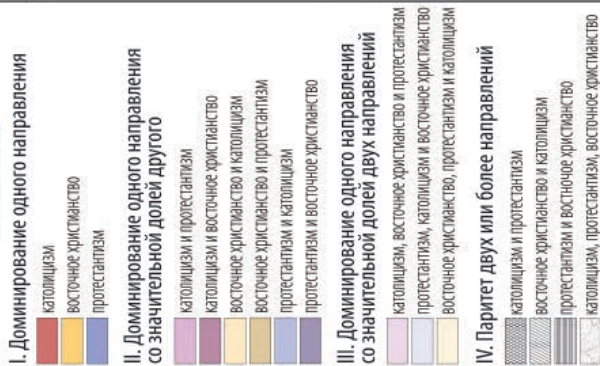

Рисунок 11.

Динамика типов структуры христианского населения, 1910–2010 гг.

Расчитано и составлено автором по: [Brown, James]

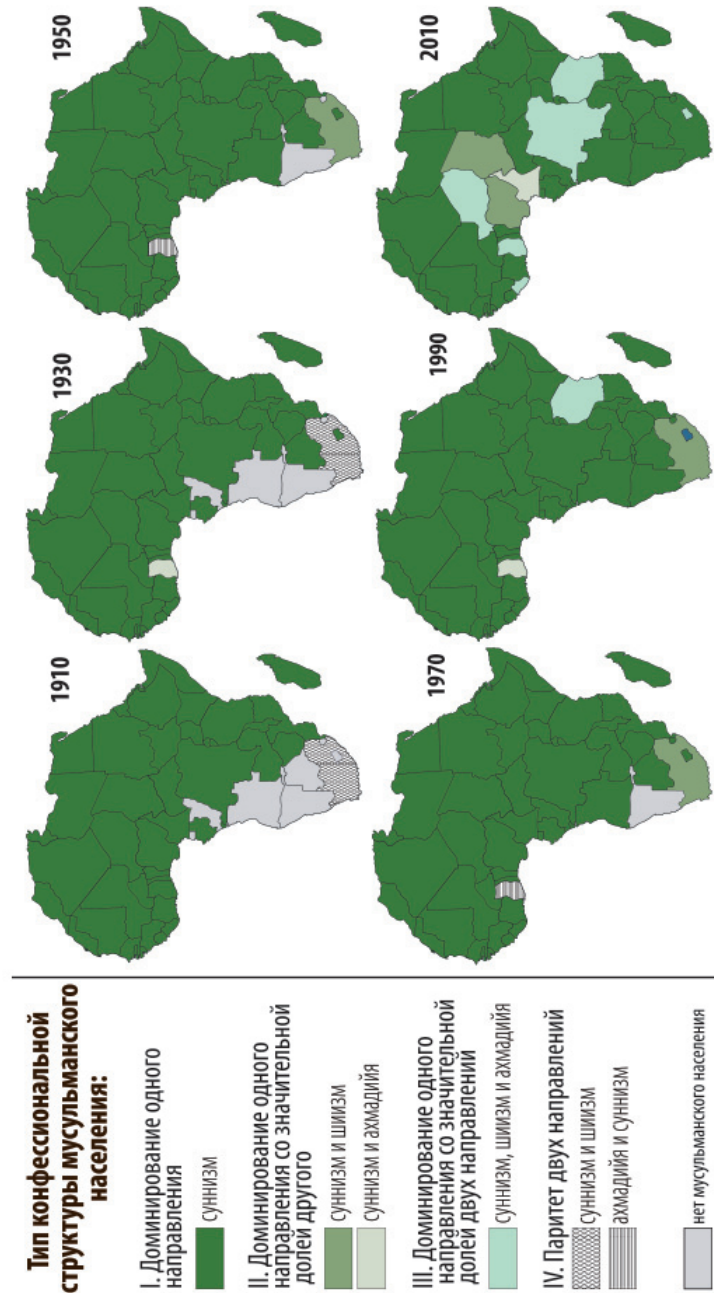

Рисунок 12.

Динамика типов структуры мусульманского населения стран Африки, 1910–2010 гг. Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James]

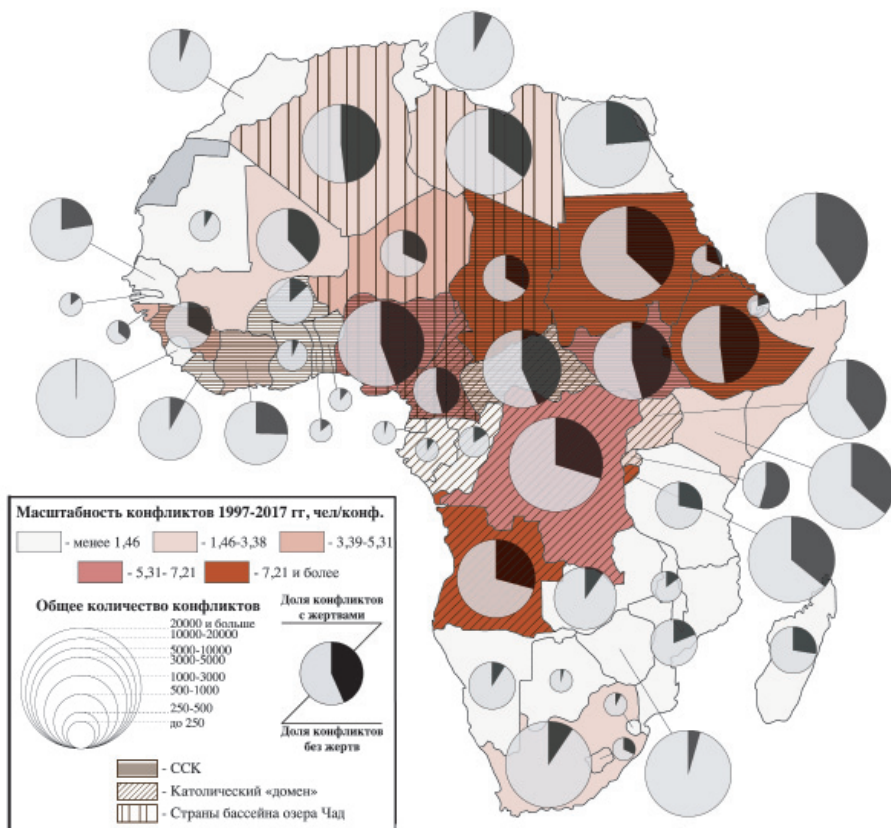
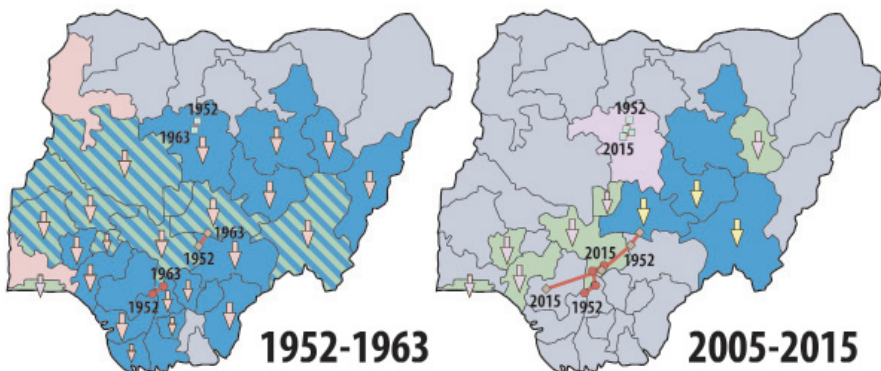
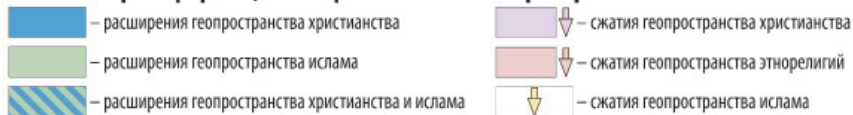

Рисунок 13.

География конфликтов в Африке (1997–2017).
 Рассчитано и составлено автором по: [ACLED. Africa]

Трансформация конфессионального пространства за счет:

 – стабилизация конфессионального пространства

Положение демографического центра (1952, 1963, 2005, 2015 г.):

Рисунок 14.

Трансформация конфессионального пространства Нигерии в 1952–2015 гг.

Рассчитано и составлено автором по:

[Ostien; Afrobarometer 2003; 2005; 2012; 2015; 2017]

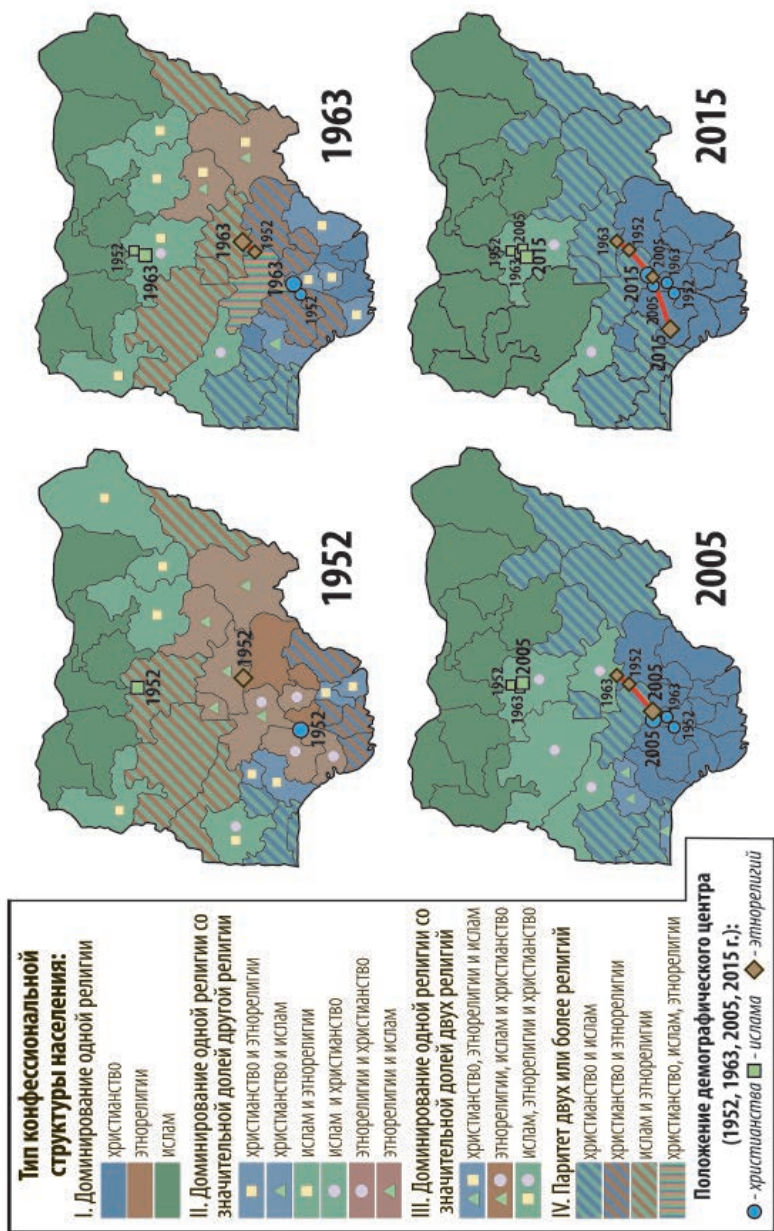
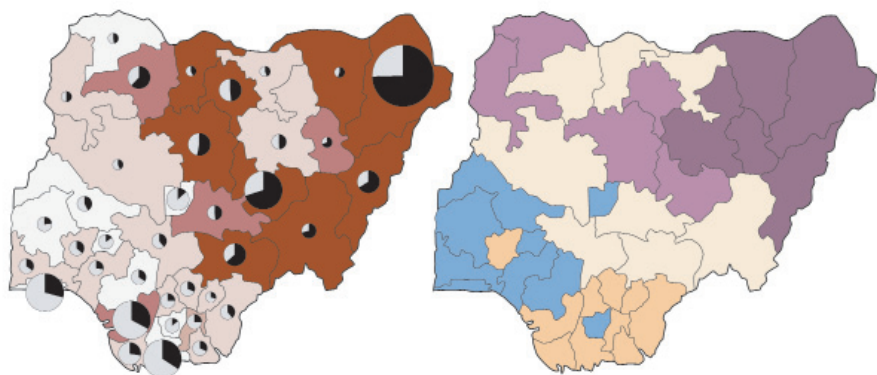

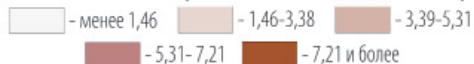
Рисунок 15.

Типы конфессиональной структуры населения штатов Нигерии, 1952-2015 гг.

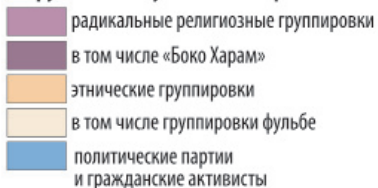
Рассчитано и составлено автором по: [Ostien; Afrobarometer 2003; 2005; 2012; 2015; 2017]

Масштабность конфликтов 1997-2017 гг, чел/конф.

Крупнейшие субъекты конфликтов:

Круговыми диаграммами на картосхеме показано:

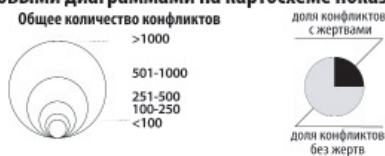

Рисунок 16.

География конфликтов в Нигерии, 1997–2017 гг.
 Рассчитано и составлено автором по: [ACLED. Africa]

Научное издание

И.А. Захаров

География религий:
трансформация конфессионального пространства Африки

Сдано в набор 15.12.2020. Подписано в печать 20.12.2020

Формат 60x90 1/16 Печать офсетная.

Заказ №

Тираж 500.

АРХЭ: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 29/7

www.arhe.msk.ru

www.notabene.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в Публичном акционерном обществе

«Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

Тел.: 8 (495) 221-89-80